

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812 ГОДА.

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

И. П. Липранди.

С.-Петербургъ

Типографія Э. Арнгольда,
на углу Литейной и Невскаго, домъ № 59—76.

1867.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. И. ЛЕНИНА
29026-45
(29026-45)

В. И.
КЛОЧКОВЪ
С.П.БУРГЪ
ЛИТЕЙН. ПР. 55.

2007110185

Въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ мы находили постоянно множество статей о разныхъ эпизодахъ гигантской борьбы 1812 года. Статьи эти почти всѣ были писаны дѣятелями въ той или другой битвѣ, и которыя съ большею или меньшею подробностію, передаютъ намъ то, что они видѣли, или слышали, или чувствовали въ томъ или другомъ случаѣ, въ разные моменты этой битвы.

Собраніе такихъ статей, выходившихъ, въ свѣтъ— въ продолженіе болѣе полувѣка, въ одно изданіе—послужило бы, исторіографу, драгоцѣннымъ матеріаломъ къ достойному изложенію этой русской эпопеи, которой досихъ поръ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ. Оно предоставило бы ему возможность, сближая статьи и пропуская ихъ чрезъ строгую и здравую критику, опредѣлить вѣрно тѣ эпизоды и моменты, которые до сихъ поръ остаются темными, недосказанными, а очень часто и вовсе превратно изложенными.

Мысль о такомъ соединеніи статей въ одно цѣлое, занимала графа Льва Алексѣевича Перовскаго въ послѣдній годъ его жизни. Какъ участникъ въ великихъ событіяхъ того времени, онъ, съ свойственною ему любознательностію, слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что появлялось по этому предмету въ печати; *) но застигнувшая его смерть отняла у насъ плоды его трудовъ и предначертаній.

---

*) Въ слѣдствіе заявленнаго мнѣ графомъ Перовскимъ желанія имѣть списокъ сочиненій о войнѣ 1812 года, я ему представилъ то, что могъ собрать. Къ удивленію, покрайней мѣрѣ моему, ни одна изъ публичныхъ библіотекъ далеко не имѣетъ полнаго собранія сочиненій объ этой войнѣ, такъ напр., въ библіотекѣ генеральнаго

Послѣ Льва Алексѣевича, такой же ревнитель славы нашего оружія, Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, горячо взялся за ту же мысль и, обладая несравненно большими способами, не пожелалъ довольствоваться собраніемъ такихъ статей только изъ однихъ нашихъ журналовъ, но намѣревался распространить оное и на иноземныя изданія, включающія въ себѣ отрывки, относящіеся до нашей отечественной войны.

Предположеніе его простиралось еще далѣе: онъ думалъ составить такіе же сборники и о другихъ войнахъ нашихъ и именно: о войнѣ 1808—1809 годовъ, со Шведами; 1813—1814-го съ Французами, и наконецъ 1828—1829 годовъ съ Турками. Но и здѣсь точно тоже, неумолимая смерть положила преграду исполненію и имъ придуманнаго.

Мысль эта, среди другихъ громадныхъ занятій, не оставляла Якова Ивановича, можно сказать, до самой смерти. Часто по этому предмету онъ призывалъ меня къ себѣ, будучи уже больнымъ. Въ послѣдній разъ я былъ приглашенъ, когда онъ былъ уже въ постелѣ. Я засталъ у него тайнаго (нынѣ дѣйствительнаго) совѣтника Титова и, не смотря на страданія свои, Яковъ Ивановичъ говорилъ и при немъ о собраніи помянутыхъ матеріаловъ о турецкой войнѣ—поручая мнѣ составленіе по сему предмету записокъ *).

штаба нѣтъ тѣхъ сочиненій, которыя находятся въ публичной Императорской библіотекѣ, а въ этой нѣтъ тѣхъ, которыя есть въ первой. То же отношеніе и къ библіотекѣ военной академіи; одинаково и въ библіотекахъ московскихъ,—такъ, что если бы соединить изъ всѣхъ ихъ и то, что они имѣютъ, то окажется, что далеко нѣтъ всего того, что было писано объ этой эпохѣ; словомъ у насъ нѣтъ полнаго соединенія повѣствованій, столь намъ драгоцѣнныхъ.

*) Здѣсь я долженъ сознаться, что громадность предначертанія Якова Ивановича въ одно время, по мнѣнію моему, была бы трудно выполнима, между тѣмъ, какъ предположеніе графа Льва Алексѣевича ручалось за скорый успѣхъ.

Вполнѣ сочувствуя мысли помянутыхъ двухъ лицъ, я не разъ печатно заявлялъ о пользѣ, которая могла бы быть извлечена изъ такого соединенія статей въ одно цѣлое, при множествѣ ихъ, ускользавшихъ отъ компиляторовъ. Какъ частный человѣкъ и не обладая притомъ необходимыми къ тому средствами, я не могъ привести сего въ исполненіе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая принести свою посильн ю лепту, я собралъ въ одно изданіе (въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) однѣ собственныя свои статьи (числомъ девять *), разновременно печатавшіяся: въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ».

Засимъ, смотря, если обстоятельства позволятъ, соединю и всѣ статьи свои о войнѣ 1808 и 1809 годовъ со Шведами; потомъ о войнѣ 1828—1829 съ Турками; словомъ о тѣхъ только войнахъ, въ которыхъ я самъ участвовалъ и которымъ имѣю подробный дневникъ, и наконецъ, въ смѣсь полагаю включать статьи историческія, географическія, статистическія, военно-политическія, разборы нѣкоторыхъ сочиненій

---

*) Не включая тутъ отдѣльно напечатанныхъ о той же войнѣ книгъ:

1) «Нѣкоторыя замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ «подъ заглавіемъ—**Малая война**. Спб. 1851 г.»

2) «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ ино«странныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. Спб. 1855.» Книга, удостоившая посвященія Государю Императору.

3) «Бородинское сраженіе, окончаніе, съ нѣкоторыми замѣчаніями «на Исторію Отечественной войны 1812 г. Соч. г. м. Богда«новича. Спб. 1861.»

4) «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго «дня? Извлечено исключительно изъ иноземныхъ писателей, съ «примѣчаніями и пр. Москва 1867.»

За симъ, въ скоромъ времени выйдутъ пространныя замѣчанія на книгу г. Богдановича о 1812 г. съ критическимъ разборомъ рецензіи австрійскаго военнаго журнала.

и т. п. исключительно относящіяся до войнъ,—странъ и обстоятельствъ, близко мнѣ извѣстныхъ. Статьи эти въ продолженіе сорока лѣтъ помѣщались въ періодическихъ журналахъ: въ Одесской газетѣ, въ Сѣверномъ Архивѣ, въ Русскомъ Инвалидѣ, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ Маякѣ, въ Сѣверной Пчелѣ, въ «Litteraturblad», журналѣ, издаваемомъ въ Гельсингфорсѣ профессоромъ Сигнеусомъ; въ чтеніяхъ Императорскаго общества любителей Исторіи древностей Россійскихъ, въ Русскомъ Архивѣ и пр. То же, что не было еще въ печати изъ многотомнаго моего сборника, остается послѣ меня въ распоряженіи трехъ сыновей моихъ. Утѣшаюсь мыслію, что многое прочтется въ немъ не безъ пользы и не безъ интереса. Я недопускаю внезапности въ историческихъ событіяхъ безъ всякой связи съ прошедшимъ; онѣ непремѣнно должны—имѣть предварительную подготовку къ примѣненію ихъ; по этому-то *современное записываніе* ихъ даетъ послѣдующему историку возможность добраться до истинныхъ причинъ того или другаго событія уяснить мнѣніе современниковъ, имѣющее всегда важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣла и близко ознакомиться съ характеромъ дѣйствовавшихъ тогда личностей. Какъ бы ни были казались эти мнѣнія ошибочными, но они весьма важны для историка и измѣнять въ *Современномъ Дневникѣ* что либо сообразно съ новыми взглядами, выработанными временемъ и наукой, я считаю преступленіемъ, посягательствомъ на историческую правду. Соблюденіемъ этого святаго для меня правила, я обусловливаю настоящее изданіе моего сборника, и того, что можетъ выдти въ свѣтъ послѣ моей смерти.

И. Липранди.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО ПОВОДУ ДВУХЪ СОЧИНЕНІЙ

ОБЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНѢ,

ВЫШЕДШИХЪ ВЪ 1856 И 1857 ГОДАХЪ.

(Напечатанныхъ въ Сѣверн. Пчелѣ 1858 №№ 39, 43, 44, 46, 63, 64 и 65).

Война, поднятая противъ Россіи, въ слѣдствіе восточнаго вопроса, усилила во Франціи воспоминаніе о событіяхъ 1812 года, и вызвала ветерановъ на поприще военной литературы. Конечно. послѣ сочиненій, появившихся объ этой войнѣ въ первыя двадцать пять лѣтъ, не преставали выходить до настоящаго времени, въ разныхъ періодическихъ военныхъ изданіяхъ Франціи, Германіи и другихъ мѣстахъ (иногда и отдѣльными книгами) чрезвычайно любопытныя статьи, изображающія отдѣльные эпизоды изъ этой гигантской борьбы. Такъ напримѣръ, появились описанія (съ 1853 по 1855 г.) битвъ: въ *Смоленскѣ*, на *Валутиной Горѣ*, при *Бородинѣ*, на *Чернишнѣ*, въ *Маломъ Ярославцѣ*, подъ *Краснымъ*. Но въ 1856 году, Полковникъ Французской службы Шапюи, извѣстный и прежде своими сочиненіями, издалъ особою книгою. «*Замѣчанія на отступленія Князя Багратіона;*» *) и вслѣдъ за симъ подарилъ военной наукѣ, въ 1857 г., еще книгу подъ заглавіемъ *Березина* **).

При чтеніи большей части Французскихъ писателей, не должно обращать вниманія на слабую сторону ихъ повѣствованій. Самолюбіе, можетъ быть и извинительное въ этомъ случаѣ, дохо-

*) Observations sur la retraite du Prince Bagration, par le colonel Chapuis. Paris. 1856. 8 1.

**) Bérésina, par le même etc Paris. 1857 in 8 1. Въ настоящемъ же 1858 году вышла еще книжка: Quelques considérations sur la 1 cmpagne de 1812, par le lientenant géneral Chrzanowski. Paris. 858 in 8. Авторъ дѣлаетъ общія, очень дѣльныя, замѣчанія на эту войну, возражая Г. Тіеру.

дитъ у нихъ до тщеславія, пристрастія и даже до хвастовства *). Писатели эти не допускаютъ и самой мысли о возможности, чтобы Французская армія временъ Наполеона, въ особенности же подъ личнымъ его предводительствомъ, могла когда либо понести пораженіе, а если они иногда и признаютъ неудачи, то относятъ ихъ не къ искусству противника и мужеству его войскъ, и все приписываютъ или недостатку продовольствія, суровости климата **) или вымышленно-числительному превосходству непріятеля, неточному выполненію распоряженій Наполеона, смерти начальниковъ, ошибкамъ его полководцевъ и недоумѣнію, или наконецъ измѣнѣ! Такъ, по ихъ повѣствованіямъ, они насъ били: отъ Нѣмана до Москвы, и отъ Москвы до Парижа! Словомъ, они умѣютъ сказать всегда что либо утѣшительное въ пользу своего тщеславія, даже въ самыхъ несчастныхъ для себя событіяхъ. При малѣйшемъ же успѣхѣ, часто даже воображаемомъ, они въ своихъ фразахъ выходятъ изъ всѣхъ размѣровъ. Въ самой даже Франціи, во время Наполеона I, составилась поговорка: «Лжетъ какъ бюллетень!» Мы имѣли образчикъ тому и въ послѣднюю войну въ донесеніи Адмирала Гамелена *о разгромленіи Одесскихъ твердынь* и т. п. Полковникъ Шапюи, въ двухъ помянутыхъ сочиненіяхъ, выказываетъ то же свойство, общее всѣмъ своимъ соотечественникамъ, но за всѣмъ тѣмъ обѣ книги его чрезвычайно поучительны, и свидѣтельствуютъ о глубокомъ его познаніи своего предмета, и объ огромномъ трудѣ при сводѣ повѣствованій многихъ писателей.

Въ обѣихъ этихъ книгахъ авторъ принимаетъ въ основу, для критическаго разбора, сочиненіе Генерала Окунева, и разбирая

*) Въ Сѣв. Пчелѣ № 224—й, 14-го Октября 1857 года помѣщена превосходная статья, указывающая на XVI. т. сочиненія Тіера — «Консульство и Имперія,» въ которомъ совершенно проигранное Французами сраженіе представляется въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ блестящею побѣдою съ наглымъ безстыдствомъ и ложью. Тіеръ представляетъ результатъ этого сраженія почти одинаковымъ съ побѣдою Геркулеса надъ пигмеями. Вполнѣ раздѣляю мнѣніе почтеннаго автора статьи, что стоило бы одному изъ нашихъ военныхъ писателей, (а у насъ ихъ много) разобрать всѣ битвы описываемыя симъ авторомъ въ своемъ многотомномъ сочиненіи, съ тою же отчетливостью, какъ это сдѣлала Сѣверная Пчела относительно Вартенбургской битвы. Съ тѣмъ вмѣстѣ не худо было бы перебрать и Нѣмецкихъ писателей, говорящихъ о войнѣ 1813 и 1814 годовъ, гдѣ Русскіе, единственные виновники освобожденія Германіи, и которыхъ знамена первыя осѣнили Монмартрскія высоты, ставятся многими Нѣмцами на послѣдній планъ, а иногда едва лишь упоминаются въ такихъ сраженіяхъ, въ которыхъ Русскіе одни вынесли всю ихъ тяжесть.

**) Въ изданной мною книгѣ въ 1855 году подъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя изъ иностранныхъ источниковъ о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году»*, я привелъ собственныя выраженія авторовъ (въ числѣ нѣсколькихъ сотъ), изъ коихъ видно, что, ни голодъ, ни морозъ, по собственному ихъ сознанію, не были причиною сокрушенія ихъ арміи.

описываемое этимъ генераломъ эпизодъ за эпизодомъ, дѣлаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ критическій же разборъ и тому, что другіе авторы говорятъ о томъ же самомъ предметѣ. Такъ въ книгахъ Полковника Шапюи разсуждается о сочиненіяхъ: Алликса, Бисмарка, Бонду, Бутурлина, Вильсона, Гувіонъ-Сенъ-Сира, Гурго, Жомини, дю-Касса, Керъ-Портера, Лабома, Мармона, Михайловскаго-Данилевскаго, Монтолона, Рокенкура, Саразена, Сегюра, Тіера, Фена и Шамбре.

«Замѣчанія на отступленіе Князя Багратіона и *— Березина»*—предоставляютъ и намъ, Русскимъ, сказать еще многое въ дополненіе событій, разбираемыхъ Французскимъ полковникомъ, и не только прослѣдить множество иностранныхъ писателей, имъ не упомянутыхъ, но повѣрить и приводимыхъ имъ, а затѣмъ, съ помощью имѣющихся у насъ оффиціальныхъ и частныхъ матеріяловъ, критически же разобрать и собственные его выводы тѣмъ же глазомъ какъ и онъ, имѣя еще участниковъ и наблюдателей описываемыхъ дѣлъ.

Только при однихъ такихъ условіяхъ можно будетъ имѣть истинное описаніе войны 1812 года, чего до сихъ поръ нѣтъ ни у насъ, ни у Французовъ. Пусть пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ исчезнутъ еще уцѣлѣвшіе ветераны, участвовавшіе въ міровомъ событіи, низложившемъ Наполеона I: тогда, вмѣстѣ съ ними, исчезнетъ и возможность удовлетворительнаго описанія нашей Отечественной Войны; тогда она войдетъ въ колею обыкновенной исторіи, конечно, исторіи любопытной, но далеко не могущей представить чего либо положительнаго, поучительнаго для практическаго, слѣдовательно и полезнаго примѣненія и сравненія состоянія военныхъ дѣйствій настоящаго времени съ дѣйствіями той эпохи, когда они были направляемы геніемъ-исполиномъ, вторгнувшимся въ наше отечество съ семисоттысячною арміею, закаленною въ двадцати-лѣтнихъ побѣдахъ, подъ предводительствомъ искусныхъ и опытныхъ полководцевъ, боровшихся съ не менѣе опытными и даровитыми противниками.

Такія событія не могли не положить, на неопредѣленное время, твердаго основанія современной военной наукѣ — и измѣненіе этихъ прочныхъ основаній, конечно, не произойдетъ отъ введенія штуцеровъ Миніе, что нѣкоторые изъ теориковъ проповѣдуютъ, какъ будто введеніе этого штуцера есть изобрѣтеніе, равное открытію силы пара, или осуществленію усилій подчинить воздухъ волѣ человѣка. Ни одна эпоха въ исторіи не представляетъ такого множества битвъ, какъ время Наполеона. Опытность на этомъ кровавомъ поприщѣ достигла своей полноты; всѣ роды маневровъ, различные виды примѣненія къ дѣлу оружія, были практически употреблены и изслѣдованы не разъ. Послѣ такой долговременной

школы, подъ руководствомъ геніяльнаго человѣка и отличныхъ исполнителей въ военномъ ремеслѣ, обогатившей науку превосходными матеріялами и выводами, одно какое либо сверхъ-естественное новоизобрѣтеніе могло бы только опрокинуть зданіе настоящаго положенія военной науки, и заставить отречься отъ всѣхъ прежнихъ убѣжденій, соображеній и познаній. Натуральное же, по времени, совершенствованіе по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній могло совершенствовать лишь существующія нынѣ начала въ наукѣ, но для созданія новаго, необходима и новая сила, а какъ таковой не выдумано, то и всѣ притязанія на рѣшительныя реформы неумѣстны.

Между тѣмъ многіе, увлеченные полетомъ на 1,500 шаговъ пуль изъ настоящихъ штуцеровъ, выводятъ въ кабинетныхъ своихъ умозаключеніяхъ, что этотъ полетъ долженъ измѣнить *неотмѣнно* не только что тактику, но и всю военную науку, какъ это послѣдовало послѣ изобрѣтенія пороха! Изъ большаго множества сочиненій на всѣхъ языкахъ, говорящихъ о преимуществѣ такихъ штуцеровъ противъ обыкновеннаго гладкаго ружья (что впрочемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и неоспоримо), еще ни одинъ умозрѣній своихъ не приложилъ къ практикѣ и не разсмотрѣлъ достаточно въ совокупности съ нею такъ создаваемую теорію. Этотъ конекъ настоящаго времени, или *штуцероманія*, какъ бы отуманиваетъ и не позволяетъ до сихъ поръ, по-видимому, разобрать предметъ съ примѣненіемъ его къ практикѣ, словомъ, показать все, что можно сказать и за и противъ, а не кричать только, что пуля Миніе бьетъ вчетверо, впятеро далѣе чѣмъ пуля изъ гладкаго ружья. Необходимо показать результатъ, а его легко вывести изъ послѣдней Крымской войны. Тогда только можно будетъ положительно сказать о преимуществѣ такихъ штуцеровъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, въ той или другой пропорціи, противъ обыкновенныхъ ружей. Авторъ статьи: «*Взглядъ на значеніе кавалеріи при будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ*» *) раздѣляетъ это мое мнѣніе, и вотъ что онъ говоритъ между прочимъ: «Крымская кампанія указала на важное значеніе штуцера въ военныхъ дѣйствіяхъ; но она, такъ сказать, только *намекнула*, хотя и довольно сильно, на это значеніе, не опредѣливши точно ни образа дѣйствій пѣхоты, ни наилучшаго для нея строя, даже не дала совершеннаго понятія о губительности дѣйствій штуцернаго огня въ полевомъ сраженіи. Единственное полевое сраженіе этой кампаніи при Алмѣ ($^{8}/_{20}$ Сентября) **) не можетъ разрѣ-

*) Русскій Инвалидъ 1857 г. 2-го Ноября, № 236-й.

**) Конечно, не могу не замѣтить здѣсь вкравшейся ошибки: авторъ, разсуждая о дѣлѣ на Алмѣ, въ которомъ Французы и Англичане дѣйствовали *по прежнимъ уставамъ:* «На правомъ флангѣ и въ центрѣ Французы наступали

шить ни одного изъ этихъ вопросовъ.» Превосходная же практическая, чисто практическая, а потому въ моемъ понятіи выше всѣхъ кабинетныхъ умствованій, статья «армейскаго кавалериста о движеніяхъ кавалеріи,» *) какъ говорится, въ пухъ и прахъ разбиваетъ тѣхъ, которые испуганы ружьями дальняго полета. Свѣтлый практическій взглядъ найдетъ всегда возможность парализировать этотъ призракъ, что самымъ удовлетворительнымъ образомъ и дѣлаетъ нашъ почтенный армейскій кавалеристъ. Дай только Богъ, чтобы безсознательные приверженцы *треугольниковъ* не воспротивились, по значенію своему, этой, въ высшей степени, святой истинѣ!

Въ моемъ понятіи я признаю только одно *измѣненіе*, которое частію уже произошло въ военномъ дѣлѣ, а именно то, что настоящая война не столь кровопролитна, какъ были войны 1812, 1813 и 1814 годовъ. Такъ, напримѣръ, подъ Бородинымъ, гдѣ, разумѣется, не было штуцеровъ Миніе, *въ одиннадцать часовъ времени* у насъ выбыло изъ строя *до шестидесяти тысячъ человѣкъ*, у Французовъ около того же числа, исключая то, что они потеряли генераловъ несравненно болѣе нашего. По засвидѣтельствованію французскихъ архивовъ, въ арміи Наполеона подъ Бородинымъ выбыло изъ фронта *сорокъ девять* генераловъ, *тридцать семь* полковыхъ командировъ и соотвѣтственное число штабъ и оберъ-офицеровъ. У насъ: генераловъ болѣе *двадцати*, штабъ-офицеровъ до *трехъ сотъ* и до *двухъ тысячъ* оберъ-офицеровъ! Въ одной Гренадерской Дивизіи Графа Воронцова, изъ *четырехъ тысячъ*, вступившихъ въ дѣло, чрезъ нѣсколько часовъ осталось *триста* человѣкъ, а изъ *осьмнадцати* штабъ-офицеровъ только *трое!* Въ Ширванскомъ Полку (24-й дивизіи 6-го Корпуса) изъ *тысячи трехъ сотъ* человѣкъ, къ третьему часу по полудни, осталось *девяносто шесть* рядовыхъ и три офи-

въ колоннахъ, на флангѣ Англичане шли въ развернутомъ фронтѣ,» присовокупляетъ: «Какъ тѣ, такъ и другіе были предшествуемы весьма густою цѣпью стрѣлковъ, *въ чемъ и состояла разница отъ дѣйствія этихъ войскъ въ прежнихъ кампаніяхъ.*» Не знаю, о какихъ кампаніяхъ говоритъ здѣсь почтенный авторъ. Что же относится до нашихъ битвъ съ Французами, начиная съ 1805 года, потомъ 1807, 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., то всѣ наступательныя колонны ихъ *всегда* предшествуемы были *густою цѣпью стрѣлковъ*, какъ бы жидкимъ строемъ, nuée des tirailleurs, производившихъ учащенную стрѣльбу, и мало заботясь о цѣлевой. Введеніе этихъ густыхъ цѣпей принадлежитъ Наполеону, когда онъ былъ еще генераломъ въ Италіи. Этимъ онъ парализировалъ дѣйствіе отрядовъ стрѣлковъ, находившихся въ Австрійской арміи, и составленныхъ изъ природныхъ стрѣлковъ, Тирольцевъ Кроатъ, Швейцарцевъ, Иллирійцевъ, Далматовъ и т. п. Объ этомъ буду говорить въ особенной статьѣ, а здѣсь ссылаюсь на всѣхъ, дѣлавшихъ упомянутыя мною войны, что густыя цѣпи застрѣльщиковъ были главнымъ условіемъ наступательныхъ движеній Французовъ того времени противъ всѣхъ непріятелей.

*) Русскій Инвалидъ №№: 278, 279, 1857 г.

цера *), и т. д. Въ конной ротѣ Никитина (нынѣ Графа), въ одинъ часъ выбыло *девяносто* человѣкъ и соотвѣтственное число лошадей. Въ батарейной ротѣ Веселицкаго остались два офицера (Вальцы) и *четвертая* часть людей. Во многихъ артиллерійскихъ ротахъ (нынѣ баттареи) по нѣскольку разъ возобновляли прислугу (въ Смоленскѣ тоже). Что же удивительнаго, что на Алмѣ прислуга двухъ орудій и лошади, были перебиты и переранены? Въ 1812 году не было ружей столь дальняго полета, а потому и прицѣлъ былъ вѣрнѣе. Но и въ то время наши ружья били на половину разстоянія противъ Французскихъ ружей (тоже въ Шведскую и Турецкую войны); но это никакъ не мѣшало намъ, подъ искуснымъ предводительствомъ, уравновѣшивать бой. Подъ Севастополемъ, не въ *одиннадцать часовъ*, какъ подъ Бородинымъ, но въ *одиннадцать мѣсяцевъ* выбывшихъ изъ строя (отъ огня) едва ли наберется столько же, а по реляціямъ цифра эта не восходитъ, совокупно, и съ потерею въ битвахъ при Кадикіоѣ, Инкерманѣ и на Ѳедюхиныхъ Горахъ... Подъ Лейпцигомъ, въ три дня, но преимущественно 6-го числа, выбыло изъ фронта съ обѣихъ сторонъ болѣе *ста двадцати тысячъ.* Въ генеральномъ же сраженіи на Алмѣ, гдѣ оспаривалось обладаніе полуостровомъ, потеряно съ каждой стороны менѣе, чѣмъ теряли въ 1812 году въ нѣкоторыхъ аррьергардныхъ дѣлахъ. При сравненіи битвъ той эпохи съ битвами настоящаго времени, оказывается, что тогда терялась въ сраженіяхъ, продолжавшихся лишь нѣсколько часовъ, третья часть, а иногда и половина людей, какъ напримѣръ, подъ Бородинымъ, въ Смоленскѣ, (въ войскахъ Дохтурова); въ Маломъ Ярославцѣ, до прибытія арміи, Дохтуровъ потерялъ болѣе половины, не уступивъ ни шагу и т. п. На Алмѣ же не потеряно и шестой части числительности, бывшей во фронтѣ. Такія измѣненія въ результатахъ битвъ, мимо другихъ причинъ, должны согласоваться и съ выводами ученыхъ военныхъ историковъ, по мнѣнію которыхъ битвы, до изобрѣтенія пороха, какъ рукопашныя, были кровопролитнѣе: стрѣлы и метательныя копья требовали также недальняго разстоянія. Съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія битвы начали рѣшаться такъ, что противники иногда и не сходились ближе ружейнаго выстрѣла, а маневры оканчивали бой, и оттого, по мнѣнію ученыхъ теоретиковъ, и битвы сдѣлались филантропическими. Слѣдовательно, на этомъ основаніи нынѣшнее изобрѣтеніе ружей *дальняго полета* естественно дол-

*) Маіоръ Племянниковъ и два оберъ-офицера; одинъ изъ нихъ (нынѣ Генералъ-Лейтенантъ) Бѣлогужевъ — тогда ротный командиръ. Вообще корпусъ Дохтурова, въ этой достопамятной битвѣ, много потерпѣлъ, такъ что изъ двухъ полковъ въ каждой дивизіи (7-й и 24-й) — сформированы были слабые баталіоны.

жно было уменьшить кровопролитіе. Пожалуй, оно еще болѣе уменьшится, когда усовершенствуютъ оружіе такъ, что штуцера будутъ бить на *пять верстъ*, а пушки на *двадцать пять!*

По теоріи—вооруженные штуцерами Миніе должны бы, кажется, истреблять противника въ нѣсколько минутъ, когда послѣдній вооруженъ гладкимъ ружьемъ; на *практикѣ* же выходитъ совсѣмъ другое: *) Адмиралъ Нахимовъ, въ продолженіе *девяти мѣсяцевъ*, служилъ для штуцеровъ Миніе цѣлью на самый близкій и вѣрный прицѣлъ, и, только послѣ столь долгаго времени, когда въ него пущено было, можетъ быть, нѣсколько тысячъ пуль, роковая, и къ отчаянію штуцермановъ, еще не штуцерная, а простая пуля, сложила героя въ славную могилу. Князь Меншиковъ, на Альмѣ и при Инкерманѣ, часто, долгое время оставался подъ пулями. Генералъ Данненбергъ въ этомъ послѣднемъ сраженіи не выходилъ изъ-подъ пуль, и подъ нимъ убиты двѣ лошади. Графъ Остенъ-Сакенъ неоднократно при объѣздахъ своихъ показывался въ цѣпи верхомъ. Князь Васильчиковъ, въ продолженіе почти всей осады, ежеминутно былъ подъ пулями. Князь Воронцовъ равнодушно прохаживался по цѣпи въ продолженіе многихъ дней, до колѣ не былъ раненъ, и множество другихъ, которые, по теоріи, не должны бы уже быть на свѣтѣ. **) На Алмѣ у насъ были штуцера только въ одномъ баталіонѣ (шестомъ стрѣлковомъ), но и то меньшаго полета противъ непріятельскихъ, а убыль людей была почти равная съ обѣихъ сторонъ, не смотря на то, что нашъ лѣвый флангъ терпѣлъ отъ огня союзнаго флота. Офицерами союзники потеряли болѣе. При Инкерманѣ у насъ выбыли изъ строя *два* генерала, а у непріятеля *одиннадцать;* офицеровъ также несравненно болѣе. По общему приговору, не ружья дальнаго полета, коимъ многіе любятъ приписывать наши неудачи, но тому были будто бы другія, болѣе могущественныя причины.

Обращаюсь къ первымъ словамъ моимъ, и вновь повторяю, что, по моему убѣжденію, радикальное измѣненіе военной науки, или, лучше сказать, нынѣшняго образа дѣйствій, можетъ послѣдовать тогда только, когда воздухъ подчинится волѣ человѣка, по-

*) Что же касается собственно до моего мнѣнія, то я убѣжденъ, что если два баталіона, равные числительностью, съ офицерами и начальниками одинаковыхъ способностей и опытности, одинъ, вооруженный штуцерами Миніе, другой — обыкновенными гладкими ружьями, при равномъ искусствѣ дѣйствія изъ оныхъ, поставить на равнинѣ одинъ противъ другаго, то послѣдній непремѣнно одолѣетъ перваго. Въ статьѣ, предназначенной собственно сему предмету, я попытаюсь изложить все, относящееся до дѣйствія тѣхъ и другихъ ружей, съ примѣненіемъ къ практическому употребленію въ разнородныхъ битвахъ при тѣхъ или другихъ условіяхъ.

**) Объ общихъ случаяхъ скажу въ статьѣ о штуцерныхъ.

добно тому, какъ пары измѣнили морскую тактику и вообще способъ водяныхъ сообщеній. До того же времени кареи *Румянцова*, колоны *Суворова*, густыя цѣпи застрѣльщиковъ *Бонапарта*, усовершествованный батальный огонь развернутаго фронта *Веллингтона* останутся неизмѣнными. *Умѣнье* сосредоточивать огонь артиллеріи на дальній пунктъ, стремительность массъ конныхъ аттакъ, своевременный натискъ пѣхотныхъ колоннъ—будутъ всегда занимать первое мѣсто на полѣ битвъ, а *штыкъ*, *одинъ штыкъ* будетъ довершать побѣду, не смотря ни на какіе штуцера. Это свидѣтельствуется битвами въ послѣднюю войну 1853—1855 годовъ, преимущественно въ окрестностяхъ Севастополя.

Такимъ образомъ, не раздѣляя мнѣнія, что военныя дѣйствія настоящаго времени должны измѣниться отъ введенія ружей *дальняго полета*, я нахожу, что подробное описаніе Отечественной Войны съ критическимъ разборомъ — эпизода за эпизодомъ, какъ изображаютъ ихъ всѣ авторы, и, пожалуй, послѣдующихъ 1813 и 1814 годовъ, когда величайшіе и опытнѣйшіе полководцы своего времени боролись на полѣ чести, принесетъ большую пользу нынѣшнему поколѣнію, независимо уже отъ того, что покажетъ въ настоящемъ свѣтѣ несправедливость въ голословномъ набрасываніи, иноземцами, тѣни на храбрую Русскую Армію того времени и на ея вождей: тогда безпристрастный анализъ событій вообще и въ частности дастъ совершенно другой результатъ.

И дѣйствительно, возьмемъ только *Бородинское поле*, на которомъ армія Наполеона въ числѣ 160,000 человѣкъ, послѣ постоянныхъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, побѣдъ, явилась подъ предводительствомъ искусныхъ и опытныхъ вождей: Короля Неаполитанскаго, Вице-Короля Италіянскаго, маршаловъ и другихъ извѣстныхъ генераловъ, герцоговъ, князей, графовъ и т. п. Бертіе, Нея, Мортье, Даву, Лефевра, Понятовскаго, Жюно, Бессіера, Нансути, Латуръ-Мобура, Себастіани, двухъ Коленкуровъ, Мутона, Лабориссіера, Монбрена, Фуше, Морана, Кампана, Жерара, Груши, Дельсона, Бруссіе, Тильмана, Сорбіе, Раппа, Лористона, Десекса, Фріана, Клапареда, Пернети, Гильемино, Лепеля, Плозона, Ледрю, Дюфура, Ромефа, Польтра, Шуара, Лагуссе, Шаетеля, Тири, Компера, Демерка, Деманже, Лапабера, Маріона, Гюара, Жифленга и другихъ, *) ведомыхъ и направляемыхъ самимъ Наполеономъ.

Противъ этой массы, составленной изъ *двудесяти языкъ*, Русская армія, въ числѣ только ста тринадцати тысячъ человѣкъ, встрѣтила грудью непобѣдимый колоссъ. Но кто были тогда и наши

*) Многіе изъ нихъ извѣстны своею ученостью независимо отъ долголѣтней опытности.

предводители? Независимо главнокомандующаго всѣми арміями— Князя Кутузова, тутъ были главнокомандующіе 1-ю и 2-ю арміями: Барклай-де-Толли и Князь Багратіонъ съ своими начальниками штабовъ—Графомъ Бенигсеномъ, поразившемъ Наполеона при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау, Ермоловымъ и Графомъ Сенъ-При, Генералъ-Квартирмейстеромъ Толемъ, Начальникомъ Артиллеріи Графомъ Кутайсовымъ. Командовали корпусами 2-мъ Боговутъ; 3-мъ Тучковъ 1-й; 4-мъ Графъ Остерманъ-Толстой; 5-мъ Лавровъ; 6-мъ Дохтуровъ; 7-мъ Раевскій и 8-мъ Бороздинъ. Кавалерійскими: Васильчиковъ (въ послѣдствіи князь), Князь Д. В. Голицинъ, Уваровъ, Баронъ Корфъ, временно Графъ П. П. Паленъ, Крейцъ. Тутъ же были: Русскій Мюратъ (такъ прозванный французами), Графъ Милорадовичъ; Графъ Платовъ; Начальникъ Московскаго Ополченія Графъ И. И. Марковъ *) Дивизіонные Начальники: Принцы Евгеній Виртембергскій и Карлъ Мекленбургскій; Графъ (въ послѣдствіи князь) Воронцовъ, Графъ Строгоновъ, Паскевичъ (въ послѣдствіи князь), Князь А. И. Горчаковъ, Капцетичъ, Лихачевъ, Невѣровскій, Олсуфьевъ, Графъ Орловъ-Денисовъ, Князь Шаховской, Баронъ Розенъ, Шевичъ, Коновницинъ (въ послѣдствіи графъ), Колюбакинъ, двое Бахметевыхъ и пр.; не пропустимъ Герцога Александра Виртембергскаго, Тучкова 4-го, Монахтина, Фока, Дорохова, Талызина, де-Росси и многихъ другихъ искусныхъ, опытныхъ и достойныхъ предводителей частями, обладавшихъ не только что глубокими познаніями военнаго дѣла, но имѣвшихъ даръ одушевлять своимъ присутствіемъ каждаго воина въ торжественныя минуты. Когда онъ стоялъ лицемъ къ лицу со смертію, онъ сознавалъ въ этихъ военачальникахъ великое предъ собою преимущество во всѣхъ отношеніяхъ, а потому, питая къ нимъ любовь, одушевлялся слѣпою къ нимъ довѣренностью, главнѣйшею основою въ военныхъ предпріятіяхъ. Не то бываетъ при другихъ условіяхъ.

Таковы были лица, съ обѣихъ сторонъ управлявшія этой, невидавшей подобной и въ послѣдствіи, битвой. Чтобъ удержать напоръ такого непріятеля на позиціи, далеко не представлявшей большихъ преимуществъ для своей обороны, нужна была не одна храбрость войскъ, но искусныя распоряженія, какъ общія, такъ и частныя, въ надлежащій моментъ предпринимаемыя. Все это вполнѣ происходило въ великій Бородинскій день, и Наполеонъ, назвавъ эту битву *битвою генераловъ*, конечно, не относилъ выраженія своего къ числу павшихъ генераловъ, но къ *искуству* ихъ въ *частныхъ*, на мѣстѣ, по обстоятельствамъ, распоряженій.

*) Украшенный еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, орденомъ Св. Георгія 2 ст., за разбитіе Польскихъ конфедератовъ.

съ обѣихъ сторонъ. А потому, какъ эта битва, такъ и вся война 1812 года, заслуживаетъ самаго подробнаго описанія, разумѣется, очистивъ прежде критикою всѣ объ оной повѣствованія: честь Рускаго оружія и слава отечества того требуютъ.

Отсутствіе критическаго разбора военныхъ дѣйствій, вообще и въ частностяхъ, почти всегда влечетъ за собою нареканіе въ непониманіи дѣла, въ особенности же, если теорія науки не согласуется съ практическимъ дѣйствіемъ и обратно. Такъ напримѣръ: не требуютъ ли послѣднія событія въ Придунайскихъ Княжествахъ и въ Крыму практическаго объясненія всѣмъ приписываемымъ отступленіямъ отъ первоначальныхъ правилъ теоріи военной науки? Это дѣйствительно и представляется при одномъ простомъ взглядѣ на карту. Несомнѣнно, что поводомъ къ этимъ отступленіямъ были побудительныя причины, о которыхъ, по-видимому, иноземные писатели и знать не хотятъ, пятная нашихъ военачальниковъ отъявленной неспособностью. То же дѣлаютъ многіе и у насъ. Бездоказательной до сихъ поръ приговоръ этотъ, не будучи еще разсмотрѣнъ критически, оставляетъ столь же невыгодное мнѣніе о способностяхъ нашихъ полководцевъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ сколько утвердитъ мнѣніе относительно мужества нашихъ войскъ. Пройдетъ время, и сказанія иностранцевъ вмѣстѣ съ молвою у насъ, на счетъ нашихъ военачальниковъ, содѣлаются достояніемъ исторіи и, можетъ быть, несправедливо передадутъ потомству истинныя причины нашихъ неудачъ, при явномъ ожиданіи совершенно противоположныхъ результатовъ.

Великость значенія войны 1812 г. несомнѣнна: описанія ея не можетъ съ отчетливостью и съ необходимою поучительною подробностью быть изложено *однимъ человѣкомъ*. Одинъ человѣкъ можетъ написать *исторію движенія войны*, но для *описанія* событій 1812 года необходимо коллегіальное сотрудничество, потому уже одному, что независимо трехъ, четырехъ сочиненій изданныхъ Рускими, далеко не удовлетворяющихъ понимающихъ дѣло и включающихъ въ себѣ многія противорѣчія, иностранцы издали нѣ сколько сотъ сочиненій объ этой войнѣ, и продолжаютъ писать до сихъ поръ, всѣ эти сочиненія требуютъ тщательнаго критическаго разбора, чтобы наконецъ единожды навсегда утвердить истину.

Къ этому количеству матеріяловъ *) должно еще присоединить

*) Замѣчу здѣсь, что самое количество и достоинство матеріяловъ можетъ уподобляться приготовленной провизіи на кухнѣ. Хорошій и опытный поваръ изготовитъ вкусный обѣдъ, между тѣмъ какъ изъ этой же самой провизіи, худой, или даже посредственный и неопытный поваръ, не только-что сдѣлаетъ обѣдъ безвкуснымъ, но и разстроитъ желудокъ. Историческіе и въ особенности военные матеріялы одинаково, какъ и провизія, должны быть тщательно разобраны. Опытный поваръ, бывавшій на большихъ кухняхъ, когда на нихъ работали, обратитъ вниманіе даже на лицо, отъ котораго они доставле-

большое множество описаній отдѣльныхъ эпизодовъ, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ въ иностранныхъ, такъ и въ нашихъ, а иногда и особенными книжками.

Независимо отъ всего этого, сколько есть еще рукописей, болѣе или менѣе извѣстныхъ, писанныхъ возвышенными лицами—участниками въ этой войнѣ, и наконецъ, сколько есть немногимъ извѣстныхъ такихъ же рукописей, хранящихся у участниковъ въ этихъ событіяхъ, а равно и любопытныхъ дневниковъ, драгоцѣнныхъ для опредѣленія моментовъ событіямъ! Всѣ такія рукописи, но преимущественно *дневники*, со смертію участниковъ, владѣльцевъ оными, переходятъ къ наслѣдникамъ и въ особенности въ помѣстьяхъ, гдѣ эти неоцѣненные матеріялы не имѣютъ ни какого значенія, и часто служатъ для оклейки зимнихъ рамъ, а еще чаще, и въ особенности въ столицахъ и городахъ, сбываются прислугою въ мелочныя лавочки, что мнѣ самому неоднократно случалось открывать.

И такъ, нѣтъ ни какой возможности *одному человѣку* составить хотя бы нѣсколько удовлетворительное описаніе Отечественной Войны; въ особенности же, если при томъ этотъ человѣкъ еще и не участвовалъ въ оной *), а вмѣстѣ съ тѣмъ и не изощ-

ны, и можно ли полагаться на ихъ достоинство и на слово поставившаго ихъ; наконецъ они очищаются: одни ножемъ и водою, другіе — критикою, и потомъ кстати и вовремя соединяются для гармоніи и вкуса. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣютъ достоинство по своей простотѣ, не требуютъ ни какихъ приправъ; другіе—безъ надлежащей приправы жестки, невкусны, неудобоваримы — отъ неправильнаго соединенія однихъ съ другими. Встрѣчаются еще и такіе, которые оставляются у себя для домашняго обихода потому, что ни какая приправа не сдѣлаетъ ихъ сносными для вкуса знатоковъ. Слѣдовательно количество и достоинство матеріяловъ отнюдь не можетъ вызывать похвалу книгѣ; напротивъ часто излишнее количество матеріяловъ сбиваетъ и ведетъ къ недоумѣнію. Надо, какъ говорится, быть изощреннымъ компилаторомъ въ историческихъ трудахъ, въ особенности для предмета военнаго, требующаго боевой опытности, — чтобы ловко выпутываться изъ лабиринта матеріяловъ, въ особенности, когда при этомъ бываетъ еще необходимость соблюдать личныя отношенія къ живымъ.

*) Къ такому повѣствователю не будетъ довѣрія у имѣющихъ рукописи и дневники; да и многіе ли, по естественному самолюбію, ввѣрятъ ихъ ему? Это проявлялось даже съ такими писателями, которые и сами участвовали въ войнѣ, но не вселяли надеждъ на истину своими взглядами. Сознаюсь, что я и самъ не имѣю большой довѣренности къ военнымъ писателямъ (исключая въ военно-историческомъ значеніи), не близко практически знакомымъ съ битвами. Можетъ быть, это предубѣжденіе; но я не имѣю достаточно силы разсудка, чтобы побѣдить оное. По моему уразумѣнію, это все равно, что выучиться по книжкѣ берейторской школѣ, умѣть различать правильную посадку отъ неправильной, поправлять всадника, знать, какъ поднять лошадь съ правой или лѣвой ноги въ галопъ, какъ заставить ее итти въ редопъ и т. п.; но если этотъ теоретикъ не близко самъ знакомъ съ лошадью, то, сѣвъ на оную, онъ скоро съ нее свалится. Или знать по книгѣ различать и называть всѣ, даже тропическія растенія, а самому не умѣть посадить и вырастить щавеля. Опытность выше всякой теоріи; эта тогда только основательна, когда создается на началахъ первой. Петръ I-й прошелъ всѣ степени военной службы, чтобы содѣлаться Великимъ.

реръ на трудномъ поприщѣ практической военной дѣятельности.*) Тогда, повторяю, это будетъ *исторія* точно такъ, какъ нынѣ описываются походы древнихъ полководцевъ; точно такъ, какъ исторія войны 1812 г. можетъ быть написана чрезъ нѣсколько столѣтій, безъ всякой возможности полезнаго примѣненія къ настоящему.**) А съ тѣмъ вмѣстѣ повторяю, честь Русской арміи и слава отечества требуютъ разрушенія клеветы иноземныхъ повѣствователей объ этой войнѣ. Не очистивъ *своевременно* строгою и безпристрастною критикою участниковъ этихъ повѣствованій, исторія положитъ *печать истины* на все, что иностранцы говорятъ объ этомъ великомъ политическомъ и военномъ событіи, явившемъ миру духъ народовъ въ тѣхъ и другихъ обстоятельствахъ***).

*) Здѣсь я не включаю стратегіи, которая, будучи наукой кабинетной, пишется очень легко. Объ этомъ предметѣ въ 1851 году я говорилъ пространно въ напечатанной, для старыхъ своихъ сослуживцевъ, книжкѣ (она не была въ продажѣ)—*Нѣкоторыя замѣчанія, по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ Малая Война* (Г. Л. Энгельгардта и Полковника Вуича). Спб. in 8°.

**) Такъ напримѣръ, два сочиненія Г. М. Милютина: Одно — «*Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ противъ Шамиля,*»—а другое—«*Походъ Суворова въ Италію.*» Оба сочиненія высшаго достоинства, какъ и все то, что выходитъ изъ-подъ пера этого сочинителя. Но походъ Суворова въ Италію — есть исторія. Она удовлетворяетъ только, такъ сказать, любопытству, и, по существу своему, не можетъ принести той пользы, которая бы характеризировалась, если бъ просвѣщенный авторъ самъ участвовалъ въ этомъ походѣ: тогда несомнѣнно въ уровень политическихъ событій уравновѣсилось бы и описаніе многихъ частностей битвъ, необходимыхъ принадлежностей военныхъ описаній. Совсѣмъ другое встрѣчается въ *описаніи* военныхъ дѣйствій въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Вотъ, что я сказалъ объ этомъ сочиненіи (въ помянутой мною книжкѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія о Малой Войнѣ» 1851 г. стр. 6): Сочиненіе Полковника Милютина есть въ этомъ отношеніи и весьма важная услуга отечеству. До сихъ поръ у насъ ничего подобнаго еще не появлялось; да едва ли есть, по оригинальности, что либо подобное и у иностранцевъ. Въ книгѣ этой, независимо отъ отчетливаго изложенія самаго хода военныхъ дѣйствій, важны по преимуществу указанія на характеристическія свойства непріятеля, служащія руководствомъ къ дѣйствіямъ противъ него. Притомъ огромную цѣну ей придаетъ и то, что авторъ не компилировалъ изъ чужихъ книгъ, а описывалъ, что самъ своими глазами видѣлъ на мѣстѣ.»

***) Война 1812 года была богата примѣрами силы вѣры, преданности къ Государю, любви къ отечеству, самоотверженіемъ и твердостью духа не уступавшими ни древнимъ Грекамъ ни Римлянамъ. Только тысячная часть сего разбросана въ разныхъ незначащихъ сочиненіяхъ, тогда какъ много такихъ случаевъ находится въ дневникахъ и въ преданіяхъ очень малаго числа еще едва живущихъ ветерановъ. Мы встрѣчаемъ многіе частные подвиги нашихъ соотечественниковъ не въ нашихъ, а въ иностранныхъ и даже во французскихъ сочиненіяхъ! всѣ ли знаютъ какой это двигатель для послѣдующихъ поколѣній? Изъ нашихъ, но и то полунашихъ повѣствованій, имѣющихъ вѣсъ полной истины, Принцъ Евгеній Виртембергскій, въ замѣчательномъ сочиненіи его (Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Rußland etc., etc. Breslau 1846 in 8°), говоритъ (стр. 82, 83) «что во время самаго разгара Бородинской битвы Милорадовичъ прислалъ за нимъ адъютанта своего Бибикова (бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ): въ ту самую

Мы покуда не лишены еще возможности блистательно достигнуть до вышеозначенной цѣли. Провидѣніе сохранило намъ одного (буквально одного въ цѣлой Европѣ) изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, имя котораго до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произносится всѣми очевидцами славной умственной и боевой жизни въ ту эпоху запечатлѣнной кровію при отбитіи центральной нашей баттареи подъ Бородинымъ и искусными распоряженіями подъ Кульмомъ. Любовь его къ славѣ Русскаго оружія конечно будетъ для него достаточнымъ побужденіемъ, чтобы, не смотря на старческія лѣта свои, ни сколько впрочемъ не поколебавшія живости его рѣдкаго ума, принять на себя быть судьею представляемыхъ статей на приговоръ свѣтлаго ума его. Подъ его руководствомъ каждый соратникъ той эпохи *поспѣшитъ ему повѣрить* все что имѣетъ рукописнаго, все, что память ему сохранила. Изъ болѣе опытныхъ несомнѣнно найдутся и такіе, которые возьмутся сводить и обрабатывать рукописныя матеріялы по эпизодамъ, критически разберутъ данныя, приводимыя иностранными писателями, укажутъ на ихъ противорѣчія, не только одного съ другимъ, но и самихъ съ собою чрезъ нѣсколько страницъ, а этого у Французскихъ писателей много *)

секунду, когда Бибиковъ поднялъ руку, указывая гдѣ находится Милорадовичъ, ядро оторвало ему оную; тогда онъ поднялъ другую, и, указывая направленіе, сказалъ: *тамъ, поспѣшите*, и проч.» Сколько было подобныхъ случаевъ, а они исчезаютъ и въ рукописи, и въ памяти современниковъ, тогда какъ напоминаніе ихъ имѣетъ особое и очень важное значеніе!

*) Въ книгѣ, изданной въ 1855 году: «О настоящихъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи, *почерпнутыхъ преимущественно изъ иностранныхъ писателей*»,—видно, что изъ тщательнаго просмотра всѣхъ сихъ повѣствованій сами враги наши неволвно проговариваются въ истинѣ, при описаніи частныхъ случаевъ. Неужели это не заслуживаетъ вниманія, чтобъ прослѣдить ихъ не въ одномъ отношеніи *голода и мора*, какъ это было сдѣлано мною, но по всѣмъ другимъ предметамъ «той войны? Впрочемъ, лѣтъ двадцать пять или болѣе предъ симъ я имѣлъ случай изложить мое мнѣніе, что у насъ необходимо было бы, послѣ каждой войны составлять два описанія: одно оффиціальное, а другое собственно для высшаго правительства конфиденціальное. Въ этомъ послѣднемъ ничто не должно быть скрыто, не только что злоупотребленія, имѣющія источникъ свой въ высшихъ сферахъ, но главное ошибки, неспособности главныхъ и второстепенныхъ лицъ, ихъ характеристика проявляющаяся въ различныхъ случаяхъ войны и т. п.; ибо какимъ же другимъ способомъ правительство можетъ имѣть возможность проникать сквозь мракъ обстановки, которою отъявленная неспособность всегда умѣетъ себя окружать? Такого рода свѣдѣнія дадутъ средства высшимъ лицамъ исправлять то, что требуетъ сего, и устранитъ употребленіе людей безъ способностей, или по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ обязанностяхъ, о которыхъ они не имѣютъ ни какого понятія и отвергаются общею молвою боевой массы. Императоръ Александръ I, въ началѣ 1807 г., послалъ Статсъ-Секретаря Н. Н. Новосильцова въ Гейльсбергъ, гдѣ находилась главная квартира арміи. Онъ имѣлъ оффиціальное порученіе къ главнокомандующему; но главная цѣль состояла въ томъ, чтобы лично ознакомиться съ генералами и прислушаться къ молвѣ о нихъ. Новосильцовъ зналъ всю шаткость мнѣнія лицъ, составляющихъ главныя квартиры, гдѣ очень часто пагубная

При такихъ только условіяхъ, повторяю, можно достигнуть точнаго описанія Отечественной Войны. Иначе же кто бы ни взялся писать, будетъ *исторія*, и въ ней ни какое краснорѣчіе не объяснитъ многаго, до сихъ поръ, для пользы науки и практики, требующаго объясненія и критическаго разбора.

Такъ, напримѣръ, возьмемъ только битвы Бородинскую и Малоярославецкую.

Въ первой изъ битвъ, *Бородинской*, не говоря уже о перепутанности моментовъ, отчего происходитъ неопредѣлительность

личность, взаимныя отношенія связи и. т. п. берутъ верхъ надъ общею пользою, а потому онъ и не принималъ за положительное засвидѣтельствованіе лицъ главной квартиры о способностяхъ тѣхъ или другихъ военачальниковъ: Новосильцовъ искалъ добросовѣстно выполнять цѣль Государя, и потому захотѣлъ прислушаться къ мнѣнію самой арміи: кого она уважаетъ, къ кому питаетъ довѣренность и кому предъ кѣмъ она отдаетъ преимущество и. т. д. Находившіяся при немъ довѣренныя лица скоро распространились по обществамъ офицеровъ, въ кружкахъ солдатъ и даже самыхъ маркитантовъ. Здѣсь всѣ единогласно указывали совершенно не на тѣ лица, о которыхъ Новосильцовъ слышалъ въ главной квартирѣ. Господствовавшее мнѣніе въ боевой массѣ сосредоточивалось на Князѣ *Багратіонѣ*, *Милорадовичѣ*, извѣстныхъ до того времени за храбрыхъ сподвижниковъ Суворова; на Князѣ М. П. Долгоруковѣ и на вовсе до того времени неизвѣстныхъ *Барклаѣ-де-Толли*, *Баговутѣ*, *Коновницынѣ* и *Сабанѣевѣ*. Государь, оцѣнивъ общее мнѣніе арміи, обратилъ на нихъ свое вниманіе, и послѣдствія скоро доказали, что общее мнѣніе арміи, *какъ и всегда*, не было ошибочнымъ. Замѣчу мимоходомъ: *Князь Багратіонъ и Милорадовичъ* явили въ классическихъ войнахъ, что *не одна храбрость* линейнаго генерала была ихъ достояніемъ: первый доказалъ это соединеніемъ своей второй арміи съ первою въ Смоленскѣ, а другой, начальствуя въ 1812, 1813 и 1814 годахъ арріергардомъ и авангардомъ, умѣлъ всегда со славою состязаться съ искуснѣйшими полководцами Наполеона, а иногда и съ нимъ самимъ. Князь *Долгоруковъ*, начальствуя отдѣльными отрядами въ Тильзитскую кампанію, а потомъ въ 1808 г. въ Финляндскую, проявилъ великія дарованія; но среди блистательнаго пути этого въ этомъ послѣднемъ году, 15-го Октября, былъ пораженъ ядромъ. *Барклай-де-Толли*, вскорѣ послѣ корпусный командиръ, военный министръ и главнокомандующій, на разнородныхъ поприщахъ этихъ не имѣлъ въ послѣдствіи еще себѣ подобнаго. *Баговутъ* изъ полковыхъ командировъ 1807 г. стезею отличій въ 1812 г. былъ уже корпуснымъ командиромъ, но ядро 6-го Октября того года прекратило и ему жизнь. *Коновницынъ*, при кроткомъ характерѣ, былъ львомъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, и благоразумнымъ своимъ дѣйствіемъ противъ Наполеоновскихъ маршаловъ, не разъ уравновѣшивалъ бой съ превосходнымъ по числительности непріятелемъ. Внѣ битвъ, онъ доказалъ свои административныя способности. *Сабанѣевъ*, въ 1810 году, былъ уже дежурнымъ генераломъ (тогда не было еще начальниковъ штаба) въ 1812—начальникомъ штаба Дунайской Арміи, а въ 1813 и 1814 годахъ—начальникомъ штаба соединенныхъ армій, и по окончаніи войны до смерти своей (1828 года) корпуснымъ командиромъ. Великія дарованія его извѣстны. Такимъ образомъ гражданское лице добросовѣстно и съ умомъ исполнившее военныя порученія, указало на тѣхъ, которымъ Русская армія обязана своею славою, а Государь справедливою признательностію къ заслугамъ. Конечно, надо было быть Новосильцевымъ, убѣжденнымъ въ правотѣ и мудромъ воззрѣніи Монарха, чтобы осмѣлиться отдать преимущество мнѣнію боевой массы, обыкновенно почитаемой за невѣжественную, противъ силы засвидѣтельствованій людей случайныхъ, изъ которыхъ большею частію составляются главныя квартиры.

участія въ оныхъ войскъ того или другаго корпуса, какъ со стороны непріятеля, такъ и съ нашей, чрезъ что теряется общая гармонія этой ужасной битвы,—но одно изъ главныхъ обстоятельствъ, доселѣ ни кѣмъ неупоминаемое и требующее однако же строгаго критическаго разбора, есть то, чтобы опредѣлить: выгоднѣе ли было бы намъ принять сраженіе въ той позиціи, которую 6-й и 7-й корпуса заняли первоначально, т. е. 22-го Августа, и на которой оставались до четырехъ часовъ по полуночи 26-го Августа? *)

Оба помянутые корпуса, въ совершенно прямой линіи, расположились 22-го Августа: правый флангъ 6-го корпуса, Дохтурова, у деревни Горокъ, а лѣвый флангъ 7-го корпуса Раевскаго, примыкалъ къ деревнѣ Семеновской. Противъ интервала между обоими корпусами, впереди, насупротивъ лѣваго фланга 6-го корпуса и праваго фланга 7-го корпуса—въ полуторастахъ саженяхъ находилось возвышеніе въ родѣ кургана, въ особенности, къ рѣчкѣ Колочѣ, которое командовало всею окрестностью, но преимущественно къ сторонѣ непріятеля. Здѣсь постановлены были осьмнадцать баттарейныхъ орудій и четыре баталіона въ прикрытіи, и *предполагалось* воздвигнуть укрѣпленіе.

23 числа поутру Генералъ-Квартирмейстеръ Толь указалъ мнѣ **) мѣста для построенія на курганѣ, предъ послѣднимъ домомъ Горокъ, по правую сторону дороги, баттареи на шесть орудій, и на другіе шесть по дорогѣ отъ Горокъ къ Бородину, на скатѣ къ тому селу. По немедленномъ приступленіи къ работѣ, оказалось, что на курганѣ не было ни какой возможности помѣстить болѣе трехъ орудій, о чемъ я доложилъ Начальнику Штаба 6-го корпуса, Полковнику Монахтину, который и приказалъ мнѣ объяснить это генералъ-квартирмейстеру.

Послѣдній тотчасъ пошелъ со мною, и, убѣдясь на мѣстѣ въ томъ, что я докладывалъ, приказалъ изъ назначенныхъ сюда шести орудій, три помѣстить съ шестью орудіями, назначенными для баттареи, сооружаемой на дорогѣ къ Бородину. Къ вечеру принесены были туры и фашины, а какъ земляная работа была уже приготовлена, то въ ночи обѣ баттареи были готовы и заняты баттарейною ротою Маіора Х. И. Дитерикса. И такъ, вотъ эта *баттарея у Горокъ*, о которой Михайловскій-Данилевскій говоритъ (т. II стр. 187): «*насыпана была сильная баттарея у Горокъ* (!) прикрытая другою, ниже ея въ триста саженъ.» (въ

*) Здѣсь я долженъ вкратцѣ выписать изъ дневника своего этотъ эпизодъ, и за всѣмъ тѣмъ онъ нѣкоторымъ, можетъ быть, покажется длиннымъ.

**) Я исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера, до конца года, въ 6-мъ корпусѣ.

половину менѣе). Бутурлинъ говоритъ (ч. 1 ст. 149) просто, что «на высокомъ курганѣ предъ деревнею Горками, построена была баттарея,» не означая числа орудій, и что она была прикрыта другою, въ двѣсти сажень ниже. Иноземные же писатели почти всѣ называютъ ее *сильною баттареей* *).

24-го числа рано утромъ главнокомандующій осмотрѣлъ обѣ баттареи, и послѣ долгихъ совѣщаній съ моимъ корпуснымъ командиромъ, они положили оба, чтобы предъ первою линіею 6-го корпуса сдѣлать шанцы. Баронъ Толь, вмѣстѣ съ Полковникомъ Монахтинымъ, не раздѣлявшимъ впрочемъ этого мнѣнія, указали мнѣ направленіе оныхъ. Къ работѣ было тотчасъ приступлено; но около средины дня приказано было пріостановиться, чтобы не изнурять солдатъ, и что для сего прислано будетъ ополченіе. Остатокъ дня и ночь прошли безъ всякихъ работъ. Поутру 25-го числа прибыло наряженное для сего ополченіе, но, несвычное съ такимъ родомъ работъ, почти ничего не успѣло сдѣлать, такъ что къ 26-му числу утра шанцы были протянуты только предъ Псковскимъ Мушкетерскимъ Полкомъ и частью Московскихъ; остальные же полки 7-й дивизіи: Либавскій и Софійскій, а равно и 24-й дивизіи: Ширванскій, Бутырскій, Уфимскій и Томскій, **) остались безъ такого прикрытія, которое впрочемъ, какъ сейчасъ увидимъ, было бы не только безполезнымъ, но и могло служить помѣхою.

По заведенному порядку въ эту достопамятную войну, между прочимъ, было приказано, что когда главнокомандующій или генералъ-квартирмейстеръ пріѣзжаютъ на позицію, то всѣ корпусные оберъ-квартирмейстеры войскъ, расположенныхъ въ первыхъ линіяхъ, должны были подъѣзжать къ нимъ ***) Такъ 25-го Ав-

*) Я имѣю современныя засвидѣтельствованія о построеніи этихъ баттарей и другихъ, какъ увидимъ далѣе.

**) Егерскіе полки 7-й дивизіи: 11-й, 36-й и 24-й дивизіи: 19-й и 40-й были расположены отдѣльно впереди линіи, о чемъ скажется далѣе.

***) Не знаю, было ли когда нибудь значеніе офицера генеральнаго-штаба въ той степени, какъ оно было въ 1812 году и въ послѣдующихъ 1813 и 1814? Въ 1812 году оберъ-квартирмейстеры въ опредѣленное время съѣзжались въ главную квартиру. Тамъ диктовалась имъ диспозиція на слѣдующій день со всѣми предосторожностями, чтобы *проходящіе не могли слышать*, какъ это бывало въ послѣдствіи. Когда диспозиціи были продиктованы, Баронъ Толь подписывалъ ихъ. Послѣ сего ихъ запечатывали печатью главнокомандующаго, и на конвертѣ дѣлалась надпись: *распечатать во столько-то часовъ.* Оберъ-квартирмейстеръ долженъ былъ хранить глубочайшую тайну, и не иначе отдать пакетъ корпусному командиру, какъ въ назначенный часъ. Нарушеніе этого, необходимаго тогда порядка взыскивалось строго. Такъ, оберъ квартирмейстеръ 5-го пѣхотнаго корпуса Капитанъ Б.... имѣлъ неосторожность нарушить этотъ порядокъ, какъ вдругъ диспозиція измѣнилась. Потребовали конверты, и этотъ оказался распечатаннымъ тремя часами ранѣе. Строгость взысканія была смягчена какъ по неважности

густа, около полудня, одинъ изъ квартирьеровъ 24-й дивизіи *) прискакалъ въ село Горки дать мнѣ знать, что главнокомандующій, со всѣмъ штабомъ, подъѣзжаетъ къ лѣвому флангу 6-го корпуса. Доложивъ о семъ корпусному командиру, приказавшему подать и себѣ лошадь, я тотчасъ поскакалъ и нашелъ Князя Кутузова уже на возвышеніи, находившемся, какъ упомянуто выше, противъ интервала лѣваго фланга 6-го и праваго 7-го корпусовъ. Здѣсь были главнокомандующіе 1-й и 2-й арміями съ своими начальниками штабовъ. Вскорѣ прибыли всѣ ближайшіе корпусные командиры, также съ своими начальниками штабовъ, а равно и дивизіонные командиры, расположенные вблизи съ своими частями. Тутъ были: Паскевичъ, коего дивизія (7-го корпуса) была ближайшая изъ этого корпуса къ возвышенію и оба начальника дивизіи 6-го корпуса: Капцевичъ (7-й) и Лихачевъ (24-й) и нѣкоторые другіе. Я засталъ фельдмаршала сидящимъ на простой деревянной скамеечкѣ, которую всегда за нимъ возили. Около него или ближе къ нему — стояли Барклай-де-Толли, Бенингсенъ и Толь. Большая часть тутъ бывшихъ разсматривали въ зрительныя трубы непріятельскихъ предводителей, обозрѣвавшихъ нашу позицію, между которыми былъ, какъ говорили, и Наполеонъ. Извѣстно, что этотъ день, 25-го Августа, былъ невозмутимъ: противники другъ друга высматривали. Давъ себя замѣтить Барону Толю, я хотѣлъ присоединиться къ прочимъ любопытствующимъ, какъ въ это время подошелъ Полковникъ Монахтинъ, и удержалъ меня при себѣ. Въ предшествовавшую ночь начали было копать баттарею на этомъ возвышеніи; но къ утру работа была пріостановлена; но почему, мнѣ точно неизвѣстно, сдѣланное же заключалось только изъ поднятой вполовину земли къ сторонѣ Колочи. Хотя и признавалось общимъ мнѣніемъ, чтобы наипоспѣшнѣе окончить укрѣпленіе, и главнокомандующій, казалось, не совершенно былъ доволенъ распоряженіями по предмету работъ, и тутъ же приказалъ, чтобы употребить для сего ополченіе, распредѣленное по корпусамъ, но о родѣ долженствующаго тутъ быть укрѣпленія мнѣнія были различны: они выражались съ одной стороны Бенингсеномъ, а съ другой Толемъ**). Бенингсенъ думалъ поставить здѣсь хорошо устроенное сомкнутое укрѣпленіе, съ прорѣзанными амбразурами кругомъ, на случай, если бъ

происшедшаго измѣненія, такъ и по другимъ отношеніямъ личности. Но этотъ примѣръ послужилъ для всѣхъ урокомъ.

*) Въ продолженіе всей войны 1812 г. квартирьеры полковъ имѣли лошадей, въ особенности же при отступленіи нашемъ.

**) Все, что я здѣсь слышалъ, было вписано, со всею подробностью въ тотъ же вечеръ и потомъ въ Тарутинѣ приведено въ порядокъ. Здѣсь вкратцѣ дѣлаю выписку изъ онаго.

непріятель, какимъ либо образомъ окружилъ оное. Такое укрѣпленіе, доказывалъ онъ, слѣдовало вооружить 24-мя или даже 36-ю баттарейными орудіями, безъ лошадей, и помѣстить четыре или пять баталіоновъ. Толь былъ противоположнаго мнѣнія: онъ настаивалъ сдѣлать тутъ просто люнетъ на 18 орудій, и включить оный въ линію позиціи. Доводы обоихъ были сильны, но мнѣніе Бенингсена втайнѣ признавалось большимъ числомъ *). Главнокомандующій не произнесъ ни слова ни въ пользу, ни противъ кого либо изъ излагавшихъ свое мнѣніе, спросилъ лошадь, и поѣхалъ къ позиціи. Князь Багратіонъ уѣхалъ къ своей арміи; Барклай-де-Толли слѣдовалъ за направленіемъ Князя Кутузова поодаль, исключая Дохтурова и Раевскаго, слѣдовавшаго за главнокомандующимъ, подъѣзжавшимъ къ ихъ корпусамъ. Доѣхавъ до интервала между 6-мъ и 7-мъ корпусами, фельдмаршалъ остановился, повернулся назадъ и около четверти часа разсматривалъ позицію къ возвышенію, разговаривая съ однимъ Толемъ. Потомъ отправился въ главную квартиру. Къ оставшемуся Толю подъѣхали Дохтуровъ и Раевскій (этотъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами, тотчасъ уѣхалъ). Толь подозвалъ Ш. К. фонъ-Визина, исправлявшаго должность оберъ-квартирмейстера 7-го корпуса и меня, и приказалъ намъ, указавъ на мѣсто: фонъ-Визину, оставляя лѣвый флангъ на мѣстѣ у Семеновскаго, подвинуть правый флангъ къ возвышенію, а мнѣ оставляя правый флангъ у Горокъ, придвинуть лѣвый къ тому же возвышенію, и между этими данными точками выравнять корпуса. Такимъ образомъ позиція должна была представить выдавшійся тупой уголъ. Передвиженіе это подтверждено произвести, когда стемнѣетъ, но предварительно, засвѣтло, указать мѣста квартирьерамъ. Здѣсь Начальникъ Штаба 6-го корпуса Монахтинъ представилъ, нельзя ли оставить войска въ настоящемъ ихъ положеніи, гдѣ варится пища, и люди требуютъ отдохновенія, но что за два часа до свѣта они займутъ вновь назначаемую позицію. Полковникъ Толь, казалось, раздѣ-

*) Толь говорилъ, что непріятель, направясь на этотъ высунувшійся пунктъ и овладѣвъ онымъ, будетъ командовать позиціею 6-го и 7-го корпусовъ, и сосредоточивъ здѣсь многочисленную артиллерію, собьетъ оные съ своего мѣста; тогда какъ включивъ это возвышеніе въ позицію, ему прійдется бороться въ одно время съ двумя корпусами и т. д. Бенингсенъ возражалъ, что если включать этотъ пунктъ въ позицію, непріятель, завладѣвъ онымъ, будетъ анфилировать линію обоихъ корпусовъ, а тѣмъ понудитъ отступить въ настоящую ихъ позицію, уже отъ большой убыли неминуемо разстроенными. Тогда какъ съ этой позиціи, не нарушая оной, можно дѣйствовать по усмотрѣнію противъ наступающаго непріятеля и пѣхотою и конницею; въ особенности же для этой послѣдней много способствуетъ мѣстность, тѣмъ болѣе еще, что непріятель долженъ будетъ сильно быть разстроеннымъ при атакѣ этого крѣпкаго мѣста. Онъ приводилъ мимоходомъ даже примѣръ Полтавской Битвы. Пренія между ними продолжались долго. Къ несчастію все, что говорилъ Бенингсенъ, сбылось.

лялъ это мнѣніе, но сказалъ, что безъ главнокомандующаго онъ разрѣшить сего не можетъ, и приказалъ Монахтину ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ главную квартиру, гдѣ предлагаемое Монахтинымъ было разрѣшено и въ свое время исполнено. Вотъ причина, что на всѣхъ планахъ Бородинская позиція, снимавшихся непріятелемъ 23-го, 24-го и 25-го чиселъ, наша линія и показана такъ, какъ она была имъ видима, обозначая укрѣпленіе на возвышенности отдѣльно впереди около ста саженъ. То же видимъ и на планѣ въ сочиненіи Д. П. Бутурлина. Въ сочиненіи же Михайловскаго-Данилевскаго это возвышеніе, котораго онъ попеременно называетъ то редутомъ, то люнетомъ, то, баттареей включено уже въ позицію, представляющую тупой выдавшійся уголъ. Теперь проступаю собственно къ этой баттареѣ.

— Отдавъ помянутое приказаніе, Полковникъ Толь велѣлъ мнѣ заняться, не теряя времени, сооруженіемъ люнета *). Полковникъ Монахтинъ указалъ приблизительно направленіе линій укрѣпленія, и около трехъ часовъ пополудни, прибыли 800 человѣкъ ополченія для работы изъ числа командированныхъ, къ 6-му корпусу. Но здѣсь представилось затрудненіе: ни одинъ изъ ополченцевъ не имѣлъ ни лопатъ, ни кирокъ, исключая нѣсколькихъ топоровъ, и сверхъ того они не имѣли ни какого понятія о приготовленіи туровъ и фашинъ. Я поскакалъ къ своему начальнику штаба, который, въ слѣдствіе доклада о семъ корпусному командиру, тотчасъ же приказалъ отдѣлить изъ полковъ 6-го корпуса часть шанцеваго инструмента, и изъ каждаго полка прислать по два унтеръ-офицера и по четыре рядовыхъ, какъ равно и изъ артиллеріи. По принесеніи шанцеваго инструмента и съ помощью унтеръ-офицеровъ, приступлено было къ работѣ уже около пяти часовъ пополудни, и немедленно послано было до трехъ сотъ человѣкъ для приготовленія фашинъ и туровъ, которые, по мѣрѣ изготовленія, приносились къ баттареѣ. Между тѣмъ присланы были, по распоряженію начальника штаба 1-й арміи, три піонерные унтеръ-офицера и шесть рядовыхъ, которые тотчасъ же и занялись прикрѣпленіемъ фашинъ и постановкою туровъ. Заготовленные съ 24-го числа скоро были помѣщены, а приносимые были въ столь маломъ количествѣ, что должно было послать за ними еще людей съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя піонерами. Была уже ночь, и только едва часть люнета имѣла амбразуры, одѣтыя фашинами. За часъ до разсвѣта успѣли приготовить амбразуры только на десять орудій, и вслѣдъ за симъ, съ первыми выстрѣлами, всѣ работы здѣсь прекратились, и укрѣпленіе это далеко было отъ того, чтобъ служить преградою непріятельской

*) Инженеры были заняты на правомъ, но преимущественно на лѣвомъ флангѣ.

пѣхотѣ, а фасы были въ такомъ положеніи, что легко можно было взъѣзжать и съѣзжать чрезъ валъ.] Когда же Французы, подъ начальствомъ Генерала Бонами, овладѣли редутомъ и были вытѣснены, валъ и ровъ осыпались такъ, что не могли уже представлять рѣшительно никакой преграды вторичному овладѣнію этимъ мѣстомъ, и непріятельская конница частію съ тыла, но большею частію съ фасовъ, ворвалась въ оный. Кромѣ меня, оба раза бывшаго въ укрѣпленіи, когда оно было брато, есть еще и другіе свидѣтели въ живыхъ, защищавшихъ оное. Я вошелъ въ нѣкоторыя подробности единственно потому, чтобы показать, что укрѣпленіе это далеко не было *сильнымъ*, и что Французамъ, какъ два раза овладѣвшимъ онымъ, понятно, нужно было придать себѣ болѣе славы; но не знаю, чѣмъ руководствовался нашъ военный исторіографъ Г. Л. Михайловскій-Данилевскій. Этотъ *большой и сильный люнетъ съ флангами*, какъ онъ его называетъ, предполагался быть построеннымъ, но въ сущности его еще не было, когда началось дѣло.

Нельзя не замѣтить здѣсь еще и неправильнаго названія этой баттареи: *Раевскаго* и *Шульмана*. Понятно, что послѣднее названіе она могла носить потому, что артиллеріею начальствовалъ въ оной Полковникъ Шульманъ. Но если называть ее именами корпусныхъ командировъ, то уже скорѣе она должна называться *Дохтуровой*, ибо его корпусъ оба раза защищалъ ее. Здѣсь начальникъ штаба 6-го корпуса Монахтинъ получилъ двѣ раны штыкомъ, и, не оставляя битвы, былъ прострѣленъ пулею въ животъ. Начальникъ 24-й дивизіи (6-го же корпуса) Г. Л. Лихачевъ, во второй натискъ на самой баттареѣ былъ взятъ въ плѣнъ, и почти вся 24-я дивизія: Ширванскій, Бутырскій, Уфимскій, Томскій мушкетерскіе, 19-й и 40-й егерскіе—легли на баттареѣ и около оной. Начальникъ штаба 1-й арміи Ермоловъ (а Раевскій былъ 2-й арміи) взялъ Уфимскій баталіонъ (6-го корпуса), первый ударилъ на непріятеля въ штыки (когда занялъ баттарею Бонами) и былъ раненъ. Въ то же время начальникъ 7-й дивизіи (также 6-го корпуса) Г. Л. Капцевичъ, оставшійся начальникомъ корпуса за отбытіемъ Дохтурова на мѣсто раненаго Князя Багратіона, лично повелъ войска въ штыки на баттарею съ другой стороны. Начальникъ артиллеріи 1-й арміи (повторяю, что корпусъ Раевскаго былъ во 2-й арміи), вправо отъ редута водилъ пѣхоту въ штыки, слѣдовательно 6-го корпуса, ибо 7-й былъ влѣво отъ баттареи. Адъютантъ главнокомандующаго первою арміею, Маіоръ Баронъ Левенштернъ (въ отставкѣ Генералъ-Маіоръ), присланный узнать что происходитъ, увидѣвъ непріятеля на баттареѣ схвативъ Томскій баталіонъ (6-го корпуса), и повелъ оный въ штыки. Между тѣмъ Михайловскій-Данилевскій вовсе не упоминаетъ о войскахъ 6-го кор-

пуса, хотя и называетъ полки; но такъ, что незнакомый съ дѣломъ не иначе можетъ заключать, что всѣ эти полки были 7-го корпуса, ибо только о немъ и упоминается. Конечно дивизія, Паскевича 7-го корпуса, примыкала правымъ флангомъ къ баттареѣ, и содѣйствовала къ отраженію и даже преслѣдовала выгнаннаго 6-мъ корпусомъ непріятеля; но, при безпрерывномъ упоминаніи именъ Раевскаго, Паскевича, упоминаются одни полки, 6-го корпуса, и повторяю, что изъ такого повѣствованія не иначе можно заключить, что всѣ эти полки были не корпуса Дохтурова, а Раевскаго. Изъ вышеизложеннаго видно, что, по участію въ защитѣ и отбитіи непріятеля съ баттареи, она должна бы быть авторомъ названа Дохтуровой, а не Раевскаго. Во всякомъ же случаѣ, по общепринятому правилу, ей принадлежитъ по преимуществу названіе Шульмановой.

Я сказалъ выше, что для описанія Бородинской Битвы необходимо тщательно опредѣлить моменты и послѣдовательность оныхъ *), чего, безъ особеннаго анализа всѣхъ историковъ, описывавшихъ эту битву, нельзя достигнуть; но и тутъ необходимо свести и частныя свѣдѣнія участниковъ. Такъ напримѣръ, авторъ, описывая бой на лѣвомъ флангѣ въ арміи Князя Багратіона на укрѣпленіяхъ въ с. Семеновскомъ, между прочимъ говоритъ (ч. II стр. 213): «Полковникъ Монахтинъ, исполненный высокихъ дарованій **), указывая колоннѣ на баттарею, сказалъ: «*Ребята!*

*) Авторъ (Описанія Отечественной Войны) не говоритъ, что гвардія въ самомъ началѣ битвы подвинута была впередъ и поставлена подъ ядра, чему бы она не подвергалась, оставаясь на своей первоначальной позиціи. Старшему адъютанту 6-го Корпуса Дубельту (нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи) выпалъ жребій первому ввести ее въ огонь. Онъ былъ посланъ Бенигсеномъ къ Лаврову съ этимъ приказаніемъ. Частности этого порученія чрезвычайно любопытны и поучительны.

**) Ѳ. Ѳ. Монахтинъ былъ преисполненъ не одними высокими дарованіями: онъ обладалъ твердостью духа и характеромъ, какъ говорятъ Французы: *preponcé*, таковыхъ я встрѣчалъ очень мало. Сверхъ того онъ умѣлъ обворожать своихъ подчиненныхъ всегда готовыхъ, если бы то можно было, умирать въ глазахъ его по двадцати разъ въ день. Въ продолженіе моей службы я встрѣчалъ не много одаренныхъ этими качествами. О мертвыхъ говорить можно: изъ ближайшихъ моихъ начальниковъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Г. А. Князь М. П. Долгорукій, убитый подъ Индесальми 15-го Октября 1808 г. (Если позволятъ обстоятельства, я извлеку изъ своихъ записокъ о дѣйствіи его въ Финляндіи.) Князь Михаилъ Петровичъ и Монахтинъ имѣли очень многое общаго, особенно въ быстротѣ соображенія, въ искренности своихъ чувствъ, въ образѣ обращенія, всегда обворожающемъ и т. п. Отвѣтъ Монахтина подъ Аустерлицемъ, какъ уже полковаго командира, извѣстенъ. Узнавъ о занятіи Москвы, онъ сорвалъ перевязки и умеръ. О Г. А. Графѣ П. А. Шуваловѣ можно было бы сказать многое, но здѣсь покуда я ограничусь указаніемъ на предпріятіе его при Шелефтѣ 3-го Мая 1809 года, которое достаточно указываетъ на его высокія дарованія, предпріимчивость и довѣренность, которую онъ могъ внушать въ подчиненныхъ, и наконецъ на самоотверженіе, съ какимъ онъ остался при корпусѣ до прибытія Графа Каменскаго. О дипломатическомъ его поприщѣ до 1812 г.

Представьте себѣ, что это Россія, и отстаивайте ее грудью богатырскою!» Картечь повергла его полумертваго на землю.

Я говорилъ уже о ранахъ Монахтина, но здѣсь, главное, не должно забывать что онъ былъ начальникомъ штаба 6-го корпуса, коего лѣвый флангъ оканчивался у помянутой баттареи, откуда начинался правый флангъ 7-го корпуса, (бывшаго въ составѣ 2-й арміи) и оканчивался у Семеновскаго. Какимъ же образомъ Монахтинъ могъ очутиться болѣе чѣмъ за версту отъ своего корпуса? Не могутъ ли заключить изъ столь подробнаго описанія, что на этомъ пунктѣ участвовалъ и 6-й корпусъ? Монахтинъ, какъ замѣчено выше, отбивалъ баттарею, но на лѣвомъ флангѣ 6-го корпуса, и дѣйствительно одушевлялъ солдатъ. Бывшій старшимъ адъютантомъ Поручикъ Дубельтъ (нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи) въ этотъ адскій моментъ былъ съ Полковникомъ Монахтинымъ, ранeнымъ возлѣ него, и котораго онъ доставилъ на ближайшій перевязочный пунктъ, можетъ засвидѣтельствовать сказанное мною.

Вотъ еще одно обстоятельство, которое легко поставитъ въ недоумѣніе. Выше видѣли, что такъ называемая Шульманова баттарея находилась на точкѣ соединенія 1-й арміи со 2-ю, т. е. между 6-мъ и 7-мъ корпусами. Генералъ же Бонами, овладѣвшій въ первый разъ этою баттареей, былъ взятъ въ плѣнъ на самой баттареѣ 18-мъ Егерскимъ Полкомъ, 21-й дивизіи Бахметева, 4-го корпуса Графа Остермана-Толстаго *). Не можетъ ли это, безъ должнаго объясненія, дать понять, что корпусъ этотъ принималъ участіе въ отбитіи баттареи? Но это было очень просто: наканунѣ нѣсколько егерскихъ полковъ были отряжены изъ разныхъ корпусовъ для занятія неровностей предъ фронтомъ отъ Бородина до Семеновскаго. Изъ нихъ 18-й Егерскій Полкъ былъ расположенъ предъ самою баттареею, и потому принялъ участіе въ ея защитѣ.

Этимъ ограничиваюсь въ указаніяхъ на нѣкоторыя недоумѣнія, пораждающіяся при чтеніи описанія Бородинской Битвы, изъ коихъ, по-видимому, подробнѣйшее принадлежитъ Г. Л. Михай-

я не упоминаю потому только, что въ это время я не былъ при немъ Генералъ-Маіоръ М. Ѳ. Орловъ, съ одинаковымъ характеромъ, пылкостію и способностію обворожать массы, какъ и первые двое и наконецъ Д. Н. Бологовской (умершій сенаторомъ въ Москвѣ). Вотъ которыхъ я зналъ близко потому, что у всѣхъ ихъ жилъ во время военныхъ дѣйствій, и которыхъ біографія достойна опытнаго пера. Они могли со славою начальствовать войсками и быть дипломатами. Странно, что для такихъ занятій никто себя не употребляетъ.

*) Бонами былъ взятъ (роты поручика А. Е. Мандерштерна, бывшаго въ послѣдствіи комендантомъ Нарвы) фельдвебелемъ который за то и произведенъ въ подпоручики.

ловскому-Данилевскому; но, къ сожалѣнію, оно наполнено не только многими противорѣчіями, но даже недосмотрами и въ малѣйшихъ случаяхъ, а это потрясаетъ довѣріе и ко всему изданію. Такъ напримѣръ, на стр. 219 сказано, что *черепокъ чиненаго ядра* (!) ударилъ Князя Багратіона въ *правую ногу*, и пробилъ переднюю часть берцевой кости».... На страницѣ же 255 сказано что: Князь Багратіонъ *раненъ пулею въ лѣвую ногу*, и т. п.

Наконецъ, кромѣ яснаго изложенія этаго сраженія, необходимо, для полноты описанія этой войны, разобрать со всѣхъ сторонъ и вопросъ, возбужденный многими: была ли необходимость дать Бородинское сраженіе? и развить этотъ предметъ вполнѣ. Онъ важенъ въ своихъ началахъ, потому что Кутузовъ, остановившись въ Бородинѣ, былъ малочисленнѣе непріятеля только одною третью, а по окончаніи дѣла Наполеонъ былъ вдвое его сильнѣе! Это слѣдуетъ разсмотрѣть, принимая во вниманіе, что мы, теряя людей, сближались съ резервами, а Наполеонъ, напротивъ, съ каждымъ шагомъ отдалялся отъ нихъ, и сообщенія его съ каждымъ часомъ затруднялись: здѣсь, при Бородинѣ, конница его была совершенно уничтожена; стойкость Русскихъ и искусство ихъ начальниковъ поразили нравственную сторону арміи Французовъ, что мы видимъ изъ большей части ихъ писателей. Съ другой же стороны, Наполеонъ, не ослабленный потерею шестидесяти тысячъ человѣкъ и до пятидесяти генераловъ, съ значительнымъ числомъ военныхъ снарядокъ и съ сильною еще конницею остался ли бы столь долгое время въ Москвѣ, увидѣвши ее въ пламени, и не предпринялъ ли бы движенія послѣ нѣсколькодневнаго отдыха чрезъ Тулу въ южныя губерніи? Словомъ, есть столько предметовъ къ разсмотрѣнію, что безъ этого описаніе останется неудовлетворительнымъ, поверхностнымъ, и неотмѣнно будетъ склоняться ко славѣ врага.

Описывая *Малоярославецкое* сраженіе, Французы вообще, болѣе или менѣе опредѣлительно говорятъ, что городъ этотъ былъ занятъ ихъ войсками прежде, чѣмъ Дохтуровъ подошелъ къ оному, и обвиняютъ своихъ за то, что для занятія города было употреблено только два баталіона. Бутурлинъ и Михайловскій-Данилевскій, вѣроятно, не обратили на этотъ предметъ своего вниманія, а руководствовались повѣствованіемъ иноземныхъ писателей. Первый говоритъ (ч. II-я ст. 40): «Генералъ Дохтуровъ.... найдя сей городъ *занятымъ* двумя баталіонами непріятельской дивизіи Генерала Дельзона, немедленно аттаковалъ ихъ», и т. д. Михайловскій-Данилевскій пишетъ (ч. 3. стр. 282): «Какъ ни ускорялъ Дохтуровъ марша, но непріятель предупредилъ его въ занятіи Малоярославца, къ счастію однако не значительными силами.» Далѣе, на стр. 283 сказано: «двумя баталіонами.»

Но вотъ что говоритъ Баронъ Кроссаръ, служившій въ это время полковникомъ въ нашемъ генеральномъ штабѣ, и безотлучно бывшій при особѣ Фельдмаршала Князя Кутузова (Т. V. p. 48): *) Когда Кутузовъ, возлѣ котораго находился авторъ, подъѣхалъ къ позиціи, Дохтуровъ поспѣшилъ къ намъ навстрѣчу: «Quand il nous vit arriver, il accourut à nous avec l'hilarité qu'on ne voit pas dans l'homme que l'approche des dangers inquiète. Il nous apprit qu'au moment où ses premières troupes pénétraient dans Malojaroslawetz, les premières troupes ennemies y entraient aussi du coté opposé. Ainsi (продолжаетъ авторъ), au ropport de ce général, il serait constant *qu'aucune troupe* ennemie n'avait même pris possession des premières maisons de la ville, avant l'entrée des Russes.»

Теперь я, будучи участникомъ въ этомъ событіи, разскажу, какъ все это происходило **) Прибывъ 11-го Октября изъ Аристова, около девяти часовъ вечера въ Спасское, мы нашли въ рѣчькѣ воду очень высокою, и тотчасъ начали устраивать мосты: 7-я дивизія на дорогѣ, ведущей къ Малоярославцу, а 24-я дивизія саженяхъ въ пятидесяти лѣвѣе. Ни понтоновъ, ни инженеровъ не было; но смѣтливость Русскаго человѣка замѣнила и тѣхъ и другихъ. Тотчасъ, подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба, начали разбирать близлежащіе домы, бревна стали сколачивать деревянными гвоздями, какъ кто умѣлъ, изъ пакли, находившейся между бревнами, скручивали веревки, которыхъ малая часть была принесена крестьянами, и работа закипѣла. Часа черезъ два первые плоты были спущены и прикрѣплены къ берегу. Въ это время, т. е., около одиннадцати часовъ *вечера*, пришелъ Платовъ съ казаками. Онъ нашелъ возможность въ верстѣ лѣвѣе переправиться чрезъ рѣчку, и направиться къ Малоярославцу. Впереди въ право, намъ видны были огни непріятеля, но невозможно было опредѣлить, на какомъ разстояніи отъ Малоярославца. Около двухъ часовъ пополуночи можно было по одиначкѣ, кое-какъ, перебираться на противоположный берегъ. Генералъ Дохтуровъ приказалъ полковнику Глѣбову, съ своимъ 6-мъ Егерскимъ Полкомъ, вмѣстѣ съ 33-мъ, Полковника Бистрома, ***) перейти на ту сторону, и мнѣ велѣлъ вести ихъ въ Малоярославецъ, гдѣ, по засвидѣтельствованію жителей Спасскаго, Французовъ еще не было. Расположивъ эти полки въ городѣ, мнѣ, какъ исправляв-

*) Mémoires melitaires et historiques etc., par Mr. Le Baron de Crossard, marechal de camp. etc. Paris, 1829, in 8°, 6 vol.

**) Здѣсь я дѣлаю сокращенно выписку изъ дневника своего. Впрочемъ всѣ эти событія такъ свѣжи въ моей памяти, что мнѣ кажется, они происходили вчера.

***) Оба полки эти не принадлежали къ 6-му корпусу. Они были отправлены къ Дорохову съ Тарутинской позиціи нѣсколько часовъ до выступленія Дохтурова, и въ Аристовѣ поступили подъ его начальство.

шему должность оберъ-квартирмейстера, приказывалось осмотрѣть позицію предъ онымъ по дорогѣ къ Калугѣ, для расположенія войскъ, и поспѣшить имъ на встрѣчу. Со мною выпросился ѣхать, бывшій за адъютанта при корпусномъ командирѣ, Поручикъ Графъ Панинъ. Братъ мой, не бывшій еще въ службѣ (нынѣ генералъ-лейтенантъ обыкновенно ѣздилъ со мною. Пройдя около трехъ верстъ, мы увидѣли въ лѣво отъ дороги Платова, сдѣлавшаго привалъ, *) и продолжали путь далѣе. Огни непріятельскія на большомъ пространствѣ уже явственно намъ были видны по скату горы, по дорогѣ, ведущей изъ Боровска въ Малоярославецъ, верстахъ въ пяти отъ сего послѣдняго. Вскорѣ начали обгонять насъ казаки. Генералъ Иловайскій подъѣхалъ къ головѣ нашей колонны спрашивалъ моего проводника о возможности миновать Малоярославецъ, чтобы не дѣлать круга, и попасть на дорогу, ведущую изъ сего города въ Медынь. Получивъ нужныя по сему свѣдѣнія, онъ просилъ меня уступить ему проводника, и получивъ въ томъ отказъ, сказалъ, что пошлетъ на рысяхъ урядника въ городъ добыть кого-нибудь, и самъ ударивъ лошадь нагайкою, пустился обгонять тянувшихся казаковъ своихъ. На пути мы встрѣчали раза четыре, пѣшихъ и въ телѣгахъ, жителей Малоярославца, утверждавшихъ, что Французовъ тамъ нѣтъ, но что они стоятъ за рѣчкой; одни говорили—верстъ за пять, другіе, что ближе; нѣкоторые, что конные подъѣзжали только къ мосту, присовокупляя что казаки въ городѣ. **) Мы были убѣждены въ истинѣ ихъ показаній, и совершенно увѣрены, что какая-либо часть казаковъ была отряжена въ городъ. Я ѣхалъ вмѣстѣ, съ шефами обоихъ егерьскихъ полковъ, въ головѣ колонны; все вниманіе наше было обращено на непріятельскія огни, находившіеся у насъ вправо. Такъ, не замѣчая, въѣхали мы въ городъ, гдѣ, повторяю, мы неотмѣнно полагали найти казаковъ, содержащихъ впереди цѣпь. Пройдя городомъ, при шумномъ разговорѣ, около пятидесяти саженъ, вышли на маленькую площадку. Здѣсь внезапно послѣдовалъ по насъ залпъ, какъ нѣкоторые полагали, ружей изо ста. Мы, ѣхавшіе нѣсколько впереди верхомъ, бросились назадъ къ головѣ 6-го Егерскаго Полка, у котораго ружья были въ полуна-галищахъ и не заряжены, между тѣмъ непріятель пересталъ стрѣлять. Чрезъ пять минутъ послѣ сего Глѣбовъ повелъ свой полкъ, и мы прошли весь городъ до самаго моста, который тотчасъ и велѣно начать разбирать. Ни съ той, ни съ другой стороны ружейныхъ выстрѣловъ не было. Здѣсь начало разсвѣтать, но не

*) Здѣсь я выпускаю разговоръ съ атаманомъ и пр., какъ не относящееся къ прямой цѣли, что буду дѣлать и въ другихъ случаяхъ.

**) Послѣ оказалось, что жители эти встрѣтивъ казаковъ Иловайскаго, полагали ихъ идущими въ Малоярославецъ.

было еще возможности явственно различать всѣ предметы. Я отправилъ Графа Панина съ донесеніемъ что онъ видѣлъ, самъ же возвратился въ городъ. Замѣтивъ на большой площади, гдѣ стояла церковь, между ставень свѣтъ огня, я подъѣхалъ къ дому, и началъ вызывать къ себѣ. Убѣдясь сквозь окно, что я Русскій, а болѣе по двумъ казакамъ, бывшимъ со мною, одинъ мѣщанинъ вышелъ, и я просилъ его, чтобы онъ указалъ мнѣ дорогу въ Калугу. Согласившись на это охотно, онъ заглянулъ въ калитку, сказалъ что-то утѣшительное находившимся тамъ, и мы отправились—я верхомъ, онъ пѣшкомъ. Не успѣли мы сдѣлать двадцати шаговъ, какъ у моста загорѣлась сильная ружейная перестрѣлка, но мракъ былъ еще довольно силенъ. Это было первое начало битвы. Пушечные выстрѣлы послѣдовали спустя полчаса, и только со стороны непріятеля, ибо у насъ орудій тутъ еще не было. Выѣхавъ въ поле, я увидѣлъ, что въ городъ вошелъ только 6-й Егерскій Полкъ, а 33-й остановился при входѣ въ оный, какъ бы въ резервѣ. Въ это самое время Платовъ, съ своими казаками, тянулся на перерѣзъ Калужской дороги, на лѣвый флангъ позиціи, которую должны занять войска Дохтурова.

Относительно упоминаемаго залпа, которому мы подверглись при самомъ входѣ въ городъ, проводникъ мнѣ объяснилъ слѣдующее: часа за полтора предъ тѣмъ, человѣкъ двѣсти Французовъ пришли въ городъ, и начали брать кого ни попало въ проводники, но кого и сколько они взяли, не могъ мнѣ сказать положительно. Пока Французы такъ распоряжались, продолжалъ проводникъ, послышались выстрѣлы, и они всѣ вдругъ побѣжали изъ города. Эти выстрѣлы были тотъ залпъ, о которомъ я говорилъ выше.

Обозрѣвъ позицію, я поспѣшилъ навстрѣчу корпусу, и вскорѣ встрѣтилъ Графа Панина, возвращающагося съ приказаніемъ Глѣбову употребить всѣ усилія, чтобы сломать мостъ. Графъ Панинъ сказалъ мнѣ, что когда донесъ онъ Дохтурову о томъ, что наши дошли до моста, онъ перекрестился, и тотчасъ приказалъ Вуичу, съ двумя егерскими полками 24-й дивизіи и съ легкою артиллерійскою ротою Девеля, спѣшить усиленнымъ шагомъ къ Глѣбову. Вскорѣ я встрѣтилъ и корпуснаго командира, выѣхавшаго впередъ съ Генераломъ Ермоловымъ, и отдалъ ему отчетъ. Бой дѣлался болѣе и болѣе жаркимъ. Ермоловъ поѣхалъ тотчасъ въ городъ, вслѣдъ за нимъ поѣхалъ, какъ зритель, Г. Л. Ратъ, находившійся при 6-мъ корпусѣ. Войска начали подходить и занимать позицію поперекъ Калужской дороги, имѣя впереди городъ, а въ тылу с. Нямцово.

Вышепомянутыя сказанія о занятіи Малоярославца, при ближайшемъ критическомъ разборѣ самихъ иноземныхъ писателей,

одинаково укажутъ, что городъ этотъ небылъ занятъ непріятелемъ, когда войска Дохтурова вошли въ оный. Я умалчиваю о многихъ эпизодахъ этого сраженія, требующихъ строгаго анализа, чтобъ опредѣлить ихъ настоящее достоинство; но не могу не упомянуть о двухъ главныхъ общихъ мѣстахъ, долженствующихъ неотмѣнно обратить вниманіе тѣхъ, которые покусились бы на *сочиненіе* описанія этой битвы.

Большая часть иноземныхъ писателей представляютъ это сраженіе въ совершенно искаженномъ видѣ. *) Они нагло утверждаютъ, что Русскіе были втрое и даже вчетверо многочисленнѣе ихъ, и, не смотря на то, возводятъ себя рѣшительно въ побѣдители! Они ни какъ не хотятъ признать, что Дохтуровъ, сражавшійся съ Вице-Королемъ съ шести часовъ утра до двухъ часовъ по полудни, былъ несравненно малочисленнѣе, конница наша оставалась во все время въ бездѣйствіи, и даже всей артиллеріи, по мѣстности, употребить было нельзя. Все дѣло было чисто стрѣлковое и штыковое. Когда корпусъ Раевскаго подошелъ, у Дохтурова оставался въ резервѣ только одинъ 1-й баталіонъ Псковскаго Мушкетерскаго Полка. При ближайшемъ обзорѣ повѣствованій иноземныхъ, и здѣсь они обличатся.

Второе обстоятельство есть слѣдующее: Михайловскій-Данилевскій (ч. 3. стр. 283) говоритъ: «Если бы Наполеонъ не останавливалъ арміи въ Ѳоминскомъ и Боровскѣ, а со всѣми силами, какъ рѣшился въ Москвѣ, шелъ прямо на Малоярославецъ, то встрѣтилъ бы только Дохтурова и Платова. Этого не случилось, и 11-е Октября прошло съ одной стороны *въ быстромъ движеніи Князя Кутузова къ Малоярославцу*, а съ другой въ колебаніи Наполеона.»

Пусть будетъ так, что Наполеонъ колебался; но *быстрое движеніе Князя Кутузова къ Малоярославцу* есть чистая мистификація, какъ и многія другія мѣста. Неужели авторъ, говоря это, не думалъ, что сочиненіе его когда нибудь да будетъ же критически разобрано, и что данными, находящимися въ его же сочиненіи, докажется противное его краснорѣчивымъ фразамъ? Разсмотрѣть вполнѣ это событіе, я предоставляю болѣе опытнымъ нашимъ историко-стратегамъ. Они, конечно, могутъ выполнить это полнѣе и удовлетворительнѣе; я же ограничусь только тѣмъ, что наведу ихъ на это, какъ участникъ въ событіи.

Авторъ говоритъ (ч. 3, стр. 213 и 214): «Наполеонъ, рѣшась обратиться на Смоленскъ чрезъ *Боровскъ*, *Малоярославецъ*

*) Маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ сознается, что во всю жизнь Наполеона обстоятельства никогда не вынуждали его такъ сильно къ необходимости дать сраженіе, какъ въ Маломъ Ярославцѣ. Но онъ не рѣшился на то, судя по встрѣчѣ, ему здѣсь сдѣланной.

и Калугу», и въ слѣдствіе распоряженія этого, т. е. о движеніи арміи по новой Калужской дорогѣ «3-го, 4-го и 5-го Октября тронулись изъ Москвы подводы съ ранеными,» и т. д.

Стр. 216. «Впервые дни Октября стали корпуса приходить въ Москву изъ ея окрестностей.» Въ Москвѣ раздавали имъ обувь и все, что необходимо было къ предстоящему походу.

Стр. 217. Получивъ, во время смотра 6-го числа, извѣстіе о разбитіи Мюрата: «приказалъ (Наполеонъ) войскамъ тотчасъ выступить изъ Москвы.»

Стр. 242: «7-го Октября тронулась непріятельская армія отъ Калужской Заставы, и *выѣхалъ изъ Москвы Наполеонъ въ пять часовъ по утру.*»

Стр. 243: «Изъ Москвы Наполеонъ пошелъ по старой Калужской дорогѣ, намѣреваясь сразиться съ Княземъ Кутузовымъ, если бъ встрѣтилъ его преслѣдующимъ Мюрата, или, въ противномъ случаѣ, поворотить направо, на *новую Калужскую дорогу*, а *оттуда чрезъ Малоярославецъ въ Калугу* и т. д.... Въ тотъ день, *7-го Октября*, непріятельская армія дошла до Троицкаго, гдѣ Наполеонъ имѣлъ дневку; получивъ извѣстіе отъ Мюрата, что его не преслѣдуютъ, Наполеонъ свернулъ, какъ задумалъ въ Москвѣ, на новую Калужскую дорогу.»

Стр. 250. Когда Винцегероде взятъ былъ въ Москвѣ въ плѣнъ, «Генералъ-Маіоръ Иловайскій 4-й, оставшійся въ отрядѣ старшимъ, тотчасъ пошелъ къ Москвѣ, и вступилъ въ нее *11-го Октября.*»

Стр. 266: «9-го числа Наполеонъ прибылъ *въ Ѳоминское*, и соединился съ пѣхотною дивизіею Бруссіе и конною Генерала Орнано, *находившимися тамъ уже нѣсколько дней*... 10-го и 11-го въ Ѳоминскомъ сосредоточилась вся армія. 10-го Октября прибылъ въ Ѳоминское и самъ Наполеонъ, и личное производилъ обозрѣніе на дальнее разстояніе.»

Замѣчательно, что въ Тарутинѣ, такъ близко отъ Москвы, и, съ средствами имѣть отчетливыя свѣдѣнія, если и не о тайныхъ, предположенныхъ движеніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, о приведеніи оныхъ уже въ исполненіе, мы во все это время ничего не знали! Еще же любопытнѣе, что (стр. 268) Дороховъ, отъ 7-го и 9-го Октября, доноситъ о появленіи непріятельскихъ силъ въ Ѳоминскомъ, и на это донесеніе довольствуются отправленіемъ къ нему двухъ егерскихъ полковъ!

Вотъ фактъ также интересный: Не смотря на то, что Наполеона и всей главной его арміи *три дня* какъ не было уже въ Москвѣ, авторъ разсуждаетъ (стр. 269): «*По одному только донесенію Дорохова не могъ Князь Кутузовъ оставить Тарутинскаго лагеря* со всею арміею, не будучи вполнѣ увѣренъ

въ истинныхъ замыслахъ Наполеона.» *) Тогда какъ для полученія извѣстій изъ Москвы, въ Тарутинѣ требовалось лишь нѣсколько часовъ! А партизаны наши, о которыхъ авторъ говоритъ такъ много въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія, что же дѣлали? Оставляю это другимъ, и обращаюсь къ предмету.

10-го Октября послали Дохтурова чрезъ Аристово къ с. Ѳоминскому. Дохтуровъ, убѣдившись въ Аристовѣ, что предъ нимъ Наполеонъ со всею арміею, и направляется къ Малоярославцу, доноситъ о семъ фельдмаршалу, и самъ ожидаетъ въ Аристовѣ дальнѣйшихъ приказаній.

Теперь посмотримъ на *быстроту движенія Князя Кутузова*, о которомъ говоритъ авторъ.

На стр. 271-й сказано, что Дохтуровъ отправилъ донесеніе къ Князю Кутузову *въ девять часовъ вечера 10-го Октября***). Дежурный штабъ-офицеръ Бологовской былъ посланъ съ таковымъ, послѣ чего авторъ присовокупляетъ (стр. 272): «Не довѣряя быстротѣ своей лошади, Бологовской взялъ для перемѣны нѣсколько другихъ лошадей, и несясь *со всевозможною скоростью*, прискакалъ въ Леташевку прямо къ Коновницыну. Тотчасъ его представили къ фельдмаршалу» и т. д.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что изъ *Аристова до Леташевки разстоянія двадцать верстъ;* слѣдовательно Бологовской, съ своимъ запасомъ свѣжихъ лошадей, пріѣхалъ никакъ не позже одиннадцати часовъ. Онъ могъ бы совершить путь этотъ и гораздо скорѣе чѣмъ въ два часа, но здѣсь конечно, слѣдуетъ принять въ соображеніе темноту, и во всякомъ случаѣ однако же онъ не могъ употребить болѣе времени: это впрочемъ извѣстно изъ собственноручныхъ записокъ Бологовскаго. Фельдмаршалъ, получивъ это свѣдѣніе, какъ бы *неожиданную новость*, предписываетъ, (стр. 272) «Дохтурову употребить всѣ способы для ско-

*) Какимъ же образомъ, нѣсколько строчекъ выше, авторъ такъ превозноситъ точность свѣдѣній, получаемыхъ отъ Дорохова, и присовокупляетъ: «Фельдмаршалъ *возлагалъ полную надежду на его (Дорохова) опытность, и былъ увѣренъ, что непріятельскія движенія не ускользнутъ отъ него.* Слѣдующія строки изъ донесенія Дорохова могутъ послужить доказательствомъ его вѣрнаго взгляда на военныя соображенія, и того, что Князь Кутузовъ *могъ быть спокоенъ*, поручивъ ему наблюденіе одно изъ самыхъ главныхъ путей.» Какъ же все это согласовать? Здѣсь фельдмаршалъ *возлагаетъ полную надежду на опытность Дорохова, и увѣренъ*, что непріятельскія движенія не ускользнутъ отъ него; что Дороховъ обладалъ *вѣрнымъ взглядомъ на военныя соображенія*, что Князь Кутузовъ *могъ быть спокоенъ*, поручивъ Дорохову наблюденіе одного изъ самыхъ главныхъ путей и пр., и вдругъ, чрезъ нѣсколько строчекъ на той же страницѣ; является недовѣрчивость къ донесеніямъ этого же самаго Дорохова! По моему мнѣнію, это противорѣчіе рѣзко бросается въ глаза, въ особенности, если прослѣдить еще все, что происходило въ Аристовѣ, когда пришелъ туда Дохтуровъ.

**) Выпускаю всѣ подробности свѣдѣній, полученныхъ отъ разныхъ лицъ, изъ коихъ многія были спрашиваны мною и допросы писаны моею рукою.

рѣйшаго перехода изъ Аристова къ Малоярославцу, и прикрытія Боровской дороги *) до прибытія туда главной арміи... Платову со всѣми казачьими полками и ротою конной артиллеріи итти къ Малоярославцу, и всей арміи быть *готовой* къ выступленію.» Вмѣстѣ съ симъ, какъ бы все еще не довѣряя помянутымъ свѣдѣніямъ, предписывалось Милорадовичу сдѣлать обозрѣніе, стараясь открыть настоящее расположеніе непріятельскаго авангарда. Но вскорѣ послѣ разсылки повелѣній, Милорадовичъ донесъ, что «непріятель тянется къ новой Калужской дорогѣ.»

И такъ въ Леташевкѣ извѣстіе отъ Дохтурова было получено не позже одиннадцати часовъ вечера 10-го Октября. Всѣ вышеупомянутыя распоряженія, смотря по важности обстоятельствъ, могли быть сдѣланы въ продолженіи одного часа; но положимъ, что на это употреблено было два часа времени, слѣдовательно во всякомъ случаѣ, въ часъ пополуночи 11-го Октября, повелѣніе Дохтурову, какъ важнѣйшее, могло быть уже отправлено, и онъ долженъ былъ получить оное въ три часа пополуночи. Пусть будетъ и въ четыре часа; но повелѣніе это получено было только въ одиннадцать часовъ утра, и Дохтуровъ немедленно двинулся. Платовъ же, стоявшій съ казаками своими въ Тарутинѣ, и долженствовавшій получить повелѣніе несравненно скорѣе Дохтурова, и именно не позже часа пополуночи 11-го Октября, могъ выступить въ три часа, и прибыть въ Спасское (двадцать верстъ) очень легко въ семь часовъ *утра;* но онъ пришелъ туда, какъ видѣли выше, только въ одиннадцать часовъ вечера? Значитъ: онъ долженъ былъ оставаться на Турутинской позиціи въ глазахъ фельдмаршала до семи часовъ вечера 11-го Октября.

Дорога изъ Аристова къ Малоярославцу до Спасскаго пролегала по мѣстамъ, чрезвычайно затруднительнымъ для артиллеріи и обозовъ; почти на каждомъ шагу должно было исправить большое число мостиковъ. Къ девяти часамъ вечера корпусъ Дохтурова пришелъ въ Спасское, совершивъ отъ Аристова двадцать верстъ. Въ Спасскомъ, какъ было уже сказано, тотчасъ приступлено было къ дѣланію мостовъ.

Для удобства въ разсчетѣ времени, я возьму Спасское, какъ пунктъ, чрезъ который всѣ должны были проходить, и который отстоялъ одинаково на двадцать верстъ отъ Аристова, какъ и отъ Тарутина, чрезъ Леташевку, съ тою разницею, что сія послѣдняя дорога не представляла тѣхъ мѣстныхъ препятствій, какъ первая. Между тѣмъ оказывается, что Платовъ, пришедшій къ Спасскому только въ одиннадцать часовъ вечера, тогда какъ онъ могъ быть

*) Не хотѣлъ ли авторъ сказать Калужской вмѣсто Боровской? Это было бы правильнѣе какъ прикрыть Боровскую дорогу, гдѣ находился Наполеонъ со всею арміею.

тамъ въ семь часовъ утра 11-го числа, если бъ получилъ приказанie отъ фельдмаршала двинуться тотчасъ, ибо, предположивъ, что для приготовленiя къ выступленiю изъ Тарутина, ему понадобились бы два часа времени, то, выступивъ въ три часа утра, онъ къ семи легко достигъ бы Спасскаго *)

Самая главная армiя изъ Тарутинскаго лагеря могла прiйти въ Спасское прежде Дохтурова; но она оставалась на мѣстѣ, и авторъ, желая какъ нибудь оправдать эту нерѣшимость (стр. 274), говоритъ: «Выступленiе изъ Тарутина замедлилось нѣсколькими часами (двѣнадцатью часами!) потому что надлежало посылать верстъ за двадцать и далѣе на фуражировку, куда наканунѣ было отправлено много лошадей изъ конныхъ полковъ и артиллерiи. Когда фуражиры возвратились, армiя двинулась изъ Тарутина 11-го Октября, послѣ полудня, чрезъ Леташевку и Спасское.» Выраженiя: *послѣ полудня* слишкомъ неопредѣленно. Движенiе это могло начаться и въ часъ пополудни, и въ одиннадцать часовъ пополудни. Армiя начала выступать, дѣйствительно, около сего послѣдняго времени и еще позже ибо иначе какимъ бы образомъ голова оной пришла къ позицiи при Малоярославцѣ (около 28 верстъ) только къ двумъ часамъ пополудни 12-го числа? Предположимъ даже, что она выступила въ одиннадцать часовъ вечера 11-го числа: оказывается, что она совершила двадцать восемь верстъ въ пятнадцать часовъ времени, и здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить и то важное обстоятельство, что для переправы ея въ Спасскомъ изготовлено было нѣсколько мостовъ. Далѣе, на стр. 288-й, авторъ говоритъ, что Милорадовичъ прошелъ въ одинъ день пятдесятъ верстъ, совершивъ это болѣе чемъ съ двумя пѣхотными корпусами и значительною артиллерiею и конницею, чтобъ прибыть къ Малоярославцу, и еще по мѣстамъ чрезвычайно труднымъ; слѣдовательно, какимъ же образомъ армiя изъ Тарутина, гдѣ было получено положительное извѣстiе 10-го числа въ одинадцать часовъ вечера, о томъ, что Наполеонъ со всею армiею

*) Пожалуй эта *медленность* и была причиною, что мы *успѣли* преградить Наполеону путь въ Малоярославцѣ. Очень можетъ быть, что если бы Платовъ 11-го числа, въ девять часовъ утра явился предъ Малоярославцемъ, то этимъ самымъ онъ удостовѣрилъ бы Наполеона что Кутузовъ открылъ его движенiе, и Французская армiя поспѣшила бы занять этотъ городъ двадцатью часами прежде прибытiя Дохтурова, и даже для обезпеченiя своего отступленiя Наполеонъ могъ отдѣлить весь корпусъ Вице-Короля, находившагося впереди, къ Спасскому, гдѣ на переправѣ могъ остановить Дохтурова, и замедлить движенiе и всей нашей армiи изъ Тарутина, и тѣмъ дать время Наполеону со всею своею армiею перейти Лужу и Нямцовскiй оврагъ для исполненiя такого движенiя Французамъ было достаточно времени; но Наполеонъ былъ увѣренъ, что и не торопясь, онъ достигнетъ своей цѣли и предупредитъ Русскихъ на этомъ пунктѣ. Стоитъ посмотрѣть на карту и на расположенiе Французской армiи 9-го, 10-го и 11-го Октября, чтобы убѣдиться въ возможности представлявшейся къ такому движенiю. Дѣльный критическiй разборъ этого эпизода уяснитъ оный.

идетъ на Малоярославецъ, явилась къ угрожаемому пункту, долженствовавшему дать совершенно иной оборотъ войнѣ, только чрезъ тридцать восемь часовъ, когда нужно было перейти только двадцать восемь верстъ?! Все это никакъ не гармонируетъ съ тою *быстротою*, которую авторъ приписываетъ Князю Кутузову во время *колебанія Наполеона!*

Причины промедленія *нѣсколькими часами* (а сколько именно, не сказано), движенія арміи изъ Тарутина, авторъ приписываетъ тому, что «было отправлено много лошадей изъ конныхъ полковъ и артиллеріи на фуражировку» — не будетъ принято въ уваженіе никѣмъ, хотя бы вполовину и менѣе понимающимъ дѣло; ибо предположивъ, что не только что *много*, но пусть даже половина конныхъ и артиллерійскихъ лошадей отправлены были на фуражировку; пусть даже, что и пѣхота, о которой впрочемъ не упоминается, отправила половину своихъ обозныхъ лошадей добывать себѣ фуражъ, другая половина находилась на лицо; по важности событій нельзя было ожидать возвращенія фуражировъ, а должно было съ тѣмъ, съ чѣмъ можно, спѣшить не оставаясь и часа на мѣстѣ. Для прикрытія же тѣхъ частей или той половины, которая должна была ожидать лошадей, можно было оставить въ прикрытіи даже цѣлый корпусъ, хотя въ этомъ не было уже ни какой надобности, потому что Тарутино тогда не могло быть ничѣмъ угрожаемо, ибо авангардъ Наполеона, находившійся предъ Милорадовичемъ, имѣвшимъ вдвое больше его силъ, потянулся уже къ новой Калужской дорогѣ. Фразы, которыми авторъ ищетъ оправдать промедленіе главной арміи, отвергаются здравымъ смысломъ. Вся участь кампаніи сосредоточивалась въ Малоярославцѣ—туда слѣдовало летѣть. Всевидящее Око въ этомъ случаѣ спасло насъ. Я предоставляю другимъ, болѣе ученымъ и болѣе меня понимающимъ военное дѣло, разсматривать послѣдствія, если бы Наполеонъ успѣлъ не только до прибытія Дохтурова, но и съ его появленіемъ, прорваться чрезъ Малоярославецъ.

Французы, исчисляя ошибки дѣйствительныя, но преимущественно ими воображаемыя, содѣланныя ихъ предводителями и даже самимъ Наполеономъ, этимъ самымъ показываютъ, что безъ приводимыхъ ими ошибокъ, они совершенно бы насъ уничтожили. Почему же мы должны молчать, и тѣмъ какъ бы соглашаться съ ними? почему и мы не будемъ разсматривать критически не столько ихъ, сколько собственныя наши дѣйствія? Одна дѣльная критика можетъ очищать событія, и показывать ихъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Сколько для нея пищи представляютъ сраженія въ Смоленскѣ, на Валутиной горѣ, при Бородинѣ, оставленіе Москвы, Малоярославецъ, Вязьма, Красное, Березина и многіе другіе эпи-

зоды этой борьбы Запада съ Сѣверомъ! Критика, одна критика, повторяю, можетъ достигать истиннаго свѣта.

Мнѣніе о необходимости строгаго критическаго разбора сочиненій о военномъ дѣлѣ раздѣляетъ со мною и Полковникъ Астафьевъ. Въ образцовомъ сочиненіи своемъ *) онъ говоритъ (стр. XVIII): «Военное искусство есть общее дѣло, требующее глубокаго коллегіяльнаго обсужденія и полемики: одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться..!» Говоря о критикѣ, онъ присовокупляетъ: «Гдѣ нѣтъ ея—тамъ нѣтъ искусства тамъ всякая похвала—злая насмѣшка.»

Не будучи образованъ въ какомъ либо учебномъ заведеніи, а потому, какъ не прошедшій педагогическаго курса я не смѣю судить специяльно о классификаціи, сдѣланной Полковникомъ Астафьевымъ—наукъ, необходимыхъ къ пріуготовленію офицеровъ генеральнаго штаба, но, сколько понимаю, нахожу его мнѣніе основательнымъ, потому уже одному, что онъ подкрѣпляетъ свое о семъ предметѣ мнѣніе пространными выписками изъ превосходныхъ сочиненій Милютина и Горемыкина, которыя, въ развитіи военной науки, никогда не умрутъ. Относительно же стратегіи, я остаюсь въ томъ непреклонномъ убѣжденіи, что наука эта тогда только содѣлается положительною, или, лучше сказать, примѣнимою къ практикѣ, когда создается наука *изложенія характеристическихъ свойствъ и политическихъ мнѣній непріятеля*, противъ котораго предпринимаютъ дѣйствовать; ибо то, что можно въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ предпринять противъ одного непріятеля, нельзя предпринять противъ другаго, какъ относительно страны, современнаго направленія ея жителей, ихъ свойствъ, способностей, такъ духа ихъ армій, дарованій его предводителей и т. п. Считаю излишнимъ здѣсь распространяться о семъ; я объяснилъ это достаточно въ вышеупомянутой брошюрѣ, изданной въ 1852 г. и возбужденной еще въ 1831 г. **).

*) « О современномъ Военномъ Искусствѣ. Соч. Полковника Генеральнаго Штаба Астафьева, состоящаго при Николаевской Академіи. Спб. 1856 ч. 1. «Изслѣдованіе началъ Военнаго Искусства.»

**) Его Императорское Высочество, въ Бозѣ почившій Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ почетный президентъ Военной Академіи, письмомъ, въ 1832 году, за собственноручнымъ подписаніемъ, и вслѣдъ за симъ Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества объявили мнѣ Высочайшую волю, что Государь Императоръ, находя основательнымъ изложеніе: о необходимости имѣть свѣдѣнія о характеристическихъ свойствахъ и политическихъ мнѣніяхъ непріятеля, возложилъ на меня (я былъ уже въ отставкѣ) сдѣлать это относительно Турціи, какъ мнѣ спеціяльно извѣстной, *на тотъ конецъ, чтобы сей трудъ могъ служить образцомъ въ этой наукѣ* и. т. д. Чрезъ два года трудъ былъ конченъ, и первая половина его представлена (какъ мнѣ приказывалось) Военному Министру; но она не была поднесена Государю Императору, по особому повелѣнію коего я занялся онымъ, а подвержена разсмотрѣнію Военно-Ученаго Комитета,

Все, что говоритъ Полковникъ Астафьевъ о конницѣ, доказываетъ его глубокое изученіе предмета, и примѣръ тому, что прекрасная практическая статья, какія очень и очень рѣдко появляются—*армейскаго кавалериста* (хотя въ ней есть нѣкоторыя, недовольно ясно развитыя истины) о которой выше было упомянуто, вся основана на началахъ, излагаемыхъ Полковникомъ Астафьевымъ.

Относительно штуцерныхъ я не вполнѣ раздѣляю мнѣніе почтеннаго автора, и надѣюсь изложить въ особой статьѣ все, что касается до сего предмета съ практической точки.

Полковникъ Астафьевъ, въ сочиненіи своемъ, пространно говоритъ о значеніи генеральнаго штаба во время войны, и очень справедливо замѣчаетъ (стр. 51), что: *Генеральный штабъ выражаетъ собою пять чувствъ вождя; посредствомъ ихъ онъ видитъ, слышитъ, осязаетъ и проч., тамъ, гдѣ даже самъ присутствовать не можетъ.»* Это святая истина! но ее могутъ оцѣнить только тѣ, которые знакомы съ битвами; они понимаютъ, что офицеры генеральнаго штаба суть главные дѣятели въ военныхъ дѣйствіяхъ; по ихъ предварительнымъ указаніямъ все двигается; во время сраженія они, опытнымъ и ученымъ глазомъ, слѣдятъ за ходомъ битвы, сообщаютъ главнымъ начальникамъ свои замѣчанія, сдѣланныя на мѣстѣ. Чьи, послѣ битвы, труды могутъ сравниться съ обязанностями офицера генеральнаго штаба? Опытность его въ эти моменты является въ полномъ своемъ блескѣ. Далѣе (стр. 53, 54) Полковникъ Астафьевъ говоритъ: «Въ офицерахъ генеральнаго штаба надобно будетъ видѣть людей, изъ которыхъ вырабатываются будущіе военачальники. Приготавливаться къ этому назначенію должно исподоволь, *избираться не по одному книжному изученію военныхъ наукъ*, но болѣе обращать вниманіе на дарованія и характеръ. Ежели частный человѣкъ сдѣлаетъ ошибку, она можетъ быть легко исправлена; но если заблуждается тотъ, кому поручается исполненіе важныхъ дѣлъ, по недостатку свѣдѣній, это можетъ повлечь за

который, въ состоявшемся по сему предмету журналѣ, выразился о пользѣ предмета слѣдующими словами: «Свѣдѣнія сіи, заключающія въ себѣ много поучительнаго и любопытнаго, относительно военнаго и гражданскаго быта Турокъ, могутъ принести существенную пользу тѣмъ уже, что сведены въ одно цѣлое изъ многихъ, нынѣ весьма рѣдкихъ и не для всѣхъ доступныхъ сочиненій; необходимо только, чтобы сводъ сей *передѣланъ былъ въ порядокъ систематическій (!) вмѣсто принятаго азбучнаго, влекущаго за собою неудобства къ отысканію въ разныхъ частяхъ книги предметовъ, касающихся до одного предмета* (!!!!.» И потому возвратилъ мнѣ для передѣланія онаго, и разрѣшенія, буде я пожелаю напечатать. Само собою разумѣется, что огонь взялъ на себя этотъ трудъ передѣлки, ибо трудъ сей, при усиленныхъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, занятій, не составлялся для напечатанія, да по содержанію своему и не могъ, но составленъ былъ по волѣ Государя, до котораго, однако же, не достигъ.

собою гибельныя послѣдствія.» Не могу при этомъ случаѣ не сказать покуда нѣсколько словъ о генеральномъ штабѣ моего времени, когда офицеры пріобрѣтали сами теоретическія познанія, чувствуя къ тому призваніе, и, по благородному самолюбію, искали стать въ уровень съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, имѣвшихъ за собою и опытность и теорію, а главное стремились обратить на себя вниманіе глубоко уважаемыхъ своихъ генералъ-квартирмейстеровъ и другихъ начальниковъ.

Въ краткомъ очеркѣ семъ я буду говорить преимущественно о практическихъ офицерахъ, т. е., о прямой цѣли ихъ назначенія для того поприща, на которомъ они должны дѣйствовать съ существенною пользою.

На этомъ поприщѣ, среди битвъ, офицеръ генеральнаго штаба образуется по образцу своихъ генералъ-квартирмейстеровъ, точно такъ же, какъ духъ всевозможныхъ армій образуется по образцу своихъ главнокомандующихъ, снисходя постепенно отъ ближайшихъ къ нему начальниковъ, до солдатъ: то же и во всѣхъ вѣдомствахъ.

Генеральный штабъ нашъ привлекалъ къ себѣ множество иностранныхъ офицеровъ, какъ напримѣръ, *) въ мое время въономъ служили: Довре, Шевалье де Романо, Баронъ Тейль-фанъ Сераскеркенъ, Графы Мишо, Графы Рошешуары, Графъ Венансонъ, Графъ Галате, Маркизъ Монпеза, Маркизъ Мезонфоръ, Шевалье

*) Когда я, въ 1807 году, вступилъ въ службу, главное управленіе генеральнаго штаба (тогда Свита Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части) помѣщалась въ Михайловскомъ (нынѣ Инженерномъ) Замкѣ, въ четырехъ или пяти комнатахъ бель-этажа въ заднемъ фасѣ, насупротивъ воротъ. На право со двора, въ томъ же этажѣ, жилъ Генералъ Квартирмейстеръ, Инженеръ-Генералъ (въ послѣдствіи Графъ) П. К. фанъ-Сухтеленъ. Здѣсь же, въ двухъ небольшихъ комнатахъ, жилъ управлявшій всею распорядительною частію Маіоръ Н. И. Селявинъ. Подъ нимъ хозяйственною частію завѣдывалъ Капитанъ Коленковскій; три писаря и нѣсколько сторожей для присмотра за такъ называвшеюся чертежною. Вотъ весь матеріяльный составъ управленія, нынѣ замѣняемый Департаментомъ Генеральнаго Штаба. Работы, когда встрѣчались, распредѣлялись между штабъ и оберъ-офицерами и колонновожатыми, по большей части самимъ генералъ-квартирмейстеромъ, по способностямъ каждаго, и они могли заниматься у себя. При скопленіи занятій у Маіора Селявина, онъ приглашалъ, для раздѣленія съ нимъ трудовъ, офицеровъ и колонновожатыхъ, которые всѣ гордились такими вызовами. Между тѣмъ при этомъ составѣ мы вели войны съ Наполеономъ, и сдѣланы были карты, изъ коихъ донынѣ нѣкоторыя не потеряли своего значенія. Такъ продолжалось до 1810 года, когда Г. А. Князь Волконскій занялъ мѣсто генералъ-квартирмейстера. Въ это время генеральный штабъ получилъ новое преобразованіе, но только по окончаніи войны 1815 г., когда иностранные офицеры оставили нашу службу, онъ началъ принимать гигантскіе размѣры, постепенно усиливающіеся и въ настоящее время: составъ онаго едва ли не равняется народонаселенію нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ. Для тѣхъ, которые видѣли дѣятельную простоту управленія прежняго генеральнаго штаба и нынѣшнее его состояніе, затруднительно дать себѣ отчетъ этого явленія по его результатамъ.

Давико, Валентини, Гофманъ, Вольцогенъ, Понсетъ, Баронъ Дистъ, Люцовъ, Баронъ Кроссаръ, Троифъ; Баронъ Кроне, Графъ Серистори и множество другихъ. Всѣ они, при исполненіи своихъ порученій, будучи слиты съ Русскими молодыми офицерами, служили этимъ послѣднимъ образцомъ и предметомъ соревнованія, подъ главнымъ управленіемъ и руководствомъ генералъ-квартирмейстеровъ, каковыми были: Сухтеленъ, Штейнгель, Вистицкій, Адеркасъ, Фридерици, Толь, Дибичъ и Гартингъ. Эти лица старались окружать себя людьми способными, и тщательно отыскивали понимающихъ дѣло, испытывая ихъ сами, входя въ разговоръ о томъ или другомъ предметѣ, и такъ пріобрѣтали понятія о тѣхъ, которыхъ должно было употреблять ими въ томъ или въ другомъ случаѣ. Они слѣдовали правилу Наполеона, изложенному имъ въ письмѣ къ своему брату Іосифу, Королю Испаніи, что «людей надо видѣть вблизи, если хочешь узнать ихъ достоинство,» и были убѣждены въ той непреложной истинѣ, что одинъ начальникъ, какихъ бы онъ ни былъ высокихъ дарованій, не въ состояніи сдѣлать что либо полезное, если окружаетъ себя людьми, не имѣющими надлежащихъ способностей. Наполеонъ требовалъ, чтобы генералы окружали себя опытными офицерами генеральнаго штаба и такими же адъютантами, и говорилъ: «Я считаю свою армію не только по числу солдатъ, но также по числу *людей опытныхъ* и храбрыхъ.» Исторія показываетъ намъ, что начальники съ посредственными способностями, но убѣжденные въ вышеупомянутой истинѣ, окруживъ себя людьми свѣдущими и опытными, совершали блистательныя дѣла. Противное тому видѣли когда начальникъ, вмѣщавшій въ себѣ несравненно болѣе воинскихъ качествъ, но проникнутый кичливою мыслію, что никто лучше его знать *не можетъ, не долженъ* и *не смѣетъ*— и окруженный людьми не въ уровень себѣ, *) долженъ былъ на каждомъ шагу уступать противнику, а потому вышеупомянутые наши генералъ-квартирмейстеры и не могли не образовать офицеровъ, которые, можетъ быть, предъ профессорскою каѳедрою и не выдержали бы школьнаго экзамена, конечно, необходимаго, но не въ той степени, какъ это требовалось педантами, приготовлявшими учениковъ въ

*) Или такими, какъ это случалось, которые, постигнувъ самолюбіе своего начальника и, получая отъ него приказанія, хотя и бываютъ убѣждены, что исполненіе оныхъ не согласно съ обстоятельствами, частности коего имъ болѣе извѣстны чѣмъ начальнику, не объясняютъ ихъ, потому что не хотятъ *испортить себѣ карьеры*; ибо цѣль ихъ выслужиться угожденіемъ. Самолюбивый начальникъ не любитъ разъясненій, дѣлаемыхъ ему подчиненными. Онъ любитъ видѣть ихъ съ неподвижными глазами и постоянною, часто невольно безсмысленною улыбкою, при всякомъ дѣлаемомъ имъ распоряженіи. Такіе подчиненные наконецъ продолжительнымъ раболѣпствомъ достигаютъ того, что дѣлаютъ изъ начальника что хотятъ.

продолженіе цѣлаго курса, какъ бы только къ моменту экзамена *).

Офицеры генеральнаго штаба, прежде образовавшіеся по призванію и среди битвъ, могли, на томъ поприщѣ, на которое предназначала ихъ главная цѣль — тягаться и *тягались со славою* со всѣми учеными Европейскими генеральными штабами въ классическихъ войскахъ временъ Наполеона. Во все это время не укажутъ ни на одинъ *промахъ* со стороны офицера нашего генеральнаго штаба, при самыхъ сложныхъ движеніяхъ въ глазахъ искуснѣйшаго непріятеля, при обозрѣніяхъ, при усиленныхъ рекогносцировкахъ съ отрядами, имъ ввѣрявшимися. Каждому изъ офицеровъ того времени неоднократно случалось возводить съ полною стчетливостью полевыя укрѣпленія **); словомъ, окончаніе войны 1814 года застало нашъ генеральный штабъ на апогеѣ боевой способности.

Но не однимъ полемъ битвъ ограничивался кругъ дѣятельности нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Многіе изъ нихъ оставили намъ ученые труды свои, (говорю только о своемъ времени). ***) Рахмановъ, убитый подъ Лейпцигомъ, въ головѣ ввѣренной ему бригады (Охотскій и Камчатскій полки) при штурмѣ

*) Нѣкто очень остроумно замѣтилъ, что ученики, такъ приготовлявшіеся-уподобляются пушкѣ которую въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ заряжаютъ, и когда она наполнится предположенными курсомъ предметами, то, за громкимъ выстрѣломъ, пушка остается пустою. Знатоки въ этомъ дѣлѣ полагаютъ, что большая часть отлично выдержавшихъ такой *педантической выпускной экзаменъ* едва ли бывали въ состояніи чрезъ полгода и еще менѣе, поступить, по *экзамену же*, въ низшій классъ того же самаго заведенія.

**) Офицеръ генеральнаго штаба того времени долженъ былъ знать инженерную науку на столько, на сколько это могло быть полезно. Спеціальность и высшіе взгляды на эту науку не обременяли его памяти: это было спеціяльностью инженеровъ.

***) Если же взять послѣднюю четверть XVIII столѣтія, мы найдемъ труды Генералъ-Квартирмейстера Баура и его карту Придунайскихъ Княжествъ, что до сихъ поръ служитъ образцомъ; Мейера (А. К., въ 1802 году Генералъ-Маіоръ, шефъ Казанскаго Полка на Кавказѣ): его описаніе Очаковской Степи есть до сего времени лучшее въ ученомъ отношеніи; имъ же составленное въ 1786 году, по приказанію Князя Потемкина-Таврическаго, Описаніе берега Чернаго Моря и Дуная, отъ Босфора до Галацъ; Оборонительное состояніе Дарданельскаго и Константинопольскаго Проливовъ, съ присовокупленіемъ характеристическихъ свойствъ окрестныхъ онымъ жителей; взглядъ на выгоды, которыя отъ нашего Черноморскаго флота, въ случаѣ войны, ожидать можно и т. д. Труды: Лена, фонъ Раана описавшаго войну 1788—1790, съ показаніемъ на картѣ всѣхъ движеній, и множество трудовъ другихъ офицеровъ исхода прошедшаго столѣтія доказываютъ ихъ способности. Встарину все дѣлалось какъ бы основательнѣе, и не скоро взглаживалось, что доказывается и теперь необходимостью заглядывать въ эти труды, такъ напримѣръ, карты: Кассини, Феррари, Эрмелина и другихъ имъ подобныхъ за границею, а хотя бы напримѣръ и у насъ карта Россіи, Мухина, составленная въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, до сихъ поръ служитъ нерѣдко какъ за границею вышеупомянутыя—совѣщательною, а припомнимъ, при какихъ матеріальныхъ средствахъ она была составлена. Это торжественно свидѣтельствуется исправлявшаго должность Генералъ квартирмейстера въ крыму, П. Герсеванова, статьею, Русск. Инвалида (1858. № 87. гл. XI);

предмѣстій, писавшій независимо отъ военнаго дѣла и по многимъ другимъ отраслямъ военныхъ наукъ; Гавердовскій, убитый подъ Бородинымъ; Н. Н. Муравьевъ; Чуйкевичъ, Бутурлинъ, Окуневъ, Михайловскій-Данилевскій, Толь, Князь Голицынъ, Радожицкій, Хатовъ и многіе другіе (о живыхъ умалчиваю). Сколько есть у многихъ изъ нихъ ненапечатанныхъ, современныхъ дѣятельности, любопытныхъ матеріяловъ, въ которыхъ теорія основывается на практикѣ, а не практика на создаваемой въ кабинетѣ теоріи. Наполеонъ говорилъ, что «теорія служитъ не къ тому, чтобы отыскивать новые пути, но единственно для того, чтобы итти впередъ по путямъ, уже проложеннымъ.»

Сколько архивъ генеральнаго штаба имѣетъ у себя въ рукописяхъ и чертежахъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о способностяхъ тогдашнихъ офицеровъ генеральнаго штаба, образовавшихся не по курсу предъ профессорскими каѳедрами, но имѣвшихъ общее понятіе о военной наукѣ! Они совершенствовались среди битвъ въ глазахъ и подъ руководствомъ достойнѣйшихъ генералъ-квартирмейстеровъ, которые въ сущности, только тогда могли образовать офицеровъ генеральнаго штаба въ точномъ значеніи этого слова *).

*) Здѣсь я не говорю объ астрономахъ, хартографахъ и топографахъ, или знающихъ наизусть мѣсяцъ и день, въ которые давались битвы древними полководцами. Всѣ такіе офицеры во всѣхъ странахъ, имѣютъ свое почетное мѣсто, однако же не среди битвъ, рѣшающихъ иногда участь имперій. Умалчиваю также и о бюрократахъ, такъ нынѣ расплодившихся въ нѣкоторыхъ государствахъ, и радикально убивающихъ способности боевыхъ офицеровъ своими канцелярскими притязаніями въ хаосѣ распоряженій (въ которыхъ часто и сами запутываются) и по большей части неисполнимымъ на практикѣ, а потому ни къ чему дѣльному не ведущихъ. Это сословіе бумагомановъ во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, по естественному положенію своихъ умственныхъ направленій не обращаетъ вниманія на офицеровъ съ чисто практическими военными дарованіями, а убѣждено, что для офицера генеральнаго штаба первая необходимость заключается въ томъ, чтобы знать или канцелярскій порядокъ, или наизусть всѣ подробности походовъ Александра, Аннибала, Юлія Цесаря и т. п.; знать не только что годъ дававшихся ими битвъ, но и точное опредѣленіе дня, строя, въ которомъ сражались, и изъясненіе онаго съ мельчайшими подробностями и пр. Между тѣмъ всѣ эти частности совершенно безполезны для существенныхъ познаній офицера генеральнаго штаба въ полѣ; это принадлежитъ къ столь отдаленнымъ временамъ, что достаточно прочесть исторію для полученія общаго понятія объ этихъ событіяхъ. Чтеніе исторіи не должно доводить до усталости умственныхъ способностей, которыя офицеръ долженъ сберегать для наукъ математическихъ, образующихъ его разумъ. Офицеру генеральнаго штаба, приготовляющемуся для поля, нужно время, чтобы заняться предметами, болѣе близкими къ современности и примѣненію многочисленныхъ и разнообразныхъ случаевъ къ его практической дѣятельности. Изученіе естественной игры земной поверхности, дающей ему возможность заключать о разныхъ мѣстностяхъ; съемка на глазомѣръ, проведеніе ночей въ полѣ, и все это, конечно подъ руководствомъ людей опытныхъ, могущихъ ему дать объясненіе во многомъ для него необходимомъ. Онъ долженъ пріучиться различать мѣстность ночью почти такъ же какъ и днемъ; для чего есть столько практическихъ данныхъ. По моему убѣжденію, не только что эпоха Густава Адольфа,

Въ настоящее время не только что офицеры, выпускаемые изъ военной академіи въ генеральный штабъ, но и тѣ, которые вступаютъ въ оную, стоятъ несравненно выше, въ общемъ смыслѣ, образованія своего предъ большею частію моихъ современниковъ, когда они начинали боевую службу, потому что нынѣшнія военно-учебныя заведенія, доведенныя до желаемаго совершенства, выпускаютъ офицеровъ, болѣе или менѣе образованныхъ для военнаго поприща, и тѣ изъ нихъ, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе къ усовершенствованію себя въ наукахъ, необходимыхъ для офицера генеральнаго штаба, имѣютъ всю возможность къ

но и самыя войны Фридриха II, принадлежатъ уже къ военной исторіи, требующей одного внимательнаго прочтенія, не погружаясь въ изслѣдованіе причинъ, выгодъ и не выгодъ, тѣхъ и другихъ построеній баталіона эскадрона а еще менѣе затверживать на память мельчайшіе случаи помянутыхъ событій; ибо все это, повторяю, не ведетъ къ тому, чтобы образовать офицера генеральнаго штаба для поля. Всѣ условія измѣнились, а потому и примѣненіе оныхъ не можетъ съ пользою быть сдѣлано. Пусть это будетъ удѣломъ профессоровъ, ученыхъ, педантовъ, словомъ тѣхъ, которые не обрекаютъ себя на боевую службу. Пусть они выучиваютъ наизусть мельчайшія подробности военной науки и искуства тѣхъ временъ. Пусть они заставляютъ удивляться своею ученостью, разбирая походы и войны Моисея, Іисуса Навина, Маккавеевъ, осаду Трои; пусть даже разшевелятъ древнюю исторію Персовъ, и, не довольствуясь допотопными событіями, идутъ далѣе. и изъ расказовъ Симоргъ-Анки о войнахъ преадамитовъ, у которыхъ до Адама царствовало сорокъ, а по другимъ и болѣе Солимановъ, ведшихъ безпрерывно кровопролитныя войны, напишутъ свои ученыя пожалуй и стратегическія разсужденія. Пусть наконецъ они и совершенно докажутъ, что военное искусство помянутыхъ временъ стояло высоко, потому что находятъ слѣды существованія генеральнаго штаба во время Іисуса Навина, посылавшаго *рекогносцировать* Іерихонъ и что Улиссъ съ Діомедомъ отправились изъ-подъ Трои на *рекогносцировку* лагеря Реза, приплывшаго съ своими Ѳракійцами, и на пути своемъ встрѣтили Долона, посланнаго отъ Царя Ѳракійскаго въ станъ Грековъ съ таковымъ же порученіемъ. Не сожги Омаръ Александрійской Библіотеки, неотмѣнно было бы *ими* доказано существованіе генеральнаго штаба въ эти отдаленныя времена и т. д. Но вся эта ученость отнюдь не составитъ офицера генеральнаго штаба для поля, если онъ съ этимъ послѣднимъ не болѣе знакомъ, чѣмъ съ древними историками. Такіе ученые невольно припоминаютъ басню Хемницера *Метафизикъ*: они будутъ разсуждать исторіей и наукой вопреки практическаго здраваго смысла, требующаго современнаго приложенія ума, и, на основаніи своихъ убѣжденій, останутся навсегда въ ямѣ. Впрочемъ такихъ лицъ вездѣ находится болѣе чемъ практическихъ. Такіе офицеры также необходимы въ каждомъ государствѣ, если имъ не дозволятъ выходить изъ своей сферы за черту своимъ глубокомысленныхъ созерцаній и физическихъ трудовъ на инструментальныхъ съемкахъ при составленіи картъ и ихъ отчетливой, утомительной и безполезной отдѣлкѣ, тогда какъ это есть прямая обязанность топографовъ, а если бы въ комъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба и проявились способность къ такому механизму, то ему можно предоставить въ корпусѣ топографовъ обширное къ тому поприще. Въ этомъ-то случаѣ прозорливость и пониманіе дѣла генералъ-квартирмейстера и познаются при вѣрномъ распредѣленіи между офицерами занятій, соотвѣтственно способностямъ каждаго. Тогда естественно и образуются хорошіе офицеры, ибо каждый будетъ заниматься по призванію. Эти *ученые* могутъ содѣйствовать изданіемъ военныхъ журналовъ, лексиконовъ въ которыхъ бы *сокращенно* (подъ надзоромъ впрочемъ, людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ) помѣщались статьи военной исторіи и другія отрасли военнаго знанія, чтобы этимъ *сокращеніемъ* сберегать время, необходимое для пріобрѣтенія

удовлетворенію своего благороднаго стремленія — въ Николаевской Военной Академіи. Подчиненіе всѣхъ военно-учебныхъ заведеній одному лицу, доказавшему на опытѣ свою многолѣтнюю, полезную дѣятельность, обѣщаетъ благопріятныя послѣдствія, потому что система преподаванія будетъ имѣть единообразіе. Офицеръ, выпущенный изъ какого либо кадетскаго корпуса, вступая въ военную академію, въ артиллерійское или инженерное училище, продолжаетъ только курсъ, не измѣняя тѣхъ началъ, которыя служили въ первоначальному его образованію.

Распоряженіе, послѣдовавшее съ Высочайшаго утвержденія по военно-учебнымъ заведеніямъ, по важности своей, должно принести неисчислимые плоды въ дѣятельности молодыхъ офицеровъ. Оно состоитъ въ томъ, что сильно раненые офицеры принимаются со всѣми преимуществами дѣйствительной службы, безъ всякой обязанности нести оную, въ то военно-учебное заведеніе, въ которомъ они воспитывались. Независимо благодѣтельнаго распоряженія этого, относительно собственно къ призрѣнію увѣчныхъ (чего не встрѣчается ни въ одномъ изъ государствъ), мѣра эта, мудро соображенная, принесетъ ничѣмъ незамѣнимую пользу, ибо такіе офицеры въ бесѣдахъ своихъ съ воспитанниками, съ которыми разстались незадолго, удовлетворятъ столь свойственному любопытству юношей разсказами многихъ эпизодовъ боевой своей

свѣдѣній, тѣми изъ офицеровъ генеральнаго штаба и другими ищущими быть существенно полезными арміи, чтобы заняться тѣмъ, что ближе къ дѣятельности боеваго поприща. Офицеры генеральнаго штаба, находящіеся при арміи и при корпусахъ, какъ бы глубоко ни изучили походы древнихъ полководцевъ и всѣ ошибки (по мнѣнію историковъ, писавшихъ спустя нѣсколько вѣковъ послѣ событій), ими сдѣланныя, какъ бы ни были свѣдущи въ химіи, ботаникѣ и по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ; скажу болѣе—въ спеціальности инженерной части и артиллеріи, и даже въ стратегіи, въ особенности излагаемой Эрцгерцогомъ Карломъ научающимъ какъ отступать отъ непріятеля и не поспѣвать къ главнымъ моментамъ войны, словомъ, такіе офицеры, если они не знаютъ ближайшихъ практическихъ своихъ обязанностей, то не принесутъ ни какой пользы въ полѣ; а напротивъ—будутъ вредны по многимъ отношеніямъ, о которыхъ здѣсь не у мѣста говорить.... Я было пропустилъ астрономію: многіе думаютъ, что изученіе этой науки въ подробности, необходимо для офицера генеральнаго штаба! Понимаю, что поверхностное познаніе оной, какъ ему, такъ и всякому образованному человѣку необходимо; но спеціальное знаніе оной принадлежитъ топографамъ и тѣмъ, которые предпочитаютъ занятіе ею—боевому. Сколько разъ мнѣ случалось во время дѣланныхъ кампаній, въ ночное время потеряться на неизвѣстномъ пространствѣ вмѣстѣ съ товарищами, глубоко свѣдущими въ астрономіи и достойными занимать мѣсто на обсерваторіи. Эти послѣдніе точно такъ же, какъ и я и другіе профаны, въ тонкости понятій о звѣздахъ, обращались къ практической астрономіи, и тогда не Галилеи, Тихо-де-Браге и Коперники, а казаки, часто вопреки мнѣнію моихъ товарищей, знавшихъ, какъ говорится, на славу небесныя свѣтила—выводили насъ всегда изъ бѣды. Здѣсь мѣсто пожалѣть, что до сихъ поръ не сдѣлано собранія не однимъ астрономическимъ, но и всѣмъ примѣтамъ, которыми казаки, это необыкновенное войско, обладаютъ. Я гдѣ-то говорилъ о семъ пространно.

жизни—когда бывали въ цѣпи, на аванпостахъ, на секретѣ; ознакомятъ съ хитростями ночныхъ патрулей; съ молодечествомъ тѣхъ или другихъ товарищей, удальства и смѣтливости въ разныхъ случаяхъ нижнихъ чиновъ, и такимъ образомъ нечувствительно воспламенятъ ихъ воображеніе. Словомъ, воспитанники, выходя изъ военно-учебныхъ заведеній, будутъ уже *полуопытными*, и ничто не будетъ для нихъ новымъ въ боевой дѣятельности, чего ни одна профессорская каѳедра сдѣлать не въ состояніи *). Другая мѣра, ведущая также къ пріобрѣтенію опытности, состоитъ въ назначеніи офицеровъ генеральнаго штаба въ начальники дивизіонныхъ штабовъ: здѣсь они нечувствительно ознакомятся со всѣми условіями армейской жизни, наслышатся поучительнаго болѣе, чѣмъ въ отдѣленіяхъ департамента, узнаютъ силу движенія ротою, баталіономъ, полкомъ, бригадою, дивизіею, что, для соображенія противъ непріятеля, необходимо знать. Какія бывали послѣдствія отъ такого невѣдѣнія, когда лица, распоряжавшіяся движеніями, думали, что дивизія, или пожалуй и полкъ, можетъ пройти столько-то верстъ въ одинаковое время, что и рота!

Говорятъ, что новое начальство Военной Академіи обратило свое вниманіе и на распространеніе чтенія нѣкоторыхъ войнъ, доселѣ не читавшихся, и которыя между тѣмъ могли бы принести несравненно болѣе существенной пользы, чѣмъ обремѣненіе памяти подробностями древнихъ походовъ и послѣдующихъ войнъ до начала Наполеоновскаго періода, когда война приняла тотъ характеръ, который до сихъ поръ существуетъ во всѣхъ почти мелочахъ своихъ. Такъ напримѣръ, до сихъ поръ не читались наши войны: Турецкая 1806 — 1812 г., Финляндская 1808 и 1809, Персидская 1826 и 1827, Турецкая 1828 и 1829, съ Польскими мятежниками 1830 и 1831, Венгерская въ 1849 г., война 1854—1855 и вообще война Кавказская, которой изученіе могло бы намъ принести ту же пользу, которую Французы извлекаютъ изъ своей войны въ Алжиріи, образуя въ этой, такъ сказать *военнопрактической Академіи* разсадникъ не только что отличныхъ офицеровъ, но, какъ мы видѣли и искусныхъ полководцевъ.

*) Я говорю это по опыту. Такъ, мы, поступая въ войско, наслушивались разсказовъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, служившихъ съ безсмертнымъ Суворовымъ, съ Княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ, съ Румянцовымъ—при Ларгѣ и Кагулѣ. Еще болѣе: когда я, въ 1807 году, вступилъ въ службу, я встрѣчалъ штабъ-офицеровъ, участвовавшихъ чуть-ли не въ Семилѣтней Войнѣ; они разсказывали о сраженіяхъ съ Фридрихомъ II въ Пруссіи, о Берлинѣ и т. п., съ такою отчетливостью, какъ бы кто нибудь теперь разсказывалъ о Севастополѣ. Тогда эти любопытные разсказы участниковъ Семилѣтней Войны, бывшей за сорокъ пять лѣтъ, по давности времени, намъ казались какъ бы невѣроятными. Между тѣмъ, какъ со времени Шведской Войны, въ которой я самъ участвовалъ, прошло уже пятьдесятъ лѣтъ и я живо помню малѣйшія подробности событій, мѣстности, именъ и т. п.

Матеріяловъ для этихъ нашихъ войнъ, конечно, не столько, сколько есть описаній, часто склоняющихся на повѣсти, о походахъ древнихъ полководцевъ отъ Александра до Наполеона. Слѣдовательно къ составленію профессорскихъ записокъ, для помянутыхъ мною нашихъ войнъ, требуется болѣе труда, а иногда и особенныхъ познаній, ибо первыя достаточно уже обработаны иноземцами. Несомнѣнно, что чтеніе вышепомянутыхъ нашихъ войнъ, найдетъ въ слушателяхъ болѣе сочувствія, чѣмъ объ Александрѣ, Аннибалѣ, Юліи Цесарѣ и т. п., потому что у каждаго изъ воспитанниковъ, конечно ихъ дѣдъ или отецъ, братъ и другіе родственники или близкознакомые неотмѣнно участвовали въ той или другой войнѣ, и воспитанники въ малолѣтствѣ еще могли слышать разсказы этихъ ветерановъ и воспламеняться оными.

Слѣдя по привычкѣ, постоянно, за военнымъ дѣломъ въ продолженіе полувѣка, и сдѣлавъ многія кампаніи на разныхъ оконечностяхъ Европы, съ народами различныхъ свойствъ и образа дѣйствій, то противъ нихъ, то вмѣстѣ съ ними, я пришелъ къ тому непреоборимому въ моемъ понятіи убѣжденію, что *подробнѣйшее* изученіе войнъ должно ограничиваться только войнами текущаго столѣтія, или съ 1796 года, когда великій военный геній Наполеона пролилъ свѣтъ на военную науку *). Всѣ же вой-

*) Лѣтъ за двадцать пять предъ симъ я печатно возбуждалъ этотъ предметъ, принимая въ соображеніе великое пространство нашего государства, окруженнаго непріятелемъ различныхъ свойствъ, способностей, образованія и т. п. У насъ общей тактики быть не можетъ; для каждаго непріятеля должна быть соотвѣтственная роду битвъ и странѣ, имъ занимаемой. Для дѣйствій съ Пруссіею, Австріею и лежащими отъ нихъ на западъ народами— тактика можетъ быть одна и та же; но правила этой тактики не будутъ примѣнимы въ Швеціи; ни та ни другая—въ Турціи; война съ Персіянами имѣетъ свои условія; война на Кавказѣ опять отличается отъ всѣхъ прочихъ; то же разнообразіе встрѣчаемъ на великомъ протяженіи нашей восточной границы. Можно ли въ Турціи, Швеціи — ставить передовую цѣпь какъ противъ западныхъ народовъ, дѣлать разъѣзды, фуражировку, ставить пикеты, конвоировать и т. п.; не говорю уже о совершенномъ разнообразіи въ администраціи, заготовленіяхъ, учрежденіи этаповъ, госпиталей, магазиновъ и т. д. Такъ напримѣръ, въ 1828 году, когда главная армія стояла три мѣсяца подъ Шумлою, она потеряла несравненно большую половину лошадей и весь скотъ отъ недостатка фуража, и это произошло единственно потому, что фуражировка производилась по правиламъ Европейскихъ войнъ. Походный же Атаманъ Генералъ-Лейтенантъ Сысоевъ; производя оную сообразно съ родомъ войны, никогда не имѣлъ недостатка въ фуражѣ, и когда, 2-го Октября, мы снялись съ позиціи, то остальное сожгли. Уланская бригада Генерала Набеля пришла изъ Силистріи въ послѣднее время нашего пребыванія подъ Шумлою. Генералъ-Адъютантъ Киселевъ, по настоянію у Графа Дибича, разрѣшилъ Генерала Набеля сдѣлать фуражировку по-своему усмотрѣнію, и этотъ въ три дня совершенно обезпечилъ свою бригаду фуражемъ и, оставляя лагерь, имѣлъ еще запасъ и т. д. Словомъ, отъ неимѣнія правилъ для специальныхъ дѣйствій противъ каждаго изъ нашихъ непріятелей, происходитъ еще и то, что генералъ, офицеръ, обратившій на себя вниманіе своими способностями и успѣхами въ войнѣ на одной оконечности, чрезъ нѣсколько дней переносится на другую, и является туда какъ неучъ:

ны, до него бывшія, болѣе или менѣе принадлежатъ исторіи, и изъ нихъ ничего существеннаго не можетъ быть примѣняемо къ войнамъ настоящаго времени, ибо все то, что могло быть только принято—уже введено и усовершенствовано въ войнахъ, о которыхъ я говорю, и онѣ однѣ, какъ главный базисъ нынѣшнимъ, требуютъ *спеціальнаго* изученія, начиная отъ рекрутской школы, до такъ называемыхъ высшихъ стратегическихъ соображеній. Войны же, предшествовавшія Наполеону, хотя бы начиная отъ самыхъ преадамитовъ до 1770 года, т. е., до Румянцовскихъ кареевъ—для офицера, приготовляющагося въ генеральный штабъ, нужны не болѣе исторіи, точно въ той же степени, какъ эта послѣдняя нужна и для каждаго благовоспитаннаго человѣка.

Изъ всѣхъ же войнъ не только что настоящаго столѣтія, но едва ли и бывшихъ прежде, самая замѣчательная, по своимъ гигантскимъ размѣрамъ, и сопутствовавшимъ ей великимъ событіямъ, несомнѣнно есть *война 1812 года*. Въ продолженіе почти полувѣка, мы были слишкомъ равнодушны ко всему тому, что врагамъ нашимъ угодно было писать объ этой войнѣ, и всѣ разсказы ихъ, часто совершенно искаженные, вламливаются уже и въ нашу исторію. Чтобъ привести это въ надлежащую ясность, нужно перебрать по эпизодамъ все, что было писано объ оной, сравнить, замѣтить разногласія не только-что одного писателя съ другимъ, но и разнорѣчія, встрѣчающіяся у одного и того же автора и обнаружившіеся результаты разсмотрѣть критически *). «*Одинъ человѣкъ всего сдѣлать не можетъ*», и патріотическій трудъ этотъ можетъ быть совершенъ только обществомъ молодыхъ образованныхъ людей, готовящихся къ военному поприщу. Что можетъ быть поучительнѣе какъ не то, чтобы, сдѣлавъ выписки, сравнивать ихъ, открывать тождество разсказа или противорѣчія? Ни одна каѳедра не въ состояніи дать столь яснаго понятія о предметѣ какъ тогда, когда занимающійся онымъ самъ достигаетъ до разрѣшенія задачи, подобно какъ въ математикѣ. Работа бы закипѣла, каждый избралъ бы себѣ сочиненіе на языкѣ, болѣе себѣ свычномъ; гг. профессора указали бы систему этихъ выпи-

здѣсь все будетъ удивлять его, и доколѣ онъ не постигнетъ новаго образа дѣйствій, что почти всегда сопровождается съ пожертвованіями, изъ всей прежней извѣстности онъ будетъ сохранять одну храбрость.

*) Я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, перебравъ до 150-ти иноземныхъ сочиненій для извлеченія изъ нихъ точныхъ указаній, дѣйствительно ли въ арміи Наполеона не было продовольствія, и точно ли недостатокъ онаго вмѣстѣ съ морозомъ, были главною причиною уничтоженія этой арміи. Результатъ таковой переборки показалъ, *на основаніи частностей собственныхъ ихъ засвидѣтельствованій*, что не голодъ и не морозъ были основною причиною гибели вторгнувшейся арміи, но тому была другая основная причина, при которой голодъ и морозъ были уже второстепенными ея союзниками. Въ изданной мною книгѣ въ 1855 г. объ этомъ предметѣ, онъ вполнѣ разсмотрѣнъ.

сокъ по предметамъ, которые потомъ соединятся по эпизодамъ. Изъ такихъ матеріяловъ, съ помощію того, что наши архивы въ себѣ вмѣщаютъ и другихъ частныхъ записокъ, не трудно было бы создать потомъ цѣлое. Зная практическую оцѣнку труда временемъ, я думаю, что это можетъ быть совершено скоро, и Военная Академія воздвигла бы себѣ вѣчный, достославный памятникъ, если бъ такимъ же образомъ сдѣлала описаніе и всѣхъ нашихъ войнъ, начиная съ войнъ Великаго Преобразователя, трудъ, который предпринялъ было Д. П. Бутурлинъ. Ни одно государство не имѣетъ подобнаго свода съ сравненіемъ и критическимъ переборомъ матеріяловъ. Такой трудъ далеко бы вознаградилъ умственную дѣятельность съ неисчислимою пользою для занимающихся.

Несомнѣнно, что такому обществу образованныхъ людей, давшему уже многихъ отличныхъ офицеровъ не только что на поприщѣ ученомъ, но и на боевой дѣятельности, каждый ввѣритъ свои матеріялы, каждый выскажетъ все, что помнитъ о томъ или другомъ событіи, и Военная Академія содѣлается ковчегомъ всѣхъ этихъ драгоцѣнностей, исчезающихъ, какъ я замѣтилъ выше, отъ многоразличныхъ причинъ. Мы имѣемъ еще нѣсколькихъ участниковъ въ войнѣ 1812 года, въ головѣ которыхъ стоитъ, какъ Несторъ, Ермоловъ, бывшій въ ту эпоху начальникомъ штаба 1-й арміи. Сверхъ того Генералъ-Адъютантъ Графъ Паленъ, такъ блистательно участвовавшій въ эту и послѣдующія кампаніи; Князь Шаховской, Генералъ-Лейтенантъ Гернгросъ, и можетъ быть, найдутся и еще изъ бывшихъ уже тогда въ генеральскихъ чинахъ. И какъ при этомъ не упомянуть о Генералъ-Лейтенантѣ Василіи Дмитріевичѣ Иловайскомъ? Независимо отъ того, что онъ до сихъ поръ сохранилъ силу, свѣжесть и необыкновенную память, имѣетъ онъ чрезвычайно любопытныя записки о своей долговременной, славной боевой жизни. Не многимъ выпадала участь совершить, три года сряду, подвиги, которые никогда не умрутъ въ исторіи по своему значенію. Такъ, въ 1811 году, командуя авангардомъ Генералъ-Лейтенанта Маркова, онъ овладѣлъ лагеремъ Верховнаго Визиря, переправившагося въ Слободзеѣ чрезъ Дунай, и отрѣзалъ ему всякое сообщеніе: Букарестскій миръ былъ плодомъ этого важнаго предпріятія. Въ 1812 году онъ первый занялъ Москву, по выходѣ изъ нея непріятеля. Въ 1813 году, послѣ Лейпцигскаго сраженія, онъ составлялъ авангардъ отступавшей Наполеоновой арміи до Ганау. Чернышевъ былъ у него подъ начальствомъ. Государь лично наградилъ Иловайскаго за его подвигъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени, и т. д. Сколько есть лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ и оставившихъ по смерти своей драгоцѣнныя записки! 1813 и 1814 годы имѣ-

ютъ также своихъ представителей. Рѣже встрѣчаются дѣлавшіе войну въ Финляндіи 1808 г. и въ Швеціи 1809 года; представителемъ ея нынѣ есть Генералъ-Адъютантъ Графъ Закревскій*). Но у насъ есть еще участники въ войнѣ противъ конфедератовъ, окончившейся штурмомъ Праги и въ Италіянской кампаніи Суворова—въ лицѣ Барона В. И. Левенштерна (тогда уже маіора въ конницѣ, а нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ), одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей, какъ на полѣ чести, такъ и въ военной практической литературѣ. Многотомныя его записки (всѣ въ рукописи) имѣютъ то великое преимущество предъ всѣми военными, такъ называемыми мемуарами, что, съ описаніемъ событій, вмѣщаютъ въ себѣ и поучительныя наставленія, въ высшей степени драгоцѣнныя. Лѣта и дѣятельная боевая жизнь не подѣйствовали на его игривый, свѣтлый умъ, сохранивъ при томъ удивительную память мельчайшихъ случаевъ его жизни, въ продолженіе которой, по рѣдкимъ дарованіямъ и образованности, онъ имѣлъ возможность сближаться со всѣми великими военными и многими дипломатическими дѣятелями Европы, съ конца прошедшаго столѣтія по настоящее время**).

И такъ нѣтъ недостатка въ источникахъ для сооруженія достославнаго памятника Военной Академіи и Военной Исторіи.

И. Липранди.

Примѣч. Приведенная статья вызвала полемику, на которую три послѣдующія статьи и отвѣчаютъ.

*) Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ. Въ Вестерботніи въ 1809 году, будучи шефскимъ адъютантомъ Графа Н. М. Каменскаго, занималъ въ корпусѣ графа должность бригадъ-маіора, (дежурнаго штабъ-офицера). Въ завѣдываніи его сосредоточивалось все то, что сосредоточивается въ настоящее время въ цѣломъ составѣ корпуснаго штаба. Генералъ отъ Инфантеріи Сабанѣевъ велъ записки о Финляндской Войнѣ, которыя я имѣлъ въ своихъ рукахъ. Несомнѣнно Графъ Ридигеръ имѣлъ записки какъ объ этой, такъ и о послѣдующихъ войнахъ. Около двухъ лѣтъ назадъ умеръ Г. Л. Карпенковъ; въ Финляндскую Войну онъ былъ подполковникомъ въ 26-мъ Егерскомъ Полку, коего шефъ былъ извѣстный Генералъ-Маіоръ Эриксонъ. Въ Шелефтѣ Карпенковъ много содѣйствовалъ въ побѣдѣ, и подъ Бородинымъ, будучи самъ шефомъ 1-го егерскаго полка, выручалъ гвардейскихъ егерей. Видѣвшись съ нимъ здѣсь, онъ мнѣ говорилъ, что имѣетъ записки. Ѳ. В. Булгаринъ, участникъ со мною въ 1808 году въ Финлядской компаніи, въ своихъ Воспоминаніяхъ сказалъ многое объ этой войнѣ, но вѣроятно имѣетъ еще болѣе невысказаннаго. Война эта, какъ замѣчено выше, требовала бы полнаго описанія, могущаго дать понятіе ея частностей тѣмъ, кто бы пожелалъ сего, что могло бы пригодиться очень на будущее время.

**) Года за полтора предъ симъ умеръ С. С. Кокушкинъ; подъ Цюрихомъ онъ былъ инженернымъ поручикомъ; и имѣлъ любопытныя записки, въ видѣ дневника, которыя давалъ мнѣ читать.

ОТПОВѢДЬ СТАТЬѢ,

напечатанной въ Русскомъ Инвалидѣ 1858 г. № 64,

за подписью:

ОФИЦЕРЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

(Напеч. въ Сѣверн. Пчелѣ 1858 г. № 80).

Въ 64-мъ нумерѣ «Русскаго Инвалида» (21-го Марта) напечатана статья, подъ заглавіемъ: «*Фельдмаршалъ Князь Кутузовъ-Смоленскій при концѣ и началѣ своего боеваго поприща.*» Статья подписана: «*Офицеръ генеральнаго штаба*» *).

Описавъ доблести Князя Смоленскаго, и потомъ извѣщая о трудѣ Генералъ-Маіора Богдановича въ приготовленіи «Исторіи Отечественной Войны» **), авторъ упоминаетъ о *грубомъ пристрастіи* Тіера, когда послѣдній говоритъ о Князѣ Кутузовѣ, и вдругъ раздражается противъ моей статьи, печатавшейся въ Сѣверной Пчелѣ, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной Войнѣ, вышедшихъ въ 1856 и 1857 годахъ.»

Статья *Г. офицера генеральнаго штаба* направлена видимо *лично* противъ меня, выраженіями, не соотвѣтствующими ни какому приличію, въ особенности *при сокрытіи своего имени* ***). Посему этотъ отдѣлъ не могъ вызвать съ моей стороны ни какого другаго чувства, кромѣ глубокаго сожалѣнія, что статья носитъ подпись: «*офицеръ генеральнаго штаба*» ****), впрочемъ и въ этомъ случаѣ есть утѣшеніе въ пословицѣ: *въ семьѣ не безъ урода.*

Главная претензія автора заключается въ томъ, будто бы я *не хотѣлъ*, или не *умѣлъ понять* нашего великаго полководца, и что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорю о немъ, дѣлаю «это *съ легкостью тона* (!), неприличнаго для Русскаго, цѣнящаго свою народную славу.» Эти нѣсколько словъ ясно доказываютъ, что авторъ самъ *не хотѣлъ, или не умѣлъ* понять *моей* статьи, которая вся направлена именно къ тому только, чтобы возбудить у нашихъ военныхъ писателей, необходимость критическаго разбора иностранныхъ историковъ, искажающихъ истину великихъ событій 1812 г., и унижающихъ достоинство нашихъ полковод-

*) Не читая Инвалида, я только послѣ праздниковъ могъ прочитать знаменитую статью, о которой будетъ рѣчь, а потому и позапоздалъ своею отповѣдью. *Л.*

**) О каковомъ предпріятіи я до сихъ поръ не зналъ. *Л.*

***) Это лишаетъ меня возможности *попросить* о поясненіи мнѣ нѣкоторыхъ выраженій, вовсе не касающихся до науки, такъ напримѣръ, спросить, что за выраженіе: «*нельзя не узнать извѣстнаго И. П. Липранди?*»

****) Далѣе я буду называть его *авторомъ*, ибо содержаніе статьи не гармонируетъ съ уважаемымъ значеніемъ офицера генеральнаго штаба.

цевъ, въ головѣ которыхъ поставленъ въ статьѣ Князь Смоленскій —Упоминая о Малоярославцѣ, я замѣтилъ только невѣрность выраженія Генералъ-Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, сказавшаго о *быстротѣ*, съ какою армія двинулась изъ Тарутина къ помянутому городу, что не совпадало *съ дѣйствительностью*, въ томъ же самомъ сочиненіи встрѣчающеюся, и опять повторилъ о необходимости подробнаго критическаго разбора, который одинъ можетъ выставить истину, и доказать, что фельдмаршалъ, можетъ быть, и не могъ прійти прежде. Я не писалъ исторіи войны и даже не описывалъ битвы, а искалъ, какъ очевидецъ, обратить на нѣкоторые предметы вниманіе тѣхъ, которые будутъ писать исторію этой войны, выставляемой мною въ моей статьѣ выше всѣхъ другихъ. Слѣдовательно непонятно, на какомъ основаніи авторъ сплелъ такую безсмыслицу, будто бы въ статьѣ моей я ищу омрачить славу Князя Кутузова! Напротивъ, я взываю къ военнымъ литераторамъ опровергнуть иноземную клевету.

Автору не нравится также, что я сказалъ о значеніи Генеральнаго Штаба въ 1812 году, *) и что упоминаю о нѣкоторыхъ событіяхъ, въ которыхъ я, по занимаемой мною должности, былъ дѣятелемъ. Онъ присовокупляетъ къ тому, что все это «*повидимому*, *очень важно для меня, и очень неважно для публики!*» Предоставляю эти выраженія съ множествомъ подобныхъ (пропитанныхъ желчью — собственной или влитой другими) — на судъ просвѣщенныхъ товарищей автора. **) Далѣе авторъ говоритъ, что я «*пересыпаю* эти *разглагольствія* (образцовыя выраженія!) нападками на сочиненіе Генерала Михайловскаго-Данилевскаго, и опроверженіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его *дѣйствительно невнимательно составленнаго повѣствованія*.» Слѣдовательно, по мнѣнію автора, *невнимательности* этой въ повѣствованіи о столь великой эпохѣ не должно и прояснять? Напротивъ, я думаю, что авторъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если дѣйствительно онъ въ состояніи оцѣнить заслуги въ Отечественную Войну Князя

*) Авторъ объ этомъ судить не можетъ, ибо по всему вѣроятію, онъ въ 1812 году не служилъ, да и едва-ли былъ тогда на свѣтѣ. Для него эта эпоха то же, что эпоха Пуническихъ Войнъ. Представителемъ остатковъ того генеральнаго штаба есть Генералъ отъ Инфантеріи Шубертъ, бывшій въ поручичьемъ чинѣ оберъ-квартирмейстеромъ, и въ послѣдствіи на обоихъ поприщахъ доказавшій свое значеніе. Генералы Баронъ Икскуль, Фрейгангъ, Ренненкампфъ (П. К.), Графъ Густавъ Армфельдъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ это.

**) Замѣтимъ еще: авторъ говоритъ, что я «начинаю (статью) скромнымъ повѣствованіемъ о своей дѣятельности въ 1812 году и т. д.», тогда какъ статья начинается совсѣмъ не тѣмъ, и далеко послѣ говорю о томъ что авторъ приписываетъ моей скромности; но эти выходки съ начала продолжаются до конца; авторъ прибѣгаетъ даже, какъ увидимъ далѣе, къ небывальнымъ цитатамъ.

Смоленскаго, занявшись переборкою сочиненія Г. Михайловскаго-Данилевскаго, въ особенности эпизода отъ Царева-Займища до оставленія Москвы, гдѣ, отбросивъ громкія фразы помянутаго писателя; исправилъ бы сущность разсказа, которымъ Князь Смоленскій ставится на второй планъ. Исторія этого требуетъ, но это можетъ сдѣлать только человѣкъ не желчный, а спокойныи и постигающій великую важность предмета, о которомъ съ начала до конца и говорится въ моей статьѣ, искаженной авторомъ. Патріотическій энтузіазмъ его достоинъ уваженія: онъ можетъ стать на ряду съ Силою Андреевичемъ Богатыревымъ—такъ сильно выразившимся въ своихъ *мысляхъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ*. Пусть авторъ станетъ еще выше *современнаго патріота-оратора, литератора и корреспондента иностранныхъ журналовъ В. А. Кокорева;* но истинный, не квасной, а просвѣщенный патріотизмъ въ настоящее время, въ особенности же въ лицѣ автора, назвавшаго себя офицеромъ генеральнаго штаба, требуетъ другихъ условій, которыя, по-видимому, совершенно ему чужды. Скажу откровенно, что самое возраженіе Тіеру, о которомъ говоритъ авторъ, сдѣланное со стороны ближайшаго наслѣдника покойнаго фельдмаршала, включая въ себѣ драгоцѣнные матеріялы, могло бы не упоминать о *Красномъ* и *Березинѣ*, выставляемыхъ въ укоръ Французамъ, ибо безпристрастная исторія предоставитъ въ этихъ дѣлахъ болѣе славы Французамъ, чѣмъ намъ. Но не то скажетъ исторія о Бородинской битвѣ, о движеніи съ Рязанской дороги на Калужскую, и о Малоярославцѣ. Здѣсь, безспорно, лавръ принадлежитъ нашему полководцу.

Авторъ продолжаетъ: «Направленіе и взглядъ автора (т. е. мой), большею частію знакомы изъ преждеизданнаго Г. Липранди сочиненія: *О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи и пр.*, но на этотъ разъ Г. Липранди не ограничивается однимъ только разборомъ кампаніи 1812 года, онъ высказываетъ свои *собственныя мысли* о теоріи военнаго искусства, раздаетъ вѣнки тѣмъ, кто ему нравится, и съ безусловною строгостью поступаетъ съ тѣми, кто заслужилъ его немилость.» Здѣсь не только трудно, но и не возможно добиться чего хочется автору! Ему не нравится мое сочиненіе, въ которомъ я искалъ доказать *собственными выраженіями иноземныхъ писателей,* что не голодъ и не морозъ были виновниками ихъ гибели, что безсознательно утвердилось въ мнѣніи. Этимъ поясненіемъ, слава остается за Русскою арміею, предводителемъ которой былъ тотъ самый Князь Смоленскій, о которомъ, по мнѣнію автора, я будто бы говорю такъ легко. Должно полагать, что авторъ, кромѣ заглавія, не читалъ моей книги, ибо онъ не сказалъ бы, что я въ ней «*разбиралъ*

кампанію 1812 года, и, по-видимому, не *понялъ* статьи, на которую нападаетъ, сказавъ, что я въ ней *не ограничился однимъ только разборомъ кампаніи*. Значитъ, что я разбиралъ ее? Но объ этомъ предметѣ я рѣшительно не говорилъ ни слова, а только повторялъ и очень часто, что войну эту слѣдуетъ описать, согласовать между собою всѣ матеріялы, очистивъ ихъ прежде строгою критикою; что такой трудъ, при множествѣ сочиненій о войнѣ этой, превышаетъ силы одного человѣка. Я изложилъ по сему предмету свое мнѣніе, которое, въ глазахъ каждаго просвѣщеннаго человѣка, могло вызвать возраженія, а не дерзости, обыкновенное оружіе неспособности. То же самое и относительно показанія, будто я *высказываю свои собственныя мысли о теоріи военнаго искусства*. Автору, который, конечно, сильнѣе меня въ *Теоріи* настоящаго времени, слѣдовало бы опровергнуть, не прибѣгая къ тѣмъ выраженіямъ, подъ которыми онъ имѣлъ духъ подписаться: *офицеръ генеральнаго штаба*. Точно, я высказывалъ не чужія, а *собственныя* мои мысли. Противное тому, конечно, авторъ допускаетъ относительно себя.

Касательно, «раздаваемыхъ мною вѣнковъ тѣмъ, кто мнѣ нравится, съ безусловною строгостью поступая съ тѣми, кто заслужилъ мою немилость», авторъ статьи затруднится назвать и первыхъ, и послѣднихъ. О первыхъ я привожу общее, утвердившееся мнѣніе; изъ нихъ большая часть уже въ могилѣ, а другіе суть: Баронъ Медемъ, Милютинъ, Горемыкинъ, Лукьяновичъ, Астафьевъ, Анучинъ, которыхъ сочиненія я признаю достойными занять мѣсто между избранными Европейскими сочиненіями сего рода. Если авторъ находитъ мое мнѣніе о сихъ лицахъ пристрастнымъ, онъ долженъ былъ высказать и свое о нихъ мнѣніе, подкрѣпивъ, разумѣется, фактами, которыми я готовъ подкрѣпить все сказанное мною. Относительно же безусловной строгости, съ какою я поступаю съ тѣми, кто заслужилъ мою немилость, авторъ видимо издѣвается надъ публикою. Пусть онъ укажетъ, изо всей моей статьи, одно имя, противъ котораго я принялъ бы на себя право злословить *). Въ статьѣ моей упомянуто только о сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго, требующемъ переборки, ибо многіе, описываемые имъ эпизоды представляютъ событія превратно. Я подписалъ свое имя, и не хотѣлъ, въ дѣлѣ науки, подобно автору, скрывающему свое имя, какъ говорится, *швырять изъ-за угла камнемъ*.

Авторъ, какъ бы по заказу, спѣшилъ писать о моей статьѣ,

*) Если же нѣкоторыя общія мѣста онъ принимаетъ на свой счетъ, или на счетъ ему близкихъ, слѣдовало бы указать, какое именно мѣсто онъ приписываетъ намекамъ на него. Оставить же это безъ разъясненія, значитъ поступать по пословицѣ: на ворѣ шапка горитъ, или: знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

не дождавшись ея окончанія. Вотъ какъ онъ выражается: «Подождемъ, чѣмъ окончится знаменитый *венигретъ* (*синегретъ*) *) *которымъ онъ угощаетъ публику.*» Остановимся здѣсь, чтобы сказать нѣсколько словъ не о пошломъ выраженіи, которое обсудятъ образованные въ приличной литературѣ товарищи «*офицера генеральнаго штаба*»,—но о смыслѣ. Вся статья моя, отъ начала до конца, говоритъ о необходимости описанія войны 1812 года. Я могу ошибаться; но убѣжденъ и повторяю, что одинъ человѣкъ не составитъ отчетливаго *описанія* этой войны: онъ можетъ написать только ея *исторію*. Если бы авторъ выждалъ конца, онъ бы увидѣлъ, что я предполагалъ: что Гг. офицеры генеральнаго штаба, стоящіе нынѣ такъ высоко своимъ образованіемъ и благороднымъ стремленіемъ, могутъ лучше всего достигнуть этой цѣли—распредѣливъ работы между собою. Слѣдовательно тутъ нѣтъ *отрывковъ* винегрета, который авторомъ называется *венигретъ*. Впрочемъ самое заглавіе статьи: «*Нѣсколько мыслей* по поводу» и пр. разрѣшало меня еще на большія отступленія, если только они есть.

За вышеприведенными строками авторъ съ забавнымъ негодованіемъ выступаетъ противъ мѣстоименія *я*: «но *на первый разъ* не можетъ (говоритъ онъ) удержаться отъ того, чтобы не высказать, какое тяжелое чувство производитъ на душу повтореніе г-мъ Липранди *словца—я*, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ: нужно ли рѣшить современные вопросы военной науки, или сказать какъ должно писать исторію, или пояснить, что такое настоящій и *ненастоящій* (не понимаю) генеральный штабъ, Г. Липранди *беретъ себя и свое я исходною точкою*, называя себя самъ человѣкомъ *необразованнымъ* (въ военной теоріи) Г. Липранди смѣло судитъ и рядитъ обо всѣмъ. И наконецъ, не грустно ли встрѣчать рядомъ съ именами Кутузова, Барклая, Багратіона и всѣхъ именитыхъ людей двѣнадцатаго года, безпрестанное повтореніе: *я*, *я*, *я*, *И. П. Липранди*».

Чтобы разсѣять *тяжелое чувство, грусть* автора при встрѣчѣ съ моимъ *я*, я долженъ, повидимому, разъяснить ему, что для него незнакомо, или по крайней мѣрѣ на томъ поприщѣ, на которомъ употреблялось мною словцо *я*, упомянутое авторомъ, конечно, изъ краснаго словца, чтобъ намекнуть на даровитаго нашего фельетониста и автора, подписывавшагося буквами *Я. Я. Я.*, скрывая свое имя такъ, изъ фантазіи, ибо онъ не злословилъ поименно никого, подобно автору преждевременной критики, не дождавшись конца статьи.

*) Это то же самое, что вмѣсто *іюль*, писать *юль*, вмѣсто *несомнѣнно*—*несумнѣнно* и т. д. Литератору, по-видимому, съ большими претензіями на ученость, и на знаніе всего съ диктаторскимъ тономъ, это непростительно.

Спрашиваю каждаго, нѣсколько одареннаго собственнымъ смысломъ, какимъ образомъ можно въ разсказѣ, (въ особенности же, когда я замѣтилъ, что дѣлаю краткую выписку изъ дневника) избѣгнуть словца *я?* Неужели, когда я получалъ приказаніе или отдавалъ отчетъ по возложенному на меня порученію, долженъ былъ употреблять: или слово — *мы* (намекающее на извѣстную фразу о Калмыкахъ), или употреблять стиль департаментскихъ записокъ отъ третьяго лица? *Я* получилъ приказаніе отъ генералъ-квартирмейстера, отъ корпуснаго командира; *я* донесъ тому или другому; *я* былъ свидѣтелемъ такого-то событія; *я* дѣлалъ войну въ Финляндіи, въ Швеціи; *я* былъ во всѣхъ главныхъ битвахъ 1812 года, и т. п. Неужели въ этихъ случаяхъ должно было употребить Калмыцкое *мы*, или департаментское: N. N., свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе и т. д.? Слѣдовательно я могъ говорить, что въ Бородинѣ *я* получилъ такое-то приказаніе, что *я* донесъ о томъ-то; что въ Малоярославцѣ *я* получилъ такое-то порученіе и т. д.; точно также, какъ надо полагать, и авторъ могъ неоднократно сказать: *я* воспитывался тамъ-то; *я* получилъ такой-то урокъ; *я* выдержалъ такой-то экзаменъ; *я* не понимаю того-то (этого, кажется, авторъ не скажетъ), какъ-то дѣлаетъ какой-то 31 относительно знаменованія слова *ортопедія;* я взялся написать такую-то статью; *я* былъ на Волковомъ Полѣ при стрѣльбѣ въ цѣль; *я* водилъ колонну на приступъ Дудергофа; *я* получилъ приказаніе обратить вниманіе на этотъ главнѣйшій пунктъ Красносельскаго Поля битвы; *я* получилъ приказаніе построить баттарею противъ стрѣляющихъ холостыми зарядами, *я* упорно отстаивалъ ее; *я* означилъ мѣста, которыя *должны* почитаться непроходимыми, и т. п., точно также, какъ и я говорю о томъ, что исполнялось мною при другихъ условіяхъ; но *словцо—я* остается одно и то же. Авторъ *грустить*, что рядомъ съ именами «Кутузова, Барклая, Багратіона и всѣхъ извѣстныхъ людей 1812 года безпрерывно встрѣчается мое *я*, *я*, *я*, *И. П. Липранди.*» Начинаю опять съ ненавистнаго автору словца *я*: я въ ту эпоху исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера, слѣдовательно часто долженъ былъ ѣздить съ донесеніями, съ приказаніями къ помянутымъ лицамъ: точно также вѣроятно и автору, можетъ быть на маневрахъ, случалось дѣлать тоже. Неужели я не могу сказать, что *я* былъ при 6-й дивизіи Барклая въ 1808 году, и т. д.? Не постигаю, почему это словцо *я*, мною произносимое, когда рѣчь шла о *моемъ* взглядѣ, о *моихъ* порученіяхъ, кажется автору такъ щекотливымъ и наводящимъ на него *грусть*.

Нападенія на мои *я* основано на сильномъ развитіи, относительно меня, неизлечимой желчи, подобно господину *31*, упор-

ствующему въ непризнаніи значенія *ортопедіи*. Во всей моей статьѣ, помѣщенной въ *двѣнадцати нумерахъ* Сѣв. Пчелы находится только 68 *я;* въ исторической же статьѣ («Первая война Александра I съ Наполеономъ I, въ 1805 году»), начавшейся вслѣдъ за сказаннымъ о моей статьѣ, и продолжавшейся въ *пяти* нумерахъ Русскаго Инвалида, независимо отъ множества: *мы*, *мнѣ*, *мною*, *нами*, *помню*, *видѣлъ*, *слышалъ* и т. п., неизбѣжное словцо *Я* встрѣчается 122 раза. Статья эта подписана *Иванъ Бутовскій*. Въ эту эпоху онъ, изъ Малороссійскихъ дворянъ, поступилъ юнкеромъ въ полкъ, и въ 1858 году описывалъ происшествія 1805 года на память. Здѣсь *юнкеръ* не только что разговариваетъ съ Кутузовымъ, Тормасовымъ, Дохтуровымъ и т. п. (что очень обыкновенно въ боевой жизни, надо полагать, чуждой автору); но, описывая битвы 1805 года, разсуждаетъ о высшихъ стратегическихъ соображеніяхъ, тактическихъ дѣйствіяхъ, ошибкахъ, нравахъ, обычаяхъ, администраціи; хвалитъ, хулитъ и т. п.; проникаетъ въ мысли Кутузова, Наполеона и другихъ (ничего подобнаго нѣтъ въ моей статьѣ) *). И за всѣмъ тѣмъ статья юнкера чрезвычайно любопытна и поучительна, и дай Богъ, чтобы у насъ такія практическія статьи появлялись почаще; это желаніе не должно нравиться полупсевдониму потому, что онъ разражается противъ моей статьи: какъ я смѣлъ писать *я* тамъ гдѣ упоминается о Кутузовѣ, Барклаѣ и проч. Онъ *груститъ*, что вмѣстѣ съ Кутузовымъ, Барклаемъ, Багратіономъ и т. п. встрѣчаетъ мое *я*; но въ юнкерской статьѣ, гдѣ упоминается безпрерывно не только что Кутузовъ и другіе военачальники, но нашъ и иностранные государи, помѣщенъ, въ числѣ многихъ, несоотвѣтственныхъ заглавію статьи (иное, если бъ это былъ дневникъ) случаевъ, одинъ (въ № 69-мъ стр. 296-я выноска на первомъ столбцѣ) съ *коровою*, подробностями коего я не смѣю пятнать столбцы Сѣв. Пчелы, читаемой въ высшемъ обществѣ. Для однихъ только Индусовъ это происшествіе имѣло бы религіозное значеніе. И если авторъ находитъ неумѣстнымъ, что, говоря о Кутузовѣ, я имѣлъ *смѣлость* упомянуть о себѣ, то что должно сказать объ упоминаніи *коровы* вмѣстѣ съ столькими знаменитостями? Смѣшно, 31 разъ смѣшно; смѣшнѣе, какъ, полвѣка тому назадъ, г. Домашневъ вооружился противъ буквы ѣ, и заставилъ ее написать прошеніе. Куріозно, смѣшно и жалко!.. Вы,

*) Въ своей статьѣ я два раза упомянулъ о полученномъ мною приказаніи отъ своего корпуснаго командира Дохтурова, у котораго я былъ не *юнкеромъ* а оберъ-квартирмейстеромъ. Разъ пять упомянулъ о полковникѣ Толѣ и Монахтинѣ, тогда какъ могъ бы сказать (какъ и было), что неоднократно, въ особенности въ Бородинѣ, былъ посыланъ къ Кутузову, и отъ него лично получалъ, для передачи, приказанія; что, повторяю, очень естественно въ боевомъ быту, неизвѣстномъ автору діатрибы.

г. авторъ діатрибо-памфлета, по крайней мѣрѣ избрали бы другой псевдонимъ, хотя бы напримѣръ 31: онъ былъ бы приличнѣе вашей статьѣ, чѣмъ тотъ, который вы рѣшились поставить: вамъ должно дорожить значеніемъ онаго столь уважаемымъ и въ настоящее и въ *ненастоящее* время.

И здѣсь конечно никто не будетъ имѣть духа послѣдовать примѣру автора, бросающаго, какъ бы съ Дудергофской высоты, въ мои *я* бомбы, впрочемъ совершенно пустыя.

Недоумѣваю, что такое подразумѣваетъ авторъ подъ словами «настоящій и *ненастоящій* генеральный штабъ»; въ особенности же *ненастоящій*, написавъ это слово курсивомъ? Это должно быть изъ какого-либо очень высокаго трансцендентальнаго теоретическаго курса, потому что не имѣетъ рѣшительно ни какого здраваго практическаго смысла.

Авторъ продолжаетъ: «называя себя (т. е. я) самъ человѣкомъ *необразованнымъ* (въ военной теоріи), Г. Липранди смѣло судитъ и рядитъ обо всемъ». Это *ложная* цитата. Я нигдѣ не говорилъ, чтобъ я былъ человѣкъ *необразованный* (это слово у автора написано еще курсивомъ), но сказалъ, въ одномъ мѣстѣ, что «не будучи образованъ въ какомъ либо учебномъ заведеніи, а потому, какъ не прошедшій *педагогическаго* курса, я не могу судить спеціяльно о классификаціи, сдѣланной Полковникомъ Астафьевымъ—наукъ, необходимыхъ къ пріуготовленію офицеровъ генеральнаго штаба; но, сколько понимаю, нахожу его мнѣніе основательнымъ, потому уже одному, что онъ подкрѣпляетъ свое на сей предметъ мнѣніе пространными выписками изъ превосходныхъ сочиненій Милютина и Горемыкина, которыя, въ развитіи военной науки, никогда не умрутъ.»

Откуда же взялъ авторъ, что я самъ себя называю человѣкомъ *необразованнымъ?* Не быть образованнымъ въ какомъ либо учебномъ заведеніи, не значитъ еще быть человѣкомъ *необразованнымъ.* *) Часто бываетъ противное, и авторъ статьи конечно образовался въ какомъ-либо учебномъ зеведеніи, а между тѣмъ допускаетъ себѣ право дѣлать *ложныя цитаты,* и пятнать рѣзкой клеветою почтенные столбцы Русскаго Инвалида! То же самое должно сказать и о приставленномъ къ курсивно-написанному слову *необразованный* въ скобкахъ: «въ военной теоріи.» Я нигдѣ не говорилъ, что «я *человѣкъ необразованный въ военной теоріи,*» да чуть ли это согласно и съ правописаніемъ. Военная теорія мнѣ, конечно, столь же извѣстна, какъ и автору; но я имѣю предъ нимъ, по-видиму, еще то преимущество, что

*) Это все равно если бы кто нибудь думалъ, что *варить пищу и пищевареніе* одно и тоже.

я ее знаю совокупно съ практикою. Если же я говорю здѣсь объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ, то единственно для того, чтобы замѣтить автору неточность его цитатъ, а не потому, чтобы я искалъ снять съ себя полагаемую авторомъ на меня сентенцію, что я *«человѣкъ необразованный;* я желаю быть лучше Готтентотомъ, чѣмъ смѣшнымъ метафизикомъ Хемницера.

«Нужно ли рѣшать современные вопросы военной науки, говорить какъ должно писать исторію, или пояснить, что такое *настоящій* и *ненастоящій* генеральный штабъ, Г. Липранди беретъ себя и свое *я* исходною точкою.... Г. Липранди смѣло судитъ и рядитъ обо всемъ.» Печему, напримѣръ, не могу я сказать своего мнѣнія о военной наукѣ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ другіе? Все, что я сказалъ объ этихъ предметахъ, подкрѣпляется примѣрами. Обязанность дѣльнаго критика состоитъ въ состязаніи равносильными примѣрами, если онъ находитъ эту полемику достойною пера своего, а главное, если она ему еще и по силамъ. Если же находитъ ее недостойною, то долженъ пройти ее молчаніемъ, или только замѣтить ошибочныя мнѣнія, прилично, а не такъ, какъ человѣкъ *необразованный*, прибѣгать къ оскорбленіямъ и т. п.

Можетъ ли такой авторъ судить о войнахъ, въ которыхъ онъ не участвовалъ? Конечно нѣтъ: онъ можетъ компилировать и составить исторію точно такъ, какъ составляются описанія походовъ древнихъ. Но на какомъ основаніи онъ такъ смѣшно сердится, что я привожу изъ войнъ, бывшихъ вѣроятно до появленія его самого на свѣтъ, нѣкоторые случаи, которымъ самъ былъ свидѣтелемъ, и ссылаюсь на многихъ извѣстныхъ и возвышенныхъ лицъ, живыхъ доселѣ?

Относительно же того, что я *смѣло сужу и ряжу обо всѣмъ*, это конечно такъ, но не обо всемъ, а только о томъ, что я знаю. Если авторъ позволяетъ себѣ *судить* и *рядить* (прибавляю—клеветать) обо всемъ на основаніи одной теоріи, еще худо имъ понимаемой, и еще хуже выражаемой, какимъ же образомъ тотъ, кто сдѣлалъ столько войнъ подъ личнымъ начальствомъ извѣстнѣйшихъ лицъ, долженъ молчать, имѣя предъ глазами дневникъ, постоянно веденный имъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ? Прежде не было столько, какъ нынѣ, теоретиковъ и метафизиковъ, важно разсуждающихъ о *вервіи*, и мы, люди необразованные, перейдя Аландгафъ по льду, были за нѣсколько верстъ отъ Стокгольма, сняли оковы съ цѣлой Германіи, два раза сходили въ Парижъ, перешли Балканы, и явились почти у предмѣстій Константинополя и т. д. По вашему, это все ошибки противъ военной науки: при этихъ дѣйствіяхъ не всегда склады-

блять бывшаго ея предводителя, которому онъ столько обязанъ въ великій Бородинскій день; чего не могъ скрыть и Михайловскій-Данилевскій, а во-вторыхъ и несправедлива: ибо армія рвалась сразиться съ непріятелемъ, и вездѣ, гдѣ представлялась въ томъ надобность, она со славой исполняла свою обязанность, какъ-то: подъ Витебскомъ, въ Красномъ, гдѣ Невѣровскимъ совершенъ былъ подвигъ съ нашею пѣхотою, не имѣвшій ни прежде, ни послѣ подобнаго. Въ Смоленскѣ, 4-го Августа, Раевскій, а 5-го Дохтуровъ, съ 25,000 удержали натискъ 120,000 съ 300 орудій. На Валутиной Горѣ, или при Лубинѣ, битвы Багратіона до Смоленска, кровопролитныя аріергардныя дѣла—все доказываетъ, что армія *не укрывалась* отъ непріятеля. Слово же *укрываться* не можетъ быть перетолковано *отступала*, ибо фельдмаршалъ не написалъ бы того, потому что онъ самъ продолжалъ отступать, получивъ уже всѣ резервы. Все заставляетъ предполагать, что тутъ есть недоумѣніе, тѣмъ болѣе это кажется вѣроятнымъ, что князь пріѣхалъ къ арміи не 22-го, а 17-го Августа, 22-го же армія начала уже занимать Бородинскую позицію.

Во всякомъ случаѣ преждевременное обнародованіе этого письма дастъ пищу иностранцамъ, пожалуй и самому Тіеру, ухватиться за оное, чтобы, содержаніемъ его, исказить характеристическія свойства фельдмаршала, тѣмъ болѣе, что Генералъ Михайловскій-Данилевскій будто вторитъ тому, повѣствуя, что фельдмаршалъ какъ бы оправдывается что оставленіе Москвы «нераздѣльно связано съ потерею Смоленска, и съ тѣмъ разстроеннымъ состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ и проч.» Между тѣмъ, чрезъ четыре дня, князь останавливается на Бородинской позиціи, и съ этою разстроенною арміею побѣдоносно даетъ отпоръ непріятелю, имѣвшему 50 тысячъ войска болѣе Русскихъ, ведомаго самимъ Наполеономъ! Подобныя несогласности рѣзко бросаются въ глаза, и колеблютъ истину. И такъ, удивительно ли, что Французы пользуются нашими собственными промахами, и о согласованіи этихъ-то промаховъ я настаивалъ въ моей статьѣ, заслужившей негодованіе автора, и негодованіе это, вѣроятно, при другихъ двигателяхъ усилилось еще болѣе, и въ особенности раздѣленіе офицеровъ генеральнаго штаба на боевыхъ и на бюрократовъ мирныхъ литераторовъ; къ этимъ послѣднимъ, по всей вѣроятности, судя по духу статьи, принадлежитъ и авторъ, воздвигнувшій настоящею статьею себѣ памятникъ въ столбцахъ Русскаго Инвалида.

Въ заключеніе повторяю, что всякое возраженіе на мои чисто практическія статьи, говорящія о томъ, что я видѣлъ, будутъ оставляемы мною безъ всякаго отвѣта, если эти возраженія будутъ писаны анонимомъ, псевдонимомъ или лицемъ, не участво-

вавшимъ въ томъ событіи, о которомъ будетъ идти рѣчь. Другое дѣло, если я, какъ *человѣкъ не образованный*, по мнѣнію автора, *въ военной теоріи*, заговорю о ней, то всякое обсужденіе моихъ мнѣній, но конечно, не въ томъ духѣ, которымъ одушевленъ былъ авторъ, будетъ мною принято съ благодарностью. А то смѣшно, а иногда и досадно, что участвовавшимъ въ классическихъ европейскихъ войнахъ часто преподаютъ уроки люди, и не слыхавшіе битвъ, а дающіе наставленія, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ при столкновеніи съ непріятелемъ. Не полезнѣе ли было бы наоборотъ? Ученость безъ практики не принесетъ большой пользы. Какія бы вы ни употребляли противъ сего возраженія изъ своего словаря—это всегда останется аксіомой.

И. Липранди.

СЛѢДУЕТЪ ЛИ НАЗЫВАТЬ УКРѢПЛЕНІЕ,

НАХОДИВШЕЕСЯ ВЪ ЦЕНТРѢ

БОРОДИНСКОЙ ПОЗИЦІИ,

БАТАРЕЕЙ РАЕВСКАГО?

(Напеч. въ Сѣв. Пчелѣ 1858 г. № 80-й).

Въ первомъ нумерѣ Военнаго Сборника помѣщенъ (стр. 296) вопросъ: *Слѣдуетъ ли называть укрѣпленіе, находившееся въ центрѣ Бородинской позиціи, баттареею Раевскаго?* Г. редакторъ Военнаго Сборника, въ примѣчаніи говоритъ: «*По желанію* Профессора Николаевской Военной Академіи, Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіора Богдановича, печатаемъ эту записку, *хотя она служитъ продолженіемъ спора, которому совершенно чуждъ Военной Сборникъ.*»

Заглавіе статьи ясно говоритъ, о чемъ должна итти рѣчь, и что почтенный авторъ употребитъ все убѣдительное краснорѣчіе, разумѣется, какъ исторіографъ приготовляемой имъ Исторіи Отечественной Войны, и подтвердитъ свое сказаніе неопровержимыми фактами, долженствующими разгромить мое *разсужденіе*, помѣщенное въ статьѣ «*Нѣсколько мыслей* и т. д.» въ которой я сказалъ, что укрѣпленіе это, по моему мнѣнію, *если* уже называть по корпусамъ, то скорѣе должно быть названо Дохтуровскимъ, а не Раевскаго, и привелъ въ подкрѣпленіе этому моему мнѣнію данныя, присовокупивъ, что во всякомъ случаѣ подкрѣпленію этому моему мнѣнію данныя, присовокупивъ, что во всякомъ случаѣ укрѣпленію этому приличнѣе носить названіе Шульмановскаго. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что Шульманъ былъ Начальникомъ Артиллеріи 7-го Корпуса Раевскаго.

Но вмѣсто того, чтобы рѣшить заданный заглавіемъ вопросъ, авторъ обращается, какъ замѣтилъ и почтенный редакторъ Военнаго Сборника, *къ продолженію* спора о словцѣ *я* и тому подобныхъ выходокъ противъ меня. Въ первой и наибольшей половинѣ критики идетъ рѣчь обо мнѣ съ разными язвительными приправами: и чего тутъ нѣтъ? Находятъ даже неумѣстнымъ, что *я разсуждаю о пользѣ критическаго изслѣдованія военныхъ событій*, что это, дескать, въ настоящее время есть уже *аксіома* и т. д. Тутъ является на сцену «Птоломеева система, ставящая *я* въ центръ міра. Авторъ говоритъ: «Мы надѣялись (кто же мы?) встрѣтить въ этой (моей) статьѣ любопытныя подробности на счетъ войны 1812 года, но, къ сожалѣнію, не нашли ихъ.» На чемъ основались такія надежды? Я не обѣщалъ заглавіемъ ни исторіи, ни описанія войны. Потомъ, какъ бы прощаетъ меня за неоправданіе его надеждъ, говоря: «это можно было бы оставить

безъ вниманія если бы почтенный автобіографъ (т. е. я) не имѣлъ притязанія облекшись въ докторскую мантію (я не профессоръ), поучать насъ уму-разуму.» А почему бы и не такъ? Вѣдь старые солдаты и ефрейторы не носятъ же профессорской, т. е. докторской мантіи, а учатъ рекрутъ военному ремеслу и солдатскому *уму-разуму*. Практика и здѣсь, повторяю, выше голой теоріи въ военномъ дѣлѣ, и это скажутъ всѣ тѣ, которые признаютъ въ себѣ призваніе быть полезными дѣлу. Авторъ продолжаетъ: «Кто принимаетъ на себя такую роль (т. е. профессора, облеченнаго въ докторскую мантію;» полно я ли это дѣлаю? спрашиваю почтеннаго автора: моя мантія опытность и бывалость), «тотъ долженъ подтвердить неспоримыми доказательствами новые (у автора слово *новые* напечатано курсивомъ) факты, а не ограничиваться повтореніемъ: я видѣлъ, я слышалъ.»*) (Рѣзкое напоминаніе извѣстной фельетонной статьи Русскаго Инвалида!) «Иначе пришлось бы намъ вѣрить чуднымъ похожденіямъ Мюнхгаузена, который, по увѣренію его, былъ свидѣтелемъ всего имъ разсказываемаго.» Какова логика почтеннаго критика? Впрочемъ есть писатели, которые, не будучи близко знакомы съ практикою военнаго дѣла, превосходятъ въ разсказахъ своихъ и самого Мюнхгаузена разумѣется менѣе остроумно и болѣе вредно, а этого-то послѣдняго вовсе нѣтъ у цитированнаго такъ неудачно авторомъ, Нѣмецкаго юмориста. Приличіе съ моей стороны не позволяетъ болѣе говорить въ этомъ тонѣ, хотя и есть много пищи. Приступаю къ дѣлу.

Послѣ всего сказаннаго лично противъ меня за то только что я осмѣлился сказать то, чему былъ свидѣтелемъ, почтенный авторъ ищетъ привести доказательства, чтобы опровергнуть *мое мнѣніе*, что укрѣпленіе должно: по принадлежности, называется Раевскимъ. Онъ говоритъ (стр. 297): «Авторъ (т. е, я) упомянутыхъ статей, имѣлъ желаніе представить *въ новомъ видѣ событія, весьма занимательныя для каждаго Русскаго;* но къ сожалѣнію, это намѣреніе вовлекло его въ явное *противорѣчіе* съ другими людьми 1812 г., которыхъ показанія не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію. Въ числѣ *новыхъ* (курсивомъ) **) свѣдѣній сообщаемыхъ

*) Непостижимое нападеніе на *я!* Да какъ же, повторяю, говорить иначе, когда пишешь о томъ, что видѣлъ? Далѣе авторъ приводитъ письмо генерала Раевскаго и донесеніе Барклая де Толли, въ которыхъ неизбѣжное *я* имѣетъ свое мѣсто. Въ статьѣ юнкера, о которой я говорилъ въ отповѣди, тоже есть *я*, и оно будетъ находиться вездѣ, когда говорится о томъ, что видѣлъ, что дѣлалъ. Конечно, авторъ, описывая что либо въ чемъ онъ участвовалъ, не избѣгнетъ словца *я;* не всегда же можно его замѣнять словомъ *мы*. Другое дѣло, если онъ будетъ описывать войну, въ которой самъ не участвовалъ: тамъ онъ по необходимости, не употребитъ словца *я*, чтобы сказать: *я* былъ посланъ туда-то, *я* видѣлъ то-то и т. д.

**) Хотя въ моей статьѣ нѣтъ ничего *новаго* для практика, но автору, конечно, какъ болѣе теоретику, многое можетъ казаться *новымъ*, а потому не удивительно, что онъ пишетъ это слово курсивомъ.

авторомъ *) (т. е. мною) замѣчательно его мнѣніе, будто бы центральная Бородинская батарея, которую *отцы наши и мы сами* называли баттареей Раевскаго, не должна носить этаго названія, потому что, оборонялъ ее не 7-й, а 6-й Корпусъ.» Я не говорилъ, чтобы 6-й Корпусъ одинъ принималъ участіе въ оборонѣ баттареи, а назвалъ полки и лица 6-го Корпуса, участвовавшіе въ отбитіи оной; **) а еще мѣнѣе, что баттарея *не должна* носить названія Раевской: у меня сказано, что если называть по корпусамъ, то скорѣе Дохтуровой. «Такому показанію, (продолжаетъ критикъ) *явно противорѣчатъ письма и записки* самаго Раевскаго; этого рыцаря sans peur et sans reproche » Авторъ слыхалъ о немъ точно такъ же, какъ и о полководцахъ древнихъ; я же имѣлъ счастіе служить подъ его начальствомъ еще въ 1808 году въ Финляндіи, и видалъ его тамъ, гдѣ авторъ, очень естественно, видѣть его не могъ. Но эта старина. Посмотримъ, понято ли то, что пишетъ этотъ достойный военачальникъ. Авторъ приводитъ письмо его къ Жомини, въ которомъ, послѣ того, что сказано о второй линіи 7-го Корпуса, отошедшей на подкрѣпленіе къ Князю Багратіону, Генералъ Раевскій продолжаетъ: «Это заставило меня отвести первую линію за баттарею въ оврагъ, и расположить ее тамъ въ нѣсколькихъ колоннахъ: четыре баталіона 12-й Дивизіи, подъ начальствомъ Генерала Васильчикова, были поставлены лѣвѣе, а четыре баталіона 26-й Дивизіи, подъ начальствомъ Генерала Паскевича, правѣе, съ приказаніемъ, въ случаѣ аттаки непріятеля на баттарею, ударить ему въ оба фланга. Вслѣдъ затѣмъ, получивъ подкрѣпленіе изъ двухъ баталіоновъ 19-го Егерскаго Полка, приведеннымъ Генераломъ Вуичемъ (корпуса Дохтурова). я поставилъ ихъ въ томъ же оврагѣ *позади редута.* Въ справедливости мною сказаннаго, *ссылаюсь* на свою реляцію, представленную послѣ сраженія, и хотя

*) Мнѣніе можетъ имѣть каждый, въ особенности о томъ, что видѣлъ. Но не у каждаго достанетъ духу употреблять выраженія, какія здѣсь находятся.

**) Что за великое *событіе*, какъ называть осьмнадцати-пушечную баттарею? Въ Бородинѣ не было именныхъ ни баттарей, ни редутовъ. Въ битвѣ этой выдвигались баттареи въ триста и четыреста орудій. Были редуты, гдѣ совершались подвиги величайшаго мужества, и никто не называлъ ихъ именами начальниковъ, такъ напр., редутъ, защищаемый Графомъ Воронцовымъ и другими, а здѣсь дѣло идетъ объ осьмнадцати-пушечной баттареѣ, тогда какъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствовало болѣе тысячи орудій. Если бъ въ Бородинѣ принято было называть баттареи именемъ начальниковъ, то, по моему мнѣнію, баттарея у Горокъ прежде всѣхъ должна бы быть названа Кутузовской, потому во-первыхъ что это одна изъ всѣхъ баттарей, на которой главнокомандующій нѣкоторое время присутствовалъ во время дѣла, и во-вторыхъ, что съ сей баттареи онъ послалъ приказаніе Уварову и Платову съ правымъ флангомъ аттаковать лѣвый непріятельскій флангъ. Извѣстно, что это движеніе остановило предначертанія Наполеона на нашъ лѣвый флангъ. Но и эта баттарея не получила ни какого имени.

теперь *пишу безъ всякихъ документовъ*, однако же не опасаюсь противорѣчить себѣ, потому что всегда говорилъ правду.» И описывать начало дѣла, не упоминая по имени ни однаго полка, исключая, какъ видѣли выше, только 19-й Егерскій Полкъ. Полкъ же этотъ былъ не 7-го, а 6-го Корпуса, т. е. Дохтурова.

Авторъ сказалъ выше, что *письма и записки* Генерала Раевскаго ясно противорѣчатъ моему показанію, и между тѣмъ приводитъ только одно письмо къ Г. Жомини, писанное много лѣтъ спустя послѣ событія! И не приводитъ даже сказаннаго въ реляціи, на которую ссылается самъ Генералъ Раевскій, сознаваясь, что письмо это онъ пишетъ безъ документовъ, и проч. Строгая критика, въ особенности когда авторъ оной ополчился такъ наступательно, что призвалъ къ себѣ въ помощь Птоломея и Мюнхгаузена, требовала бы привести и содержаніе реляціи, на которую, какъ замѣчено, ссылается Генералъ Раевскій, О *запискахъ* же, упомянутыхъ авторомъ, нѣтъ и помина. Вѣроятно, это онъ сказалъ такъ, чтобы показать громъ сильнѣе, какъ онъ есть,

Вторымъ доказательствомъ въ опроверженіе моего *мнѣнія* или *разсужденія*, авторъ приводитъ, еще неудачнѣе, донесеніе Барклая-де-Толли Князю Кутузову о Бородинскомъ сраженіи. Вотъ что, между прочимъ, находимъ въ отрывкѣ приведеннаго донесенія: «Вскорѣ послѣ овладѣнія непріятелемъ всѣми укрѣпленіями лѣваго фланга, сдѣлалъ онъ, подъ прикрытіемъ сильнѣйшей канонады и перекрестнаго огня многочисленной его артиллеріи, аттаку на *центральную баттарею*, прикрываемую 26-ю Дивизіею, *) ему удалось оную взять и *опрокинуть вышесказанную дивизію;* но начальникъ главнаго штаба (1-й Арміи, а 26-я Дивизіи была 2-й Арміи) Генералъ-Маіоръ Ермоловъ, съ обычною своею рѣшимостью, взявъ *одинъ только* 3-й баталіонъ Уфимскаго Полка (Корпуса Дохтурова), остановилъ бѣгущихъ (т. е. надо полагать по смыслу донесенія, 26-й Дивизіи, по письму генерала Раевскаго, состоявшей изъ четырехъ баталіоновъ)**) «и, толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко: баттареи его дѣлали страшное опустошеніе, но ничто не устояло.... 3-й баталіонъ Уфимскаго Полка (не забудемъ Дохтурова Корпуса) и 18-й Егерскій Полкъ (Корпуса Остермана, 1-й же Арміи, ***) бросились прямо на баттарею 19-й и 40-й Егерскіе

*) 7-го Корпуса Дивизія Паскевича, т. е., за исключеніемъ второй линіи и егерскихъ полковъ, имѣвшей тутъ на лицо только четыре баталіона.

**) Тогда дивизіи состояли изъ четырехъ пѣхотныхъ и двухъ егерскихъ полковъ, всего изъ двѣнадцати баталіоновъ. Егерскіе полки нѣкоторыхъ корпусовъ были, въ день Бородинской битвы, отдѣлены; изъ осьми же баталіоновъ пѣхотныхъ, половина, составлявшая вторую линію отошла къ Князю Багратіону. Слѣдовательно въ дивизіи Паскевича и оставались только четыре баталіона.

***) Какимъ образомъ здѣсь находился 18-й Егерскій Полкъ, объяснено мною въ статьѣ, которую критикуетъ почтенный авторъ.

Полки (все таки Дохтурова Корпуса) по лѣвую сторону оной, и въ четверть часа наказана дерзость непріятеля. Баттарея во власти нашей; вся высота и поле около оной—покрыты тѣлами непріятельскими. Бригадный Генералъ Бонами былъ одинъ изъ снискавшихъ пощаду, и непріятель преслѣдованъ былъ гораздо далѣе баттареи. *Генералъ-Маіоръ Ермоловъ удержалъ оную съ малыми силами* до прибытія 24-й Дивизіи, *) которой я велѣлъ смѣнить *разстроенную непріятельскою аттакою 26-ю Дивизію.*»

И такъ, не то ли же самое говорятъ оба избранныя критикомъ засвидѣтельствованія, что сказано и въ моей статьѣ, что полки корпуса Дохтурова принимали блистательное участіе на этомъ пунктѣ? Полки же 19-й и 40-й Егерскіе и Уфимскій (Томскій тоже) принадлежали къ 6-му Корпусу, и они, вмѣстѣ съ 18-мъ Егерскимъ Полкомъ 4-го Корпуса, Остермана, отбили у непріятеля баттарею, которой не удержала 26-я Дивизія, что изъ приведеннаго донесенія Барклая ясно видно. Въ статьѣ моей я только замѣтилъ, что не близко знакомые съ этою битвой, всю борьбу, на центральной баттареѣ, припишутъ, по книгѣ Михайловскаго-Данилевскаго, 7-му корпусу, тогда какъ полки, совершавшіе блистательные подвиги, именуются такъ, что никакъ нельзя подумать, чтобы эти полки не были 7-го Корпуса, и не принадлежали къ 12-й или 26-й дивизіямъ, часто упоминаемымъ, тогда какъ всѣ помянутые полки (исключая 18-й Егерскій, 4-го Корпуса) были 6-го Корпуса, о которомъ, а равно и о дивизіяхъ, его составлявшихъ, ни слова не упоминается; это тѣмъ болѣе рѣзко бросается въ глаза, что при помянутомъ описаніи ни одинъ полкъ 7-го Корпуса не названъ.

Авторъ заключаетъ свою критику (если такъ можно назвать все упоминаемое въ его статьѣ, вовсе не принадлежащее къ холодному и безпристрастному свойству, необходимому для истиннаго критика), слѣдующими словами: «Изъ приведенныхъ нами (?) выписокъ, *очевидно*, что, въ оборонѣ центральнаго Бородинскаго укрѣпленія, имѣли участіе войска обѣихъ западныхъ армій; но, что *современники* Бородинскаго сраженія, не смотря на показанія автора «нѣсколькихъ мыслей», правильно назвали это укрѣпленіе баттареею Раевскаго.»

Изъ приводимыхъ выписокъ *очевидно* только то, что Вторая

*) Изъ 24-й Дивизіи, какъ видно выше, 19-й и 40-й Егерскіе Полки и баталіонъ Уфимскій, т. е. *пять баталіоновъ* уже находились въ дѣлѣ (Томскій баталіонъ тоже) слѣдовательно оставались изъ этой дивизіи Ширванскій и Бутырскій Полки въ двубаталіонномъ составѣ, одинъ баталіонъ Уфимскаго и одинъ баталіонъ Тамскаго Полка, всего шесть баталіоновъ, которые и сосредоточились подъ начальствомъ своего дивизіоннаго начальника Лихачева на этой баттареѣ.

Армія потеряла укрѣпленіе, а Первая вновь овладѣла онымъ. Авторъ, конечно, изъ предоставленныхъ ему матеріяловъ, *) не могъ избрать чего либо посильнѣе; ибо оба приведенные имъ документа отнюдь не опровергаютъ того, что сказано мною объ этой баттареѣ. Относительно же того, что обѣ Западныя Арміи имѣли участіе въ оборонѣ этого укрѣпленія, я не отвергалъ, и даже сказалъ что 7-й Корпусъ преслѣдовалъ непріятеля, выбитаго изъ укрѣпленія 6-мъ Корпусомъ. Что же касается до того, что *современники* Бородинскаго сраженія, не смотря на мое показаніе, *правильно* назвали это укрѣпленія баттареею Раевскаго, то я не противорѣчилъ бы автору, еслибъ онъ указалъ мнѣ (исключая Михайловскаго-Данилевскаго) на кого либо *изъ современниковъ*, т. е. современниковъ, участвовавшихъ въ битвѣ,—ибо современникамъ этой битвы можно было быть и въ Вологдѣ, и въ Полтавѣ, точно такъ же, какъ отъ автора нельзя отнять права быть современникомъ осады Севастополя; но иное дѣло—быть участникомъ. Если авторъ просмотритъ приведенныя имъ выписки въ опроверженіе моихъ словъ, онъ найдетъ, что ни Раевскій, ни Барклай-де-Толли не называютъ этой баттареи Раевскою, а *центральною;* послѣдній неотмѣнно назвалъ бы ее такъ, какъ она, по сказанію автора была извѣстна, и, которую (ст. 297) *отцы наши* (но не мой, ибо участвовалъ я самъ) *и мы сами* (это другое дѣло) называли баттареею Раевскаго.

Изъ всего вышеписаннаго *очевидно*, что авторъ не имѣлъ въ виду на первомъ планѣ доказывать, что я неправильно разсуждалъ въ статьѣ своей о названіи центральной баттареи.... Его цѣль была, какъ замѣтилъ и почтенный редакторъ Военнаго Сборника, *продолжать споръ за мое я*, и т. п., какъ было видно выше; иначе, съ какой стати цитировать Птоломея и Мюнхгаузена, ибо они оба могли говорить *я*, чего авторъ сказать не можетъ, въ исторіи войны, которою онъ занимается. Онъ ничего не можетъ свидѣтельствовать самъ. Онъ будетъ говорить только то, что говорятъ другіе, а въ такомъ положеніи легко можно впасть въ большіе, положимъ, хотя бы только, и промахи. Историкъ не долженъ браниться за матеріялы: онъ долженъ собирать все изъ всего и по очищеніи критикою, выводить свои заключенія, а не такъ, какъ онъ сдѣлалъ въ настоящей статьѣ о самомъ ничтожномъ предметѣ! Не могу, въ заключеніе, не повторить опять моего глубокаго убѣжденія: что, *одинъ человѣкъ* не напишетъ отчетливо

*) Въ статьѣ «*Нѣсколько мыслей* и пр.» о которой идетъ здѣсь рѣчь, я замѣтилъ въ выноскѣ о затрудненіи, которое встрѣчается при обиліи матеріяловъ, и какой разборчивости они требуютъ отъ вниманія и познаній компилатора-историка.

и поучительно войны 1812 года, хотя бы онъ и участвовалъ въ ней.

Я не долженъ бы былъ отвѣчать на эту статью какъ на бранную, о чемъ мною было сказано въ Сѣверной Пчелѣ, и если я, на сей разъ, нарушилъ данное слово, то единственно потому только, что эта статья нашла мѣсто въ Военномъ Сборникѣ, журналѣ, уже по одному предначертанію своему заслуживающему полнаго уваженія всѣхъ, понимающихъ цѣль такого предпріятія.

И. Липранди.

17-го Мая 1858.

Примѣчаніе 1867 года. Всё что здѣсь Г. Л. Богдановичь опровергаетъ, впослѣдствіи, вводитъ въ свою исторію мною сказанное, но не цитируетъ мѣня; правда и неловко! И. Л.

Милостивый Государь,

Петръ Семеновичъ!

Въ № 82 «Русскаго Инвалида, въ оглавленіи фельетона автора, подписавшагося цифрами 31—36, помѣщено слѣдующее: «Новый фельетонистъ Пчелы И. П. Липранди, заступившій мѣсто «Ѳ. В. Булгарина».

Содержаніе самаго фельетона оцѣнится просвѣщенною публикой, прочитавши поводъ къ оному. Здѣсь дѣло въ томъ, что я не *новый* и не *юный* фельетонистъ, а еще менѣе, *заступившій* мѣсто Ѳ. В. Булгарина, участника въ изданіи «Сѣверной Пчелы». Помѣщать что либо въ журналѣ не есть быть фельетонистомъ въ томъ смыслѣ, который придается сему господиномъ 31—36. Съ двадцатыхъ годовъ, всегда, когда я только имѣлъ свободное время отъ службы, статьи мои помѣщались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не исключая и «Русскаго Инвалида». Такъ, между прочимъ, въ 1855 году, я опять помѣстилъ три военныя статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ», не будучи фельетонистомъ онаго, не поступая ни начье мѣсто. Изъ дѣлъ редакціи «Русскаго Инвалида», Вамъ, Милостивый Государь, не трудно будетъ убѣдиться, что я сдѣлалъ это не такъ, какъ запиской, законтрактованный фельэтонистъ, а единственно по просьбѣ бывшаго редактора этой газеты, мною уважаемаго г. м. князя Голицына.

Прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь, какъ настоящаго редактора Русскаго Инвалида, помѣстить въ Вашей офиціальной газетѣ настоящее мое письмо, которымъ я опровергаю помянутое объявленіе.

Съ должнымъ уваженіемъ и пр.

И. Липранди.

Примѣчаніе. Помѣщаю это письмо съ тѣмъ, чтобы показать, до какой степени первая статья моя ожесточила (и почему?) офиціальныхъ военныхъ литераторовъ. Послѣ сего я не отвѣчалъ уже на подобные набѣги, въ которыхъ, конечно, за неимѣніемъ или недостаткомъ силъ вступить въ палемику, прибѣгали въ офиціальной газетѣ, Русскаго Инвалида, и къ «*облысѣнію*» и къ «*обеззубленію*» и къ «*неимѣнію живыхъ идей*» и т. д. Но кончилось тѣмъ какъ увидимъ далѣе, что Русскій Инвалидъ началъ печатать и мои статьи!

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЭПИЗОДА

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

(Изъ соч. Михайловскаго-Данилевскаго),

съ прибытія Князя Смоленскаго къ арміи, 17-го Августа, до оставленія Москвы, 2-го Сентября.

(Сѣв. Пч. 1858 г. №№ 151, 152 и 155).

Съ нѣкотораго времени замѣтно стремленіе какъ за границею, такъ и у насъ къ описанію, если и не полному, то, по крайней мѣрѣ, по эпизодамъ, событій Отечественной Войны 1812 года. Князь Смоленскій играетъ въ оныхъ, по принадлежности, первую роль. Мнѣніе у насъ, въ Россіи, господствующее, отдаетъ Свѣтлѣйшему всю заслуженную имъ славу. Къ сожалѣнію, понынѣ нѣтъ еще достойнаго описанія этой борьбы. Самое полное, до сихъ поръ, принадлежитъ Генералъ-Лейтенанту Михайловскому-Данилевскому. *) Это сочиненіе, по сопутствовавшимъ составленію онаго обстоятельствамъ, должно почитаться авторитетомъ. И что-жъ? Разсматривая со вниманіемъ это повѣствованіе, и отбросивъ кстати и не кстати, разбросанныя фразы въ похвалу Свѣтлѣйшаго — обнаженный текстъ, конечно, безъ всякаго намѣренія автора, показываетъ противное, и усилія его поставить Князя Кутузова на первый планъ — безуспѣшны. Невнимательность расположенія фактовъ въ сочиненіи этомъ — можетъ быть тому виною. Другой повѣствователь, надо полагать, недалъ бы пищи иноземцамъ клеветать на нашего фельдмаршала. Къ счастію еще, что сочиненіе Михайловскаго-Данилевскаго, повидимому, не было въ подробности извѣстно Тіеру, или, что еще лучше, какому либо опытному военному писателю, который, анализируя самое сочиненіе, сдѣлалъ бы выводы несравненно основательнѣе тѣхъ, которые включилъ въ свой XIV томъ Тіеръ, вовсе чуждый предмета: онъ такъ же, какъ и упомянутый нашъ авторъ, гонялся за фразами, не обращая вниманія на сущность разсказа.

Для примѣра я приведу изъ книги Михайловскаго-Данилевскаго *пятнадцатидневный* эпизодъ, т. е., отъ прибытія фельдмаршала къ арміи, 17-го Августа, до оставленія Москвы, 2-го Сентября.

*) Полная *исторія* этой войны, составляемая Г. М. Богдановичемъ, еще не вышла. Огромный трудъ этотъ требуетъ времени, для согласованія, посредствомъ тщательной критики, множества сочиненій объ этомъ событіи, какъ печатныхъ, такъ и въ рукописяхъ. Многіе изъ любителей отечественной исторіи, знакомые съ сочиненіями автора, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого труда въ свѣтъ.

Здѣсь я не буду касаться военныхъ дѣйствій и сближать ихъ съ другими многочисленными повѣствователями объ этомъ же періодѣ: это вышло бы за предѣлы журнальной статьи; позволю себѣ только нѣкоторыя сближенія и сравненія изъ повѣствуемаго авторомъ, и заключенія, которыя вытекаютъ изъ приводимыхъ данныхъ, въ самой книгѣ находящихся.

Когда войска пришли, 17-го Августа, въ Царево-Займище, авторъ приводитъ донесеніе Барклая де Толли Государю (стр. 158 *): «*Здѣсь сталъ я съ обѣими арміями въ позиціи, и рѣшился ожидать аттаки непріятельской.*» Опять начали строить (говоритъ авторъ) укрѣпленія и *готовиться къ сраженію*, но войска не надѣялись уже на близкую встрѣчу съ врагами (!). Поколебалась довѣренность къ главнокомандующему *) и разногласіе его съ Княземъ Багратіономъ, начавшееся со времени повторенныхъ движеній отъ Смоленска къ Руднѣ, достигло высшей степени. Впрочемъ, сраженіе не зависѣло уже отъ Барклая де Толли, ибо, чрезъ нѣсколько часовъ по вступленіи въ лагерь при Царевѣ-Займищѣ, получено было извѣстіе о Высочайшемъ повелѣніи быть Князю Кутузову главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, и о скоромъ его прибытіи къ войскамъ. На рескриптъ, коимъ Императоръ по сему случаю удостоилъ Барклая де-Толли **) онъ отвѣчалъ: «Всякій вѣрноподданный и истинный слуга Государя и Отечества—долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго главнокомандующаго всѣми арміями.... Примите, Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе радости, которою я исполненъ. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего Величества. Что касается до меня, то я ничего инаго не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою *служить отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ.*» Относительно дѣйствій арміи подъ его предводительствомъ, онъ писалъ Государю наканунѣ прибытія Кутузова (стр. 159): «Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйствіяхъ арміи, которая была мнѣ ввѣрена. Успѣхъ докажетъ, могъ ли я сдѣлать что-либо лучшее для спасенія государства. Если бы я руководимъ былъ слѣпымъ, безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ быть, Ваше Императорское Величество, изволили бы получать донесенія о сраженіяхъ, *и, не взирая на то, непріятель находился бы подъ*

*) Описаніе «Отечественной Войны 1812 г.» второе изд. 1840. Часть II.

**) Очень жаль, что авторъ не привелъ этого рескрипта, подобно тому, какъ онъ дѣлаетъ это съ другими меньшей важности. Здѣсь дѣло шло о перемѣнѣ главнокомандующаго, котораго Государь не преставалъ уважать. Послѣднія же слова Барклая, въ отвѣтъ на этотъ рескриптъ, слишкомъ знаменательны, какъ сейчасъ увидимъ, чтобы отвергать общій интересъ этого рескрипта.

стѣнами Москвы, не встрѣтя достаточныхъ силъ, которыя были бы въ состояніи ему сопротивляться». *)

По прибытіи Князя Кутузова въ Царево-Займище, онъ приказываетъ арміи отступить въ Гжатскъ, и 19-го Августа доноситъ Государю, между прочимъ, (стр. 178), что «онъ нашелъ, что многіе полки отъ *частныхъ сраженій* весьма истощились, что *только одинъ вчерашній день прошелъ безъ военныхъ дѣйствій.*» Присовокупляя другія распоряженія, онъ предпринялъ *еще отступать*, чтобы соединиться съ Милорадовичемъ, ведущимъ ему болѣе пятнадцати тысячъ, а также «съ отправляемыми изъ Москвы въ довольномъ количествѣ ратниками...» Находитъ мѣстоположеніе при Гжатскѣ *невыгоднымъ*. «*Усилясь* такимъ образомъ, какъ чрезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и чрезъ пріобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ Княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и части Московской милиціи *въ состояніи буду для спасенія Москвы отдаться на произволъ сраженія, которое однако же предпринято будетъ со всѣми осторожностями, какихъ важность обстоятельствъ требовать можетъ.*»

И такъ спросятъ: можно ли же было обвинять Барклая за то, что онъ не предпринялъ дать генеральное сраженіе, когда онъ находился противъ непріятельскихъ войскъ, еще болѣе свѣжихъ, чѣмъ оныя находились уже при Гжатскѣ? ибо, съ каждымъ шагомъ, непріятель ослабѣвалъ тысячами, съ каждымъ шагомъ продовольствіе было скуднѣе. А Барклай не получалъ еще ни какихъ подкрѣпленій до прибытія Кутузова, *начавшаго отступать, какъ и Барклай.*

Мысль *отстоять Москву*, по книгѣ, господствуетъ во всѣхъ предположеніяхъ Кутузова. Онъ думаетъ даже отдать рѣшеніе это по полученіи всѣхъ подкрѣпленій, на *произволъ сраженія* (!) со всѣми, однако же, *осторожностями* и т. д.

Извѣщая Тормасова о принятіи начальства надъ арміею, между прочимъ (стр. 182) говоритъ: «*Настоящій мой предметъ — есть спасеніе Москвы*».

На письмо Графа Ростопчина, фельдмаршалъ отвѣчаетъ, отъ 17-го Августа, изъ Гжатска, и, требуя немедленной присылки къ арміи разныхъ предметовъ, между прочимъ (стр. 176) говоритъ: «Не рѣшенъ еще вопросъ: потерять ли армію, или потерять Москву? *По моему мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи.*» Ясно, что онъ думаетъ скорѣе отважиться на *потерю арміи.*

Преслѣдуемый этою мыслію, Кутузовъ избираетъ для сего по-

*) Объ этомъ очень знаменательномъ послѣднемъ выраженіи: «*подъ стѣнами Москвы*» я скажу въ своемъ мѣстѣ.

зицію при Бородинѣ, гдѣ армія мужественно и побѣдоносно отразила сильный натискъ превосходнаго непріятеля, готовившагося къ этой битвѣ двадцать лѣтъ безпрерывными побѣдами. Я не буду говорить: предстояла ли необходимость *отдаться тутъ на произволъ сраженія*, и о частностяхъ этой битвы, которая, упорностью, кровопролитіемъ, способностями вождей обѣихъ сторонъ и мужествомъ войскъ, превосходитъ всѣ битвы, до того бывшія, и послѣ оной до сихъ поръ не являвшія не только что подобной, но и приблизительной. Точное описаніе ея есть Мемфисскій или Критскій лабиринтъ Дедала, въ которомъ не одинъ ученый заблудится, если не участвовавъ самъ въ битвѣ, возмечтаетъ опредѣлить только одни моменты, чтобы ясно показать ихъ вліяніе на общій ходъ сраженія и его исходъ.

До окончанія Бородинской битвы, вечеромъ, Кутузовъ не признавая себя побѣжденнымъ, какъ это дѣйствительно и было, «хотѣлъ даже (стр. 239) *аттаковать непріятеля въ слѣдующій день*, о чемъ пишетъ Дохтурову часу въ пятомъ, и между прочимъ говоритъ, что «имѣетъ намѣреніе завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ,» и прежде отправленія сего повелѣнія, посылаетъ къ Дохтурову Раевскаго предупредить его объ этомъ своемъ намѣреніи. Ростопчину же, часа два спустя, когда непріятельскіе натиски совсѣмъ прекратились, и гудѣвшая канонада утихала, пишетъ: «Сегодня было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею, Руское войско не уступило ни шагу, *) хотя непріятель, въ весьма превосходныхъ силахъ, дѣйствовалъ противъ него. *Завтра надѣюсь я возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами* **) *съ нимъ сразиться. Отъ васъ зависитъ доставить мнѣ изъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ*, столько сколько можно будетъ.»

Что же это говоритъ авторъ? Кутузовъ, съ Бородинскаго Поля, вечеромъ, 26-го числа, пишетъ, что «завтра надѣется сразиться съ непріятелемъ, и что это *будетъ зависѣть отъ Ростопчина*, если онъ доставитъ изъ войскъ своихъ сколько можно! Отъ Бородина да Москвы болѣе осьмидесяти верстъ; слѣдовательно, какимъ образомъ *къ другому дню*, когда Кутузовъ предполагалъ аттаковать непріятеля, можно было изъ Москвы (гдѣ письмо это не прежде могло быть получено, какъ поутру 27-го числа) выслать войска къ предначертанному Кутузовымъ сраженію?

*) Тоже выраженіе не ловкое, ибо иностранцы будутъ правы говорить противное. Нашъ лѣвый флангъ потерялъ свое мѣсто, только часть центра и правый остались на мѣстѣ. Правда, что ночью казачья цѣпь заняла мѣсто, на которомъ мы встрѣтили поутру, 26-го Августа, непріятеля, исключая село Бородино.

**) Что такое—новыя силы? Слишкомъ двузнаменательно.

Авторъ говоритъ (стр. 250): «До одиннадцатаго часа (26-го Августа) вечера, Князь Кутузовъ не отмѣнялъ повелѣнія къ возобновленію сраженія.» *) Потомъ онъ приводитъ доказательства; что непріятель отступилъ съ поля битвы, что дѣйствительно и было, ибо я былъ посланъ Дохтуровымъ повѣрить донесеніе егерей, что на центральной баттареѣ, Шульмана, не было никого, и нашелъ донесеніе вѣрнымъ: непріятельскіе огни были за Колочей. Авторъ продолжаетъ: «Князь Кутузовъ не находилъ причинъ оставлять поле сраженія; но къ отступленію побудили его донесенія Дохтурова объ убыли людей во Второй Арміи,» **) Всѣ мои сослуживцы должны помнить этотъ моментъ, когда мы, собранные для переписки диспозиціи, каждый для своего корпуса, увидѣли плѣннаго раненаго полковника конныхъ Баварскихъ войскъ, представленнаго въ главную квартиру. Отъ него узнали, что старая гвардія Наполеона не была въ дѣлѣ и т. д., что и рѣшило отступленіе. Объ этомъ авторъ не упоминаетъ, и приписываетъ все Дохтурову. Далѣе описывается свиданіе фельдмаршала съ Дохтуровымъ. Отступленіе рѣшено. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ Кутузовъ, рѣшившійся (по книгѣ) еще въ пятомъ часу аттаковать непріятеля на другой день, и твердо сохранившій намѣреніе это до одиннадцати часовъ вечера, не зналъ о потерѣ, понесенной, разумѣется приблизительно, въ этомъ сраженіи? И тогда, какъ съ пяти часовъ непріятель не дѣлалъ уже шага впередъ, ограничиваясь убійственною канонадою изъ пяти или болѣе сотъ пушекъ? Согласуется ли это невѣдѣніе со всѣми фразами, такъ щедро расточаемыми авторомъ?

Описавъ свиданіе Кутузова съ Дохтуровымъ и потомъ, въ шести строкахъ, распоряженіе объ отступленіи, и вдругъ, какъ будто бы позабывъ все то, что говорилъ прежде, начинаетъ разсуждать (стр. 251): «Отступленіе *было необходимо*, и по огромной убыли въ людяхъ, и для сближенія съ подкрѣпленіями, формировавшимися за Москвою; между тѣмъ Наполеонъ, слѣдуя за нами, часъ отъ часу ослабѣвалъ въ силахъ.» *Истины сіи были очевидны*, присовокупляетъ онъ. Какъ! неужели до сей минуты Кутузовъ не зналъ всего этого? Какая противоположность! Можно ли приписывать Кутузову такое невѣдѣніе за полчаса предъ тѣмъ, какъ онъ дѣлалъ распоряженіе объ аттакованіи непріятеля на

*) Это такъ, ибо оберъ-квартирмейстеры, а въ томъ числѣ и я, начали уже съ диктовки писать диспозицію для аттаки непріятеля, но вдругъ пріостановились. Я могъ бы изъ дневника выписать частности этого періода, но устраняюсь отъ вызова на полемику съ людьми, тамъ не бывшими.

**) А въ Первой Арміи, развѣ относительно числительности ея была менѣе? Въ Первой Арміи было пять пѣхотныхъ корпусовъ, а во Второй только два. Во время дѣла, цѣлые корпуса Первой Арміи были переведены поддерживать Вторую.

другой день? И, неужели онъ, дѣлая всѣ эти распоряженія, не зналъ о времени прибытія *войскъ, формируемыхъ за Москвою?* Все это очень негладко.

Размышляя о путяхъ отступленія съ Бородинскаго поля: «Надобно итти по Московской дорогѣ,» — сказалъ Князь Кутузовъ: «если непріятель и займетъ Москву, то онъ въ ней расплывется, какъ губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать какъ захочу!» Здѣсь уже князь не говоритъ, что намѣренъ еще сразится съ непріятелемъ; онъ уже говоритъ о возможности занятія Москвы непріятелемъ, и выражаетъ это какъ-то необъяснимо: какимъ образомъ *губка расплывется въ водѣ*, чтобы дать ему свободу дѣйствовать? Это что-то не такъ выражено: губка въ водѣ *не разплывается*, а всасывая въ себя воду, получаетъ *большій объемъ!*

Вслѣдъ за сими строками видимъ опять иное: «Намѣреніе Князя Кутузова было: отвести армію за *Можайскъ*, и приведя ее тамъ (въ какомъ же мѣстѣ за *Можайскомъ?*) по возможности, въ устройство, ожидать что укажутъ обстоятельства.» Въ донесеніи Государю, Кутузовъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 254): «Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и пятнадцать часовъ продолжавшагося сраженія, *) наша и непріятельская армія не могла не разстроиться, и за потерею, сей день сдѣланною, позиція, прежде занимаемая, естественно, *стала обширнѣе и войскамъ не вмѣстная* (!), а потому, когда дѣло идетъ *не о славѣ выигранныхъ только баталій* (слова, какъ видѣли выше, Барклая де Толли), но вся цѣль устремлена на истребленіе Французской арміи (какое вдругъ измѣненіе намѣренія!), ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить десять верстъ, что будетъ за Можайскомъ и *собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я что могу предпринять противъ непріятеля.*»

Будучи свидѣтелемъ арріергарднаго дѣла предъ Можайскомъ, 27 ч., и, увидѣвши непріятельскую конницу, еще не оправившуюся послѣ битвы и составленную (стр. 270) «изъ сборныхъ войскъ, т. е., что въ одномъ и томъ же фронтѣ гусаръ стоялъ подлѣ улана кирасиръ — подлѣ коннаго егеря онъ сказалъ: «каково мы ихъ потрясли вчера?» — Вслѣдъ за симъ вдругъ Кутузовъ перемѣняетъ намѣреніе давать битву: «Князь Кутузовъ не разсудилъ оставаться долѣе у Можайска, за неимѣніемъ времени

*) Какіе же пятнадцать часовъ? Текстъ противорѣчитъ сему.

привести армію въ устройство, *) и продолжалъ, 28-го Августа, отступленіе къ Землину и Лутинскому.»

Съ тѣмъ вмѣстѣ изъ Жукова, на другой день Бородинской битвы, 27-го Августа, Кутузовъ пишетъ Ростопчину (стр. 273): «Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы притянуть къ себѣ столько способовъ, сколько можно только получить, *у Москвы выдержать рѣшительную, можетъ быть, битву,* и требуетъ присылки различныхъ предметовъ. Отъ 28-го Августа, изъ Шелковки, пишетъ, ему же: «Вручителя сего, Ротмистра Графа Апраксина, отправилъ я къ вамъ для повторенія покорной моей просьбы о доставленіи, если можно, *сегоднишняго же числа на курьерскихъ лошадяхъ, сколько можно болѣе кирокъ и лопатокъ* и т. д.»

Въ повелѣніи Милорадовичу, между прочимъ находимъ (стр. 277): «Теперь приближающимся намъ къ Москвѣ, гдѣ *должно быть сраженіе, рѣшающее успѣхъ компаніи и участь Государства* (!!).»

Тогда же онъ писалъ Растопчину (стр. 278): .... «Войска мои, не смотря на кровопролитное, бывшее 26-го числа сраженіе, *остались въ такомъ почтенномъ числѣ; что не только въ силахъ противиться непріятелю, но даже ожидать и поверхности надъ онымъ.*»

Отъ 29-го Августа, Кутузовъ доносилъ Государю (стр. 272); упоминая о потеряхъ подъ Бородинымъ, онъ присовокупля[illegible] «сегодня нахожусь я въ деревнѣ Нарѣ, и долженъ *отступи[illegible] еще*, потому что ни одно изъ тѣхъ войскъ, которыя ко мнѣ на подкрѣпленіе слѣдуютъ, еще не сблизилось (!)» и т. д.

Изъ Вяземы, 30-го Августа, пишетъ Растопчину (стр 374): *Мы приближаемся къ генеральному сраженію у Москв[illegible]*» — и проситъ подводъ для отправленія имѣющихся быть раненыхъ. Другое письмо, отъ того же числа: «Отправляю нарочнаго съ повтореніемъ прежнихъ моихъ просьбъ,» — и проситъ еще на обывательскихъ лошадяхъ прислать баттарейныхъ орудій, сколько можно найти въ арсеналѣ снарядовъ и т. п. Третье письмо, отъ того же числа: «Прошу васъ приказать, сколь можно скорѣе прислать тысячу топоровъ и тысячу лопатъ, для дѣланія засѣкъ; также выслать изъ Москвы всѣхъ выздоровѣвшихъ» и пр. Все это ясно показываетъ твердое намѣреніе выжидать непріятеля у Вяземы. Но вдругъ, отъ того же 30-го Августа, въ четвертомъ письмѣ читаемъ: «Я нахожусь при Вяземѣ; но такъ какъ *здѣсь позиціи ни какой нѣтъ*, то я отправилъ Генерала Беннигсена назадъ, пріискать мѣсто, гдѣ бы удобнѣе *еще дать битву.*»

31-го Августа, армія, отыскивая позиціи, пришла въ Мамо-

*) Неужели не зналъ: будетъ ли имѣть время или нѣтъ?

ново, на одинъ переходъ отъ Москвы. Сохраняя (стр. 272) все еще твердую надежду на *неминуемое*, *близкое сраженіе*». Въ Мамоновѣ отданъ, по сему поводу, 31-го Августа, приказъ, начинающійся такъ (стр. 273): «Не безъизвѣстно каждому изъ начальниковъ, что армія Россійская *должна имѣть рѣшительное сраженіе подъ стѣнами Москвы.*» Авторъ присовокупляетъ къ сему: «дѣйствительно на всемъ пути отъ Бородина до Мамонова, Князь Кутузовъ не преставалъ помышлять о средствахъ вступить въ бой.»

Здѣсь необходимо нѣсколько прервать изложеніе *твердаго намѣренія Кутузова—дать до Москвы еще битву*. Исторіографъ нашъ дѣлаетъ критическій обзоръ движенія нашего и непріятельскаго отъ Бородина къ Москвѣ, какъ бы охуждая намѣреніе Кутузова вступить еще въ битву съ Наполеономъ. Разборъ этотъ необходимъ къ дальнѣйшему разъясненію. Послѣ того, какъ Кутузовъ признаетъ позицію при Вяземѣ неудобною и посылаетъ Беннигсена отыскивать другую,—авторъ говоритъ (стр. 274 и 275): «Не столько нужна была позиція, какъ нужны были свѣжіе войска; но они ни откуда не приходили (!); а съ 50,000 чиловѣкъ, выведенныхъ изъ Бородина, какъ можно было рѣшиться на сраженіе противъ 100,000, шедшихъ съ Наполеономъ?»

Совершенно соглашаюсь съ этимъ мнѣніемъ автора; но здѣсь, однако же, невольно раждается вопросъ: неужели Кутузовъ не зналъ времени, въ которое *свѣжія войска* могутъ подойти къ нему, чтобы такъ неосновательно дѣлать всѣ предначертанія къ генеральному сраженію? Нѣтъ, онъ зналъ это, и былъ *до Москвы* подкрѣпленъ всѣмъ, чего только ожидалъ. Выше видно было, что послѣ Бородина, Кутузовъ ожидалъ въ подкрѣпленіе себѣ Московское Ополченіе, и это почиталъ уже достаточнымъ, чтобы рѣшиться на вторую битву. Впрочемъ, что Кутузовъ до Москвы получилъ все, чего могъ ожидать, докажется ниже, словами Беннигсена, на совѣщаніи въ Филяхъ. Обращаюсь къ критикѣ.

Авторъ продолжаетъ (стр. 275): «Оставалось *одно средство* вступить въ бой, а именно: высматривать, *не разобщилъ ли Наполеонъ своихъ силъ*. Тогда можно было напасть на который либо изъ *отдѣльныхъ* его корпусовъ; но Наполеонъ держалъ войска *въ совокупности* (!), не было случая покуситься на частное или отдѣльное пораженіе ихъ. Слѣдовательно во всѣхъ отношеніяхъ отступленіе отъ Бородина до Москвы было необходимо.» Здѣсь видимо авторъ позабылъ, что, нѣсколько выше, описывая движеніе Наполеона послѣ Бородина, онъ говоритъ (стр. 268): «Когда Наполеонъ лично удостовѣрился, что Князь Кутузовъ не готовится къ аттакѣ, ожидаемой Французами, и что Русскіе от-

ступаютъ отъ Бородина, двинулся онъ впередъ, около полудня, 27-го Августа. Мюратъ пошелъ съ авангардомъ, столбовою дорогою къ Можайску, за нимъ слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи гвардія и корпуса Даву и Нея. Жюно оставленъ былъ на полѣ сраженія для уборки раненыхъ и учрежденія порядка въ тылу арміи. Вице-король переправился въ селѣ Успенскомъ чрезъ Москву-рѣку и потянулся на Рузу; Понятовскій пошелъ вправо, на Борисовъ.» Слѣдовательно это *одно средство* предоставлялось Кутузову со всѣми преимуществами; ибо, чего онъ и не ожидалъ, непріятельская армія была еще ослаблена цѣлымъ корпусомъ Жюно, оставшимся въ Можайскѣ. Почему же, спросятъ. Кутузовъ не воспользовался этимъ *однимъ средствомъ?* «Самъ Наполеонъ (стр. 276), въ Татаркахъ еще, возъимѣлъ опасеніе: не двинулся ли Князь Кутузовъ противъ праваго его крыла, или не пошелъ ли на его сообщенія? А это показываетъ не только что возможность такого движенія, но и самую выгоду. Объ этомъ предметѣ должно будетъ еще сказать нѣсколько словъ при описаніи преній въ Филяхъ, а потому обращаюсь къ предмету.

Одушевленный постоянно мыслію дать еще битву, Кутузовъ представляется авторомъ, въ началѣ желавшимъ предпринять аттаку непріятеля на слѣдующее утро послѣ Бородинскаго сраженія, намѣреніе, родившееся у него въ самый разгаръ боя. Потомъ внезапно перемѣняетъ намѣреніе, и думаетъ выждать непріятеля при Можайскѣ, и опять отказывается отъ сего предположенія. На пути отъ Можайска до Москвы, дѣлаетъ въ разныхъ мѣстахъ тѣ же предначертанія: пишетъ объ этомъ въ разныя мѣста; требуетъ шанцовый инструментъ на курьерскихъ, баттарейныя орудія изъ арсенала—на обывательскихъ лошадяхъ и т. п.; укрѣпляетъ многія позиціи войскамъ, требовавшимъ отдыха, и потомъ вдругъ находитъ позиціи *неудобными*, и оставляетъ ихъ, и такъ достигаетъ до Москвы, *съ твердымъ намѣреніемъ* дать здѣсь битву. Теперь разсмотрю, что происходило подъ Москвою.

Въ три часа по полуночи, 1-го Сентября, армія выступила изъ Мамонова къ Москвѣ. «Здѣсь (говоритъ авторъ, стр. 282) по общему убѣжденію, *должно было произойти сраженіе, побѣдить или пасть*. Князь Кутузовъ опередилъ армію, осмотрѣлъ избранную наканунѣ Беннигсеномъ позицію впереди Москвы, и остановился на Поклонной Горѣ, гдѣ встрѣтилъ его Графъ Ростопчинъ.» Далѣе (стр. 283), авторъ, описываетъ всѣ неудобства позиціи, но дѣлаетъ это самъ отъ себя. Кутузовъ, осмотрѣвъ позицію, и, выслушивая различныя мнѣнія, не произносилъ ни слова и, какъ увидимъ, завѣряетъ Ростопчина о неминуемой битвѣ.

Армія, рано утромъ, заняла эту позицію, которую, до прибытія фельдмаршала, начали укрѣплять редутами. Онъ, не приз-

навая ее неудобною, остается еще долго на оной, послѣ того уже, какъ армія заняла ее, и не препятствуетъ продолжать сооружать укрѣпленія. Послѣ полудня онъ оставилъ позицію, и уѣхалъ въ Фили, «не произнеся (стр. 284) ничего рѣшительнаго.» Спрашивается: что же онъ долженъ былъ произнести? Его постоянная рѣшимость, по крайней мѣрѣ по приведеннымъ фактамъ въ книгѣ, была—неотложно сразиться съ непріятелемъ до Москвы, а потомъ при самой Москвѣ, и такъ ему ничего и не оставалось дѣлать, какъ только смотрѣть на сооруженіе редутовъ. Если же въ это время онъ находилъ позицію неудобною, то зачѣмъ было укрѣплять ее и изнурять людей?

Авторъ присовокупляетъ отъ себя, ибо не приводитъ ни какихъ данныхъ (стр. 284—285): «Желая болѣе скрыть свои мысли на счетъ оставленія Москвы, которыя онъ, *конечно*, *уже предположилъ въ умѣ*, Князь Кутузовъ, выслушавъ Начальника Главнаго Штаба 1-й Арміи Ермолова, говорившаго съ жаромъ о невозможности принять на позиціи сраженіе, взялъ его за руку, и, пощупавъ пульсъ, спросилъ: здоровъ ли ты?»—Но этотъ доводъ тому, что Кутузовъ, *конечно,* предположилъ въ умѣ своемъ оставить Москву, доказываетъ противное, ибо, когда у Ермолова съ жаромъ доказывавшаго неудобство позиціи, Кутузовъ спрашиваетъ здоровъ ли онъ? ясно показываетъ, что князь не находилъ позиціи неудобною, а потому не имѣлъ причины отказываться отъ битвы... Другой фактъ, приводимый авторомъ, столь же неопредѣлителенъ: говоря объ отъѣздѣ Кутузова съ позиціи, онъ пишетъ (стр. 285): «Послѣднія слова его были обращены къ Принцу Евгенію Виртембергскому. Фельдмаршалъ сказалъ ему: «Въ этомъ дѣлѣ мнѣ надобно полагаться *только на самого себя,* каковъ бы я ни былъ—уменъ или простъ.» Въ этихъ выводахъ не видно ничего удовлетворительнаго, тѣмъ болѣе еще, что вслѣдъ за симъ, Кутузовъ и не *полагается самъ на себя,* ибо чрезъ четыре часа созываетъ совѣтъ, гдѣ также не изображается съ самостоятельнымъ мнѣніемъ.

До сихъ поръ все давало понимать, что Кутузовъ зрѣло обдумалъ свой планъ, и на ономъ основывалъ свои дѣйствія а не на случайностяхъ безъ всякаго предначертанія въ столь важную для Россіи эпоху. Изъ всѣхъ приводимыхъ данныхъ въ книгѣ, ничтѳ, казалось, не должно было побудить Кутузова отказываться отъ битвы съ непріятелемъ, чего онъ такъ желалъ. Послѣ Бородина Наполеонъ не только что не былъ ни чѣмъ усиленъ, но, напротивъ, оставилъ еще цѣлый корпусъ Жюно, въ Можайскѣ, и разобщилъ на три колонны свою армію въ слѣдованіи къ Москвѣ. Конница его понесла рѣшительный ударъ; на каждомъ переходѣ Французы теряли большое число отсталыхъ, и вся армія терпѣла сильный недостатокъ въ продовольствіи, начавъ питаться кониною,

не достигнувъ еще береговъ Днѣпра. Самъ авторъ говоритъ, что «*разстройство* непріятеля, (стр. 276 и слѣд.) въ Бородинѣ *было столь велико, что замедляло ихъ движеніе* и принуждало Наполеона, какъ говоритъ Князь Кутузовъ, итти *ощупью*.» Словомъ, въ непріятельской арміи не произошло ничего, что бы не было въ нашу пользу, и потому, повторяю, ничто, казалось, не должно было поколебать плана, принятаго Кутузовымъ, дать сраженіе подъ Москвою, или воспользоваться *однимъ средствомъ* напасть на разобщеннаго непріятеля, къ чему отъ Бородина онъ постоянно дѣлалъ всѣ распоряженія, какъ это видно изъ книги, и къ укрѣпляемому лагерю подъ Москвою не переставали изъ города, по требованію Кутузова, подвозить все необходимое до самаго вечера, и Ростопчинъ съ народомъ готовился присоединиться. Въ часъ пополудни этого же самаго дня Кутузовъ завѣряетъ еще Ростопчина, что «*и въ улицахъ буду драться*!» Этотъ послѣдній подвизаетъ народъ къ единодушному взаимному вмѣстѣ съ арміею сопротивленію.

За нѣсколько дней до оставленія Москвы, Ростопчинъ доносилъ (стр. 302—303): «Жители требуютъ оружія, и оно готово; но я имъ вручу его наканунѣ дня, который долженъ будетъ рѣшить участь Москвы», и т. д. 29-го Августа онъ же пишетъ (стр. 306): «Народъ Москвы и окрестностей будутъ драться отчаянно въ случаѣ приближенія нашей арміи» и т. д. Полагая (стр. 307), «что Князь Кутузовъ дастъ сраженіе подъ Москвою, Графъ Ростопчинъ и Преосвященный согласились итти на Три Горы съ крестнымъ ходомъ» и пр. Далѣе приводитъ воззваніе Ростопчина къ народу: «Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдать. Москва наша мать», и т. д. «Въ Москву прибылъ семидесяти-пяти-лѣтній Митрополитъ Платонъ.» 1-го Сентября, когда сооружались укрѣпленія и зажглись бивачные огни (стр. 310), «народъ не сомнѣвался въ близкомъ сраженіи. (Не забудемъ словъ Кутузова, въ часъ пополудни сказанныхъ Ростопчину *и въ улицахъ буду драться.*) «Тысячи спѣшили въ арсеналъ за оружіемъ. Во тотъ день его раздавали *даромъ* *) Кто не хотѣлъ итти въ арсеналъ, отдавалъ послѣднія деньги за оружіе, продававшееся чрезвычайно высокою цѣною. Августинъ совершалъ литургію въ Успенскомъ Соборѣ.... Соборъ былъ полонъ молельщиковъ и рыданія. Обрекаясь умереть за родину, многіе напутствовали себя пріобщеніемъ Св. Таинъ. Духовенство

*) Слово: *даромъ*—неумѣстно. Ни въ другіе дни, ни въ этотъ день оружіе изъ арсенала не продавалось, и какъ Ростопчинъ пишетъ, что онъ раздастъ оное наканунѣ битвы.

готовилось, съ хоругвями и иконами, итти на Три Горы, куда стекались, для защиты Москвы, вооруженные кто чѣмъ могъ: ружьями, пиками, топорами, крича въ одинъ голосъ: да здравствуетъ батюшка Александръ Павловичъ! Къ вечеру, на сборномъ мѣстѣ было уже множество народа, ожидавшаго тамъ Графа Ростопчина и Преосвященнаго и т. д. Въ такомъ положеніи была Москва, когда, въ восемъ часовъ вечера, Ростопчинъ, никакъ не ожидая, получилъ роковое извѣстіе по окончаніи совѣта въ Филяхъ.

Вотъ какъ исторіографъ описываетъ происходившее на этомъ совѣщаніи:

Послѣ приведенныхъ авторомъ словъ, сказанныхъ фельдмаршаломъ на *укрѣпляемой въ глазахъ его позиціи*, въ часъ пополудни Ростопчину, что *и въ улицахъ буду драться*, въ то же самое время Ермолову, когда сей находилъ позицію неудобною: «*здоровъ ли ты?*» и наконецъ тогда же Принцу Евгенію Виртембергскому: *въ этомъ дѣлѣ мнѣ надобно полагаться только на самаго себя*» пр., никто не могъ и помышлять, чтобы при важныхъ обстоятельствахъ, Князь Кутузовъ на что нибудь не рѣшился безотлагательно.

Вотъ что говоритъ самъ авторъ (стр. 285): «День склонился къ вечеру, однако еще не было отдано приказаній ни къ сраженію, ни къ оставленію Москвы. Часу въ пятомъ, фельдмаршалъ приказалъ созвать въ свою главную квартиру, деревню Фили, Беннигсена, Барклая-де-Толли, Дохтурова, *) Уварова, Графа Остер-

*) 1-го Сентября, до свѣта, я со всѣми товарищами корпусовъ, находился въ *Филяхъ*, гдѣ мы ожидали указанія позиціи. Съ разсвѣтомъ это было сдѣлано, и я, раздавъ дивизіоннымъ квартирмейстерамъ позиціи, и указавъ мѣста для артиллеріи, поспѣшилъ въ село *Троицкое* (отданное подъ штабъ 6-го корпуса), чтобъ распредѣлить домы по полкамъ для дровъ. Указавъ съ тѣмъ вмѣстѣ квартиру для Дохтурова и всего штаба, обозы коего уже прибыли, перемѣнивъ лошадь, поспѣшилъ навстрѣчу къ корпусу. Онъ скоро появился и началъ располагаться, а я поѣхалъ провожать корпуснаго командира въ его квартиру. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ потребованъ къ Кутузову на позицію, гдѣ мы нашли всѣхъ корпусныхъ командировъ. Кутузовъ въ это время сидѣлъ на скамейкѣ. Здѣсь другаго разговора не было, какъ о предстоящей битвѣ. Укрѣпленія воздвигались быстро. Кутузовъ обратилъ вниманіе, что надобно прибавить еще три моста чрезъ Москву рѣку къ находящемуся уже одному, при самомъ Дѣвичьемъ Монастырѣ, на тотъ конецъ, чтобы, во время битвы, войска не встрѣтили препятствія при передвиженіяхъ. Въ первомъ часу всѣ отправились по своимъ мѣстамъ, въ полной надеждѣ на предстоящую битву. Возвратившись въ Троицкое, мы нашли квартиру Дохтурова полною его родныхъ и знакомыхъ, прибывшихъ изъ Москвы: двухъ Князей Оболенскихъ, Нелединскаго-Мелецкаго, Панина, Нащокина, Римскаго-Корсакова и многихъ другихъ (адъютанты его и штабные большею частію были Москвичи). Всѣ они пріѣхали съ большими запасами; скоро сѣли за обѣдъ, и все дышало только одною мыслію въ разныхъ предположеніяхъ о битвѣ, которая должна послѣдовать, можетъ быть, на слѣдующій день. Разгулъ продолжался до пяти часовъ, какъ прискакалъ ординарецъ съ требованіемъ Дохтурова въ главную квартиру, въ Фили; я, по обязанности, долженъ былъ

мана, Раевскаго, Коновницина, Ермолова, Кайсарова и Толля. Милорадовичъ не былъ приглашенъ, по невозможности отлучится отъ арріергарда Беннигсена ждали долго. *)

Здѣсь, послѣ всего того, что было сказано въ книгѣ о предначертаніяхъ Кутузова, онъ является уже не съ тою твердою рѣшимостью—дѣйствовать *своею головою*. На вопросъ, предложенный Беннигсеномъ (стр. 255): «*Выгоднѣе ли сражаться предъ Москвою, или оставить ее непріятелю?*» Князь Кутузовъ замѣтилъ, что предварительно надобно объяснить положеніе дѣлъ и *подробно изобразить неудобства позиціи.*» Это уже ясно даетъ понимать, что позиція не позволяетъ и помышлять о сраженіи, и невольно раждается вопросъ: неужели Кутузовъ, подведя армію къ самымъ стѣнамъ Москвы, не зналъ, есть или нѣтъ предъ нею позиція, на которой однако же онъ остается нѣсколько часовъ и обозрѣваетъ возводимыя укрѣпленія?

За возраженіемъ, сдѣланнымъ Беннигсену, Кутузовъ присовокупляетъ (стр. 285—286): «Доколѣ будетъ существовать армія (въ письмѣ же, отъ 17-го Августа къ Ростопчину, онъ разсуждалъ иначе) и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ остается надежда счастливо довершить войну; но, *по уничтоженіи арміи*, *и Москва и Россія потеряны*. По-

ѣхать съ нимъ; исправляющій должность дежурнаго штабъ-офицера, Москвичъ Бологовской и еще офицеръ-ординарецъ послѣдовали за нами. Другіе, какъ и всѣ Москвичи, остались съ гостями. Пріѣхавши въ Фили, мы узнали, что корпусные командиры собрались на совѣтъ. Бологовской тотчасъ возвратился, а мы, покуда Дохтуровъ съ другими были у Кутузова, ожидали на улицѣ часовъ до семи. Наконецъ всѣ вышли. Дохтуровъ сѣлъ на лошадь и приказалъ намъ ѣхать за собою; меня это не удивило, ибо, хотя обыкновенно насъ оставляли ожидать диспозиціи, но тутъ мы знали, что на слѣдующій день остаемся ждать непріятеля. Вечеръ былъ тихій, и луна свѣтила достаточно, чтобъ разливать тѣнь на предметы. Дохтуровъ ѣхалъ впередъ одинъ, я съ ординарцемъ въ пяти шагахъ сзади. Проѣхавъ мостъ у Дѣвичьяго Монастыря, вдругъ мы услышали вырвавшееся рыданіе изъ груди Дохтурова, и въ это время, какъ бы желая скрыть отъ насъ свое чувство, онъ изъ шагу погналъ лошадь въ галопъ. Мы, отчасти, тотчасъ же догадались объ оставленіи Москвы. По пріѣздѣ въ квартиру, число гостей у него еще увеличилось; къ нимъ присоединились ещѐ гости Графа Маркова, другихъ генераловъ, какъ-то Талызиныхъ и пр. Всѣ они были въ самомъ разгарѣ веселья. Но едва Дохтуровъ вошелъ все измѣнилось. Перешептывались одинъ съ другимъ, и тайна сдѣлалась общею. Веселость уступила мѣсто мрачности, и чрезъ часъ никого уже не было: всѣ поспѣшили сдѣлать кое-какія распоряженія у себя въ домѣ. Въ десять часовъ вечера я былъ потребованъ въ главную квартиру, гдѣ намъ, для каждаго корпуса, даны были въ проводники разные чиновники (мнѣ достался П. И. Хребтовъ, жившій еще въ 1846 г. въ Москвѣ), и расписанія, по какимъ улицамъ каждый корпусъ долженъ слѣдовать, и приказано, когда хвостъ корпуса выйдетъ изъ Рязанской заставы—спѣшить въ с. Панки, для принятія позиціи.

*) Почему не начали безъ него? Время было дорого. Это могло бы быть и не сказано. Безъ Раевскаго начато же было совѣщаніе, а Раевскій, своими дарованіями и другими качествами, стоялъ высоко въ общемъ мнѣніи.

томъ сдѣлалъ онъ другой вопросъ: «Ожидать ли нападенія въ неудобной позиціи, или отступить за Москву?»

Изъ всего этого возникаютъ вопросы: Кутузовъ, какъ замѣчено выше, еще до окончанія Бородинской битвы, помышляетъ только объ одномъ—какъ бы еще сразиться съ Наполеономъ. Намѣреніе его описывается твердымъ; но онъ, *не находя* ни одной позиціи изъ предлагавшихся ему, на пути отъ Бородина до Москвы—здѣсь непреклонно рѣшается не оставлять столицы *безъ боя*, и, подведя къ ней армію, онъ полагалъ «*потерю Москвы, тѣсно связанною съ потерею Россіи,*» и даже, въ часъ пополудни 1-го Сентября, объявилъ Графу Ростопчину, что: *и въ улицахъ буду драться*, и этотъ готовитъ народъ къ совокупному дѣйствію —и вдругъ, чрезъ нѣсколько часовъ, на совѣтѣ въ Филяхъ, находитъ позицію передъ городомъ—*неудобною*, и т. п. Не взирая однако же на все это, онъ избѣгаетъ произнести первымъ, даже въ вопросѣ, тогда роковаго слова, самую мысль о возможности *оставить Москву*, и когда Беннигсенъ предложилъ вопросъ: *выгоднѣе ли сражаться предъ Москвою, или* оставить ее непріятелю? Кутузовъ прерываетъ его, и требуетъ подробнаго изложенія *невыгоды позиціи* и *пагубныхъ* послѣдствій сраженія, и *тогда только* повторилъ смыслъ вопроса, сдѣланнаго Беннигсеномъ, измѣнивъ оный, какъ было видно, *ожидать ли нападенія въ неудобной позиціи, или отступить за Москву?* Очень естественно, что по образу изложенія вопроса, никто не могъ настаивать—*ожидать непріятеля въ неудобной позиціи.*

Въ преніи, возникшемъ при разрѣшеніи сего вопроса, были главными дѣятелями: Беннигсенъ и Барклай-де-Толли (стр. 286). Доводы обоихъ сильны и убѣдительны. «Барклай-де-Толли объявилъ, что для спасенія отечества главнымъ предметомъ было сохраненіе арміи; въ занятой нами позиціи—сказалъ онъ—*насъ навѣрное разобьютъ*... Горестно (присовокупилъ онъ) оставить столицу; но если мы не лишимся мужества и будемъ дѣятельны, то *овладѣніе Москвою принесетъ гибель Наполеону.*» Беннигсенъ говорилъ въ духѣ народа и арміи. Онъ представилъ на это вопросы о вліяніи, которое произойдетъ отъ сего и въ Россіи, и за границею, и присовокупилъ (стр. 287): «Стыдно оставить столицу безъ выстрѣла. Если мы рѣшимся отступить, никто не повѣритъ, что Бородинское сраженіе нами выиграно.... Развѣ, послѣ уступленія Москвы, наша армія прійдетъ въ лучшее устройство, потому, что вѣдь надобно же будетъ гдѣ нибудь намъ остановиться? Я не постигаю, зачѣмъ думаютъ о неминуемомъ пораженіи и потерѣ артиллеріи, между тѣмъ, какъ послѣ Бородинскаго сраженія, мы, въ отношеніи къ непріятелю, имѣемъ ту выгоду, что *получили разныя подкрѣпленія*. Мы, тѣ же Русскіе, которые съ

примѣрною храбростью всегда сражались. 26-го Августа понесли мы значительный уронъ, но убыль непріятеля не меньше нашей; если наша армія разстроилась, то и непріятельская не въ лучшемъ положеніи. Винценгороде уже извѣстилъ насъ, что Наполеонъ отрядилъ вице-короля на Рузу, для обхода нашего фланга. Мы знаемъ также, что другой корпусъ обходитъ насъ слѣва. Потому я предлагаю: собрать ночью всѣ силы на лѣвомъ крылѣ и итти на центръ Наполеона, ослабленный корпусами, посланными обходить насъ. Мы разобьемъ центръ его, и тогда два корпуса, отряженные Французами въ обходъ, не только будутъ въ бездѣйствіи, но въ необходимости, чтобъ не быть отрѣзанными, помышлять о поспѣшномъ соединеніи съ главными своими силами. Если же намъ прійдется отступить послѣ сраженія, то должно итти на *старую* или *новую Калужскую дорогу, для угроженія сообщеніямъ непріятеля.*»

Барклай-де-Толли, не отвергая этого, отвѣчалъ (стр. 288): «*Надлежало ранѣе помышлять* о наступательномъ движеніи, и сообразно тому расположить армію. *На то было время еще поутру,* при первомъ моемъ объясненіи съ Генераломъ Беннигсеномъ о невыгодахъ позиціи: *теперь уже поздно*. Въ ночной темнотѣ трудно различать войска, скрытыя въ глубокихъ рвахъ, а между тѣмъ непріятель можетъ ударить на насъ.» Сказавъ потомъ, что послѣ Бородина многими полками командуютъ неопытные штабъ-офицеры и т. п., присовокупилъ: «Я предлагаю отступить къ Владиміру и Нижнему Новугороду».

Здѣсь замѣчательно то, что Барклай-де Толли не отвергъ предложенія Беннигсена—напасть на центральную непріятельскую колонну, и говоритъ, что слѣдовало помышлять о семъ поутру, когда было время и сообразно тому расположить армію. Но не отъ него зависѣло расположеніе арміи; не онъ былъ главнокомандующимъ, а Кутузовъ. *) Изъ Смоленска, онъ, по сей же книгѣ, предпринималъ уже подобное, думая что Наполеонъ, разобщенными силами, изъ Витебска идетъ по дорогамъ чрезъ Порѣчье и Рудню, а тогда силы Наполеона были еще свѣжи и многочисленны, слѣдовательно нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы подъ Москвою онъ не воспользовался симъ противъ значительно уже ослабленнаго непріятеля. Обращаюсь къ Филямъ.

*) Здѣсь невольно обращается вниманіе на донесеніе Барклая (стр. 159), по прибытіи Кутузова къ арміи, гдѣ Барклай, изъявляя Государю готовность служить арміи, въ какомъ бы то ни было званіи, между прочимъ, какъ мы видѣли, что армія наша неотмѣнно должна была отступить *до стѣнъ Москвы*, не имѣя числительности, могшей воспротивиться непріятелю. Но онъ не говоритъ въ то время о сдачѣ Москвы, ибо, конечно предполагалъ, что непріятель подойдетъ къ ней изнуренный и числительностью и физически, а мы, напротивъ, усилясь можемъ предпринять противъ него наступательныя дѣйствія. Все согласуется съ этимъ предположеніемъ.

Съ Беннигсеномъ согласились *четверо:* Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ *). Съ Барклаемъ *двое:* Графъ Остерманъ и Толь. Первый, Остерманъ, сказалъ (стр. 289): что «*Москва не составляетъ Россіи.* Наша цѣль не въ одномъ защищеніи столицы, но всего отечества, а для спасенія его главный предметъ есть сохраненіе арміи.» Толь (288) «предложилъ, оставя позицію, расположить армію правымъ крыломъ къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ *новой Калужской дорогѣ*.... и потомъ, если обстоятельства потребуютъ, отступить къ *старой Калужской дорогѣ*». Этотъ путь, какъ видно было выше, *указанъ былъ уже Беннигсеномъ.*

Раевскій пріѣхалъ, когда совѣщаніе приходило уже къ концу (стр. 289). «По приказанію фельдмаршала, Ермоловъ объяснилъ ему о чемъ шло дѣло. Раевскій сказалъ: *если позиція отнимаетъ у насъ возможность* пользоваться всѣми нашими силами; если уже рѣшено дать сраженіе, то *выгоднѣе итти непріятелю навстрѣчу*, чѣмъ ожидать его. Это есть лучшее средство разстроить планъ его аттаки; но, для подобнаго предпріятія, войска наши не довольно привычны къ маневрамъ, и потому мы можемъ на малое только время замедлить вторженіе Наполеона въ Москву» и т. д. присовокупивъ: «мое мнѣніе: оставить Москву безъ сраженія; но я говорю, какъ солдатъ. Князю Михаилу Іларіоновичу предоставлено судить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи произведетъ извѣстіе о взятіи Москвы.» Слѣдовательно это мнѣніе усиливало только ту сторону, къ которой склонится Кутузовъ. Кайсаровъ, бывшій въ совѣтѣ, по-видимому, не изложилъ своего мнѣнія.

Фельдмаршалъ, выслушавъ различныя мнѣнія, заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: (стр. 290): «Первою обязанностью поставляю сохранить армію, и сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ *уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю* (буквальное повтореніе словъ Барклая). Изъ Москвы я намѣренъ итти по Рязанской дорогѣ. Знаю, что отвѣтственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою для блага отечества,» Сказавъ, онъ всталъ со стула и присовокупилъ: «приказываю отступить!»

И такъ, Кутузовъ, не смотря на всегдашнюю мысль свою сразится послѣ Бородина еще съ Наполеономъ, приготовляясь

*) Я нахожу, что, описывая разговоръ Ермолова съ Кутузовымъ на позиціи, гдѣ первый былъ противъ битвы, должно было выразиться яснѣе. а иначе Ермоловъ представляется также не съ опредѣленнымъ мнѣніемъ: ибо здѣсь онъ вдругъ присоединяется къ мнѣнію Беннигсена. Это бросается, безъ объясненія, въ глаза, а дѣло самое простое. Тамъ онъ былъ противъ битвы на позиціи, но при предложеніи не оставлять Москвы безъ боя — присоединился къ наступательному дѣйствію.

встрѣтить его предъ Москвою на позиціи, которую укрѣплялъ· теперь отказывается не только что отъ сего, да и не соглашается на предложеніе Беннигсена напасть на одну изъ трехъ частей разобщенныхъ силъ Наполеона, съ чѣмъ согласилось и большинство и чего не отвергалъ и самъ Барклай присовокупивъ, что объ этомъ *слѣдовало подумать по утру* и т. д. и что, какъ видно было выше, самъ авторъ находилъ это *однимъ средствомъ*. Но здѣсь Кутузовъ не имѣетъ уже своего самостоятельнаго мнѣнія, и преклоняется предъ убѣжденіями Барклая, и безъ выстрѣла отдаетъ Москву, которая полагалась на него и готова была вся, подъ предводительствомъ Ростопчина и Преосвященнаго, содѣйствовать ему. Это внезапное измѣненіе въ мнѣніи Кутузова, какъ въ общемъ смыслѣ, такъ и въ частностяхъ, слишкомъ разительно. Съ 17-го Августа, до самой минуты собранія совѣта, въ Филяхъ (1-го Сентября, въ пять часовъ вечера), всегда и повсюду отзывался съ изложеніемъ непреклоннаго своего мнѣнія: *не оставлять безъ битвы Москвы, что потеря ея соединена съ потерею Россіи*. Онъ находилъ себя *довольно еще сильнымъ* и послѣ Бородина, ожидая *не только остановить Наполеона, но и одержать поверхность;* что силы его *въ почтенномъ еще состояніи* и пр. и пр. и на сей предметъ дѣлаетъ всѣ распоряженія и приготовленія, даже *на курьерскихъ* лошадяхъ требуетъ привозки лопатъ и кирокъ, на *обывательскихъ* тяжелой артиллеріи и т. д., и каждый разъ отказывается или подъ предлогомъ, что позиція неудобна, на которой, однако же, возводитъ укрѣпленія, напрасно изнуряя войско, или потому, что ожидаемыя подкрѣпленія не подошли, какъ будто бы часъ прибытія оныхъ ему не былъ извѣстенъ и пр.... Въ часъ пополудни, 1-го Сентября, на позиціи, онъ обнадѣживаетъ еще Ростопчина, что *и въ улицахъ буду драться*.... а при открытіи совѣта, онъ уже показываетъ нерѣшимость дѣйствовать съ непріятелемъ, и хочетъ сохранить армію...» *По уничтоженіи арміи—и Москва и Россія потеряны*, произнесъ онъ, или, лучше сказать, повторилъ то, что гораздо опредѣлительнѣе писалъ Ростопчину 17-го Августа, что съ *потерею Москвы соединена потеря Россіи*. Заключая же совѣтъ и соглашаясь съ мнѣніемъ, имъ самимъ вызваннымъ, чтобы оставить Москву безъ боя, вдругъ говоритъ «*съ потерею Москвы не потеряна Россія*.» Здѣсь онъ уже отдѣляетъ Россію отъ Москвы! Тамъ *потеря Москвы тѣсно соединена была съ потерею Россіи*, а чрезъ часъ—*съ потерею Москвы не потеряна Россія!*

Въ изложеніи преній совѣта въ Филяхъ, книга даетъ понимать, что Кутузовъ послѣдовалъ обдуманному мнѣнію Барклая—о необходимости оставить Москву, которая должна содѣлаться гробомъ

Французской арміи: «*Овладѣніе Москвою приготовитъ гибель Наполеону*,» сказалъ Барклай! Слѣдовательно Кутузову, по этой самой книгѣ не будутъ приписывать всего того, что онъ говорилъ въ послѣдствіи, принимая на себя оставленіе Москвы, какъ бы планъ, имъ обдуманный.

Каждый безпристрастный читатель книги Михайловскаго-Данилевскаго увидитъ великое самоотверженіе Барклая въ ту критическую для него минуту, когда общее мнѣніе Россіи, какъ говоритъ авторъ, обвиняло его; но онъ не колеблется, первый предлагаетъ *оставить Москву*, и выражаетъ это достойнымъ образомъ: *Овладѣніе Москвою приготовитъ гибель Наполеону!* Кутузовъ всегда показывавшій противное съ Барклаемъ мнѣніе, и тѣмъ нѣкоторымъ образомъ усиливавшій въ народѣ ненависть къ нему, вдругъ, въ самую рѣшительную минуту, убѣждается доводами Барклая и произноситъ *за нимъ уже*, роковое слово *оставить Москву*. Если не было другихъ средствъ изгнать непріятеля изъ Россіи, кромѣ, какъ уступить ему Москву, то, кому принадлежитъ эта мысль: Кутузову или Барклаю? И кому изъ нихъ обязаны за торжество тогда Россіи и за всѣ послѣдствія, рѣшить по книгѣ не трудно.

Кутузовъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы думать, что *отвѣтственность падетъ на него одного*, какъ онъ выразился при окончаніи совѣта. Онъ раздѣлилъ бы ее съ Барклаемъ, своимъ предмѣстникомъ, лицомъ, пользовавшимся довѣренностью Государя. А притомъ, не онъ ли первый подалъ голосъ, прямо, безъ обиняковъ *оставить Москву?* Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, онъ раздѣлилъ бы отвѣтственность съ Кутузовымъ. Барклай былъ отозванъ отъ поста, какъ потому что отечественная война требовала главнокомандующаго съ большимъ старшинствомъ, чтобы онъ могъ сосредоточить въ себѣ главное начальство надъ всѣми отдѣльно-дѣйствующими арміями—на сѣверѣ, западѣ и югѣ, такъ и потому что, по положенію тогда умовъ, предводитель, для успокоенія народной мнительности, долженъ былъ носить Русское имя. Все это есть и въ книгѣ. Въ особенности (ч. II стр. 290) авторъ говоритъ, что «изъ всѣхъ *Русскихъ* генераловъ одинъ Кутузовъ могъ оставить непріятелю Москву, не повергнувъ государство въ глубокое уныніе,» и присовокупляетъ, что «въ Отечественную Войну Кутузовъ былъ сущею необходимостью для Россіи.» Я замѣтилъ уже, что Кутузовъ самъ искалъ вызвать это мнѣніе, на которое намекнулъ Беннигсенъ, а потомъ высказалъ прямо Барклай. Относительно же *сущей необходимости* и слова *Русскій*, даетъ понимать то, что я сказалъ выше, что, въ Отечественную Войну главнокомандующій, по состоянію тогда умовъ, долженъ былъ быть Русскій, а потому Фельдмаршалы Князь Прозоровскій и Графъ Ка-

менскій, умершіе за три года предъ этою войною, и Графъ Гудовичъ послѣ оной, могли бы сдѣлать то же, какъ потому, что они были уже фельдмаршалы, и хотя старше Кутузова лѣтами, но гораздо подвижнѣе. Ибо все, что сдѣлалъ Кутузовъ (по книгѣ), указывалось Беннигсеномъ и Барклаемъ. Обращаюсь къ предмету.

Выше видно было предположеніе автора что Кутузовъ мыслилъ предъ Москвою на позиціи, которую продолжали укрѣплять « и что, будто бы *желая болѣе скрыть свои мысли на счетъ оставленія москвы. которое онъ, конечно, уже предположилъ въ умѣ»* и т. д. Но на чемъ авторъ основываетъ предположеніе этой затаенной мысли въ Кутузовѣ? Правда, что авторъ приводитъ это какъ догадку, ибо говоритъ: «*конечно*»; и если это такъ, то слѣдовало бы и вести разговоръ въ этомъ направленіи, а не приводить столько фактовъ, совершенно разрушающихъ эту догадку. Положимъ, что это истина: тогда каждый спроситъ, во-первыхъ, что же Кутузовъ сдѣлалъ лучшаго противъ Барклая? Этотъ, можетъ быть, воспользовался бы разобщеніемъ непріятельскихъ силъ на походѣ къ Москвѣ, что было онъ и предпринималъ подъ Смоленскомъ, противъ несравненно числительнѣйшаго непріятеля, еще неизнуреннаго и сильнаго конницею, и здѣсь не отвергалъ возможности такого движенія, но для сего необходимо было иначе расположить армію.

Во-вторыхъ, если Кутузовъ имѣлъ уже въ соображеніи оставленіе Москвы, и, положимъ, что всѣ, предпринимаемые имъ на мѣстѣ мѣры могли клониться къ тому, чтобы не подать преждевременно повода къ ропоту въ арміи, и не возбудить въ Московской черни какихъ либо порывовъ; но предъ Государемъ скрывать сего было нельзя.

Кутузовъ не поспѣшилъ донести о рѣшеніи своемъ въ Филяхъ, что замѣчаетъ и авторъ (стр. 368): «по окончаніи военнаго совѣта въ Филяхъ, Князь Кутузовъ не донесъ Государю тотчасъ же *какъ слѣдовало*, о своемъ намѣреніи уступить Москву безъ сраженія. *Отъ его непостижимаго* тревожнаго молчанія нѣсколько времени продолжалось недоумѣніе Императора. Весь Петербургъ говорилъ, что Наполеонъ въ Москвѣ, а Государь не имѣлъ о томъ офиціальнаго донесенія отъ главнокомандующаго. Наконецъ Его Величество получилъ отъ Графа Ростопчина письмо... въ которомъ онъ доноситъ, что Князь Кутузовъ оставилъ Москву.»

Какъ извѣстіе, что Москва оставлена безъ боя, было для Государя неожиданно, можно видѣть изъ рескрипта, съ которымъ Государь отправилъ къ Кутузову Князя Волконскаго. Въ рескриптѣ этомъ Государь пишетъ (стр. 369): «Съ 26-го Августа *не имѣлъ* я ни *какаго* донесенія отъ васъ (!). Между тѣмъ,

отъ 1-го Сентября получилъ я, чрезъ Ярославль, *) отъ Московскаго Главнокомандующаго печальное извѣстіе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву... Я отправляю съ симъ Г. А. Князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ толь несчастной рѣшимости.»

Мысль Государя, что Москва безъ боя не будетъ оставлена непріятелю, подтверждается авторомъ и еще (ч. III стр. 31): «Чернышевъ, посланный Государемъ къ Кутузову, узнаетъ дорогою объ отступленіи арміи отъ Можайска къ Москвѣ. Предполагая однако, *по мнѣнію Государя, что предъ столицею непремѣнно произойдетъ сраженіе*, онъ, сколько можно спѣшилъ въ главную квартиру и т. д.» **) На какомъ же основаніи Государь полагалъ, что передъ столицею *непремѣнно* произойдетъ сраженіе? Стоитъ просмотрѣть обнадеживающія донесенія Кутузова и сообщаемыя, конечно Ростопчинымъ, Государю, все, что онъ получалъ отъ фельдмаршала, чтобы увидѣть это. Словомъ, Кутузовъ не подавалъ и тѣни подозрѣнія, что онъ намѣренъ сдать Москву безъ боя. Отъ Государя своихъ предположеній онъ скрывать не могъ, по крайней мѣрѣ не долженъ былъ. Книга наполнена разнорѣчіями, писана безъ опредѣленнаго плана, а потому и подаетъ поводъ заключить, что Главнокомандующій не имѣлъ опредѣленнаго плана кампаніи, хотя бы въ главныхъ основаніяхъ.

Только 9-го Сентября, въ девять часовъ вечера, Полковникъ Мишо привезъ донесеніе (о содержаніи котораго скажу далѣе) отъ Князя Кутузова. Авторъ (стр. 370—374) приводитъ разговоръ Государя съ Полковникомъ Мишо. Первое слово Монарха было: «Конечно вы пріѣхали съ печальными вѣстями?»—«По несчастію, весьма печальными: Москва нами оставлена.»—«Какъ,» прервалъ Императоръ, «развѣ мы проиграли сраженіе, или *Мою древнюю столицу отдали безъ боя?*» и т. д.

Это молчаніе и по оставленіи уже Москвы, примется всѣми за умышленное—для того, чтобы первая вѣсть о семъ великомъ событіи, подобно какъ и въ Филяхъ, не шла отъ перваго его, и тѣмъ избѣжать перваго впечатлѣнія Кутузовъ могъ донести о семъ не только что тотчасъ по окончаніи совѣта, но и 2-го Сентября, когда изъ Москвы въ Клинъ дорога была еще свободна, и тогда Государь получилъ бы извѣстіе объ оставленіи Москвы не 9-го числа въ девять часовъ вечера, и о происходившемъ въ Филяхъ онъ зналъ бы 4-го числа, а объ оставленіи Москвы 5-го утромъ, а можетъ быть и гораздо ранѣе.

*) Замѣчательно, почему чрезъ Ярославль? 1-го и даже 2-го Сентября по полудни, прямая дорога на Клинъ и Тверь была еще свободна.

**) Обязанность его была и безъ того спѣшить.

Предположимъ наконецъ, что до прибытія арміи къ Москвѣ, Кутузовъ могъ скрывать отъ Ростопчина, *предположенное уже въ умѣ своемъ*, оставленіе столицы безъ боя, по тѣмъ причинамъ, которыя объяснены выше; но уже 1-го Сентября, въ особенности послѣ полудня, когда онъ завѣрялъ еще, что и *въ улицахъ будетъ драться*, какъ авторъ приводитъ (стр. 351) донесеніе Ростопчина Государю: «До 30-го Августа Князь Кутузовъ писалъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться. 1-го Сентября, когда я съ нимъ видѣлся, онъ то же самое мнѣ говорилъ, повторяя: *и въ улицахъ буду драться*. Я оставилъ его въ часъ пополудни. Въ восемь часовъ онъ прислалъ мнѣ извѣстное письмо, требуя полицейскихъ офицеровъ для препровожденія арміи изъ города, оставляемаго имъ какъ онъ говоритъ, съ крайнимъ прискорбіемъ.»

Прочитывая со вниманіемъ разсматриваемую книгу, находимъ, что изложеніе ея не допускаетъ ни какой возможности заключать, по приводимымъ въ оной даннымъ, что Князь Кутузовъ имѣлъ какой-либо опредѣленный, хотя бы только въ главныхъ чертахъ, планъ дѣйствій. Онъ изображается въ книгѣ не самостоятельнымъ, не рѣшительнымъ въ главные моменты, чтобы дѣйствовать. И нѣтъ ни какого повода сомнѣваться, чтобы онъ не думалъ положительно, отъ самаго Бородина до Москвы, дать еще сраженіе, но, съ приближеніемъ онаго, авторъ оправдываетъ его нерѣшительность очень слабо, и еще чаще противорѣчитъ себѣ въ фразахъ. Подойдя же къ Москвѣ, не прибѣгая къ памяти, но, по всѣмъ даннымъ въ книгѣ, ясно видно, что Князь Кутузовъ, съ самаго утра, до прибытія еще войскъ, находился на позиціи; при немъ они занимали свои мѣста. Потребовавъ скамейку, сѣлъ и оставлялъ продолженіе сооруженія редутовъ людьми, требовавшими отдыха, отдавалъ приказанія объ устройствѣ на позиціи коммуникаціонныхъ мостовъ, безпрерывно посылалъ за разными матеріялами въ городъ, и, въ часъ пополудни сказалъ еще Московскому главнокомандующему, что *и въ улицахъ буду драться*. Словомъ, все (по книгѣ) доказываетъ, что рѣшимость сразиться — была непоколебима. Могъ ли въ это уже время Князь Кутузовъ *скрывать* отъ Ростопчина свое намѣреніе и оставить его вооружать народъ, и принимать всѣ мѣры къ дѣятельному содѣйствію арміи? Могъ ли онъ оставить Преосвященнаго Августина, со всѣмъ духовенствомъ, воспламенять народъ, который пріобщался Св. Таинъ, и въ головѣ котораго онъ, съ хоругвями, долженъ былъ итти на защиту святынь? Все это, и еще многое, находится въ книгѣ, и могущественно пересиливаетъ фразы автора, самымъ неопредѣленнымъ образомъ высказываемыя.

Изъ всѣхъ же фактовъ видно, что Кутузовъ, оставивъ, въ часъ пополудни позицію, имѣлъ намѣреніе *дѣйствовать;* но при-

бывъ въ Фили, должно полагать, поколебался въ своемъ намѣреніи, ибо, около четырехъ часовъ времени, столь тогда драгоцѣннаго, онъ оставался *въ бездѣйствіи.* Авторъ говоритъ о семъ (стр. 285): «День склонялся къ вечеру; однако не было еще отдано приказаній ни къ сраженію, ни къ оставленію Москвы. Часу въ пятомъ, фельдмаршалъ приказалъ созвать совѣтъ и пр.» — Если бы Князь Кутузовъ, по возвращеніи въ Фили, былъ дѣйствительно одушевленъ сказанными словами, какъ видно было выше, Принцу Евгенію Виртембергскому, оставляя позицію (стр. 285): «Въ этомъ дѣлѣ мнѣ надобно полагаться *только на самого себя* каковъ бы я ни былъ уменъ или простъ»; — то онъ не замедлилъ бы принять ту или другую рѣшимость *самъ,* ибо время было дорого для распоряженія въ обоихъ случаяхъ; но прошло четыре часа безъ всякихъ распоряженій, и потомъ онъ отказавшись полагаться только *на самаго себя*—собралъ совѣтъ, который могъ, впрочемъ, быть собранъ и за нѣсколько часовъ ранѣе.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, вникая въ книгу, что Кутузовъ принялъ бы мнѣніе Барклая, если бы послѣдній вмѣсто того, чтобы предложить оставить Москву безъ боя, подалъ голосъ въ пользу битвы. Такъ авторъ изображаетъ Кутузова.

Авторъ, исчисляя оставленные въ Москвѣ военные предметы, какъ-то: пушки, разное оружіе, снаряды и т. п., упоминаетъ также (стр. 331), что невывезены изъ Москвы: «608 старинныхъ Русскихъ и 453 старинныхъ Турецкихъ и Польскихъ знаменъ и болѣе 1000 старинныхъ штандартовъ, значковъ, булавъ и другихъ военныхъ доспѣховъ; почти всѣ они сгорѣли.» Удивлялись тогда, удивляются теперь и будутъ всегда удивляться, что эти памятники отечественной славы отдаленныхъ временъ—были оставлены непріятелю! Ростопчинъ можетъ основательно повторить сказанное имъ въ письмѣ, что *если бы Кутузовъ за два дня* предупредилъ его о намѣреніи оставить столицу, то онъ распорядился бы, и тогда, конечно, въ этомъ случаѣ не оставилъ бы ихъ непріятелю; для сего не нужно было подводъ, чтобы вынести эти трофеи изъ Москвы, къ сему не представлялось рѣшительно ни какихъ препятствій, ибо двѣ а много три тысячи человѣкъ изъ жителей Москвы, каждый, взявъ по одному изъ помянутыхъ предметовъ, легко бы вынесли до Боровскаго перевоза а тамъ не трудно было бы ихъ отправить къ Рязань. Можетъ быть, Ростопчинъ сдѣлалъ бы это и 1-го Сентября, если бы Кутузовъ имѣлъ уже намѣреніе оставить Москву, и сказалъ бы ему поутру (но тогда онъ не имѣлъ положительнаго намѣренія); но въ восемь часовъ вечера Ростопчинъ не могъ уже имѣть къ тому средствъ. Средства эти были во власти Князя Кутузова. Два, три полка, словомъ, около 3000 человѣкъ, при отступленіи,

или даже съ вечера, когда оно было рѣшено, могли остановиться у воротъ зданія, гдѣ они хранились, и въ часъ или два при соблюденіи порядка, ихъ вынести, тѣмъ болѣе, что соборъ, Грановитая Палата и арсеналъ, гдѣ все это заключалось, находятся въ одномъ мѣстѣ. Вынеся за городъ, запасные лафеты, самыя пушки и другія подобныя средства облегчили бы солдатъ до Боровскаго перевоза. Огромное число жителей, направившееся на Рязань, съ радостію бы отъ сего мѣста взялись доставить оные до Рязани. Казаки помогли бы содѣйствовать тому, а можетъ быть нашлись бы и подводы, чтобы лишить непріятеля этихъ памятниковъ отечественной славы, но объ этомъ не было и помину. Обращаюсь теперь къ донесенію фельдмаршала Государю объ оставленіи Москвы.

Донесеніе это помѣщено авторомъ (стр. 374—376) вполнѣ, но безъ поясненій нѣкоторыхъ мѣстъ, кои, не только-что для иностранцевъ, но и для многихъ изъ насъ, могутъ служить поводомъ къ недоразумѣніямъ и толкованіямъ, не въ пользу писавшаго это донесеніе. Приводя въ ономъ побудительныя причины (совершенно противоположно всему, что было писано прежде) оставленія Москвы, и, упоминая, что послѣ сраженія при Бородинѣ «армія была приведена *въ крайнее разстройство*, что, въ такомъ *истощеніи силъ* она приближалась къ Москвѣ, и пр. Эти выраженія представляютъ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе со всѣмъ тѣмъ, что было сказано въ книгѣ, гдѣ видно, что Кутузовъ, послѣ Бородина, до самой Москвы и подъ оною, не только что приготовляется къ бою, но именно говоритъ о силѣ своей арміи, съ которою онъ *не только что можетъ противиться непріятелю, но и одержать надъ нимъ поверхность*. Это видно было выше. Здѣсь не буду болѣе замѣчать сихъ безпрерывныхъ противорѣчій, но обращу вниманіе на нѣкоторыя другія мѣста этого донесенія.

Далѣе: продолжая оправдывать себя, онъ говоритъ... «непріятель же пустилъ *двѣ новые колонны*, одну—по Боровской, а другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой, отъ Москвы,»

Слово *двѣ новыя колонны*, при первомъ впечатлѣніи, даетъ понимать, какъ будто Наполеонъ былъ усиленъ *вновь прибывшими войсками и въ двухъ колоннахъ, направленными по двумъ дорогамъ на тылъ Кутузова;* тогда какъ эти *двѣ новыя колонны* были не что иное, какъ части той же самой арміи, которая сражалась подъ Бородинымъ, и ослабленной еще корпусомъ Жюно, оставленнымъ въ Можайскѣ (все это находится въ самой книгѣ). По смыслу же донесенія, заключающемуся исчисленіемъ причинъ, побудившихъ оставить Москву,

выраженіе: *двѣ новыя колонны*, набрасываетъ на Кутузова тѣнь, что онъ какъ бы желалъ увеличить въ глазахъ Государя угрожавшую опасность арміи предъ Москвою, давая понять, для перваго впечатлѣнія, появленіе *двухъ новыхъ колоннъ*, *угражавшихъ его тылу отъ Москвы*, не поясняя, откуда они взялись и что такое эти колонны.

Кутузовъ продолжаетъ: «Вступленіе непріятеля въ Москву— *не есть еще покореніе Россіи* (!). Напротивъ, съ войсками, которыя *успѣлъ я спасти*, дѣлаю я движеніе на *Тульскую дорогу* (самъ же идетъ по Рязанской). Сіе приведетъ меня въ состояніе *защитить городъ* Тулу (!), гдѣ хранится важнѣйшій заводъ, и Брянскъ, въ которомъ столь же важный литейный дворъ,» и т.д. Это онъ пишетъ съ Рязанской дороги, которую потомъ вдругъ оставляетъ, и идетъ туда, куда *указывалъ* Беннигсенъ, и, вмѣсто защиты городовъ *Тулы* и *Брянска*, останавливается въ Тарутинѣ, по старой Калужской дорогѣ и т. п. Какая неопредѣленность! *) Какое утѣшеніе дѣлаетъ онъ великодушнѣйшему изъ Монарховъ, твердости характера котораго, безъ исключенія, какъ Россія, такъ и вся Европа. во всемъ обязаны низложеніемъ гиганта! Оставивъ Москву, Кутузовъ утѣшаетъ его своимъ предлоложеніемъ защищать Тулу. Брянскъ, и пр. Куда же дѣвались спросятъ, надежды, одушевлявшіе его только за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ?

Что такое за выраженіе: что занятіе Наполеономъ *Москвы* не есть еще *покореніе Россіи*, что *потеря Москвы—не есть потеря отечества?* Не говорю уже о томъ, что прежде онъ говорилъ, что *потеря Москвы* соединена съ потерею Россіи; но можно ли допустить, чтобъ Князь Кутузовъ могъ думать, будто 100,000 человѣкъ разноплеменныхъ, занявъ Москву могли этимъ покорить всю Россію? Конечно и самъ Наполеонъ далекъ былъ отъ этой мысли: онъ сдѣлалъ набѣгъ, полагая, что Императоръ Александръ, по добротѣ своего сердца, поспѣшитъ заключить міръ, чтобы отвратить дальнѣйшее разореніе своихъ подданныхъ, и что Наполеонъ будетъ имѣть дѣло только съ одною арміею. Онъ ошибся, и погибъ. Доброта сердца Царя не достигала до того, чтобы подписать стыдъ своимъ подданнымъ. Онъ

*) По книгѣ ясно (стр. 292), когда Кутузовъ объявилъ Генералъ-Интенданту Ланскому что идетъ по Рязанской дорогѣ, этотъ отвѣчалъ, что тутъ продовольствія нѣтъ, а оно сосредоточено въ Калугѣ. Кутузовъ сказалъ ему «подумаю» и приказалъ ему прійти на другой день. Послѣ Бородина фельдмаршалъ велѣлъ направлять продовольствіе на Калугу, ибо, какъ видно было выше, онъ хотѣлъ послѣ сего сраженія отступать, или на Москву или на Калугу, и потомъ избралъ первый пунктъ. Направившись же изъ Москвы по Рязанской дорогѣ, въ книгѣ нѣтъ фактовъ, доказывающихъ намѣреніе его перейти на Калужскую. Впрочемъ нельзя было и предвидѣть оплошности Мюрата и Себастіани; въ противномъ случаѣ, подобное движеніе могло обойтись намъ очень дорого.

выражалъ это до войны и во все продолженіе оной... Что будутъ думать, не говоря уже объ иноземцахъ, наши потомки, о событіяхъ 1812 г., находя въ исторіи, что начальствующій надъ всѣми силами государства, говоритъ только о возможности *покоренія Москвы—покоренія Россіи, потери отечества!* Ищетъ только, *спасать армію*, и т. п. Авторъ, съ своей стороны, не скупится фантазировать на эту тему; такъ, напримѣръ, исчисливъ всѣ бѣдствія, и сказавъ о рѣшимости въ совѣтѣ оставить Москву, онъ присовокупляетъ (стр. 291): «Казалось, что, съ оставленіемъ Москвы, исчезла та опредѣлительная цѣль, для которой вели войну, настежъ отворялись двери въ отечество, и *Россія—падала, сокрушалась подъ ударами ожесточенныхъ враговъ.*» Послѣ сего понятны будутъ слезы у многихъ,» и т. д.—«Самъ Кутузовъ (стр. 293) нѣсколько разъ въ ту ночь плакалъ.» *) Не будутъ ли основательно заключать, и въ особенности принимая въ соображеніе могущество Наполеона въ Европѣ и скорое имъ овладѣніе Москвою,—что дѣйствительно участь Россіи висѣла на одномъ волоскѣ, и что сохраненіемъ ея обязаны только тому, что Наполеонъ оставался долго въ Москвѣ, и морозу, котораго онъ дождался? Не обязаны ли наши ученые обратиться къ критическому размотрѣнію всей иноземной клеветы и нашихъ собственныхъ критикъ, служащихъ часто основаніемъ, пищею иноземцамъ? Токою разработкою могутъ заняться и небывалые въ огнѣ, а такихъ ученыхъ очень много. Нужно быть только добросовѣстными. Обращаюсь къ донесенію.

Отъ какой бѣды Кутузовъ *успѣлъ спасти войска*? Здѣсь онъ понимаетъ—отъ битвы подъ Москвою. Тогда опять спросятъ, что по этому онъ не зналъ состоянія арміи и дѣлъ до собранія совѣта въ Филяхъ! Если же онъ относитъ значеніе слова—*успѣлъ я спасти*—къ отступленію отъ Бородина, то на это могутъ сдѣлать безчисленныя возраженія и уличить автора въ безднѣ противорѣчій. Во всякомъ случаѣ, если уже дѣло идетъ о славѣ *спасенія арміи*, то она, конечно, принадлежитъ болѣе въ началѣ Багратіону и Барклаю, спасавшимъ армію противъ сильнѣйшаго непріятеля, на пространствѣ, въ нѣсколько разъ длиннѣйшемъ.

Замѣтимъ любопытное заключеніе этого донесенія. Вотъ оно:

«... Впрочемъ, Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи *нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска (!) и съ тѣмъ раз-*

*) Въ концѣ главы сей, для полноты картины, нахожу необходимымъ сдѣлать вкратцѣ выписку изъ *заключенія*, составленнаго мною къ полному разбору описанія Отечественной Войны, труда, оконченнаго въ 1849 году. Въ этомъ извлеченіи я ограничусь только указаніемъ, какъ неосновательно разбираемое мною сочиненіе переполнено выраженій, оскорбительныхъ для Русскаго того времени.

строеннымъ состоянiемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ (!)»

Вотъ два главные предлога, выставленные въ книгѣ Княземъ Кутузовымъ, которыми онъ ищетъ оправдать себя, что оставилъ безъ боя Москву. Авторъ, искавшiй изобразить Кутузова въ блескѣ славы, могъ бы, подобно Бутурлину, не приводить сего документа, если дѣйствительно онъ существуетъ въ такомъ содержанiи. Предлоги эти набрасываютъ тѣнь клеветы, которой, конечно, маститый вождь, нашъ былъ чуждъ, и если что подобное могло вкрадываться въ его донесенiя, это должно отнести къ случайности, къ недоговору, къ неясности въ выраженiи и т. п., а отнюдь не къ буквальному значенiю выраженiй, столь несоотвѣтственныхъ значенiю лица, облеченнаго званiемъ главнокомандующаго всѣхъ силъ государства. Неужели Князь Кутузовъ не могъ изложить болѣе основательныхъ причинъ, побудившихъ его оставить Москву, и которыя такъ рѣзко не противорѣчили бы всему предшествующему! Что могло быть проще, какъ донести о пренiяхъ въ Филяхъ, о мнѣнiи предшественника его, въ званiи главнокомандующаго, Барклая; но авторъ говоритъ (стр. 286-я), что не было составлено, будто бы, и протокола этому совѣщанiю! Трудно будетъ потомству повѣрить на слово, чтобы когда дѣло шло подъ стѣнами Москвы, *о потерѣ, покоренiи Россiи*, не соблюдено было всѣми принятой формальности, и что, въ донесенiи о семъ Государю, Кутузовъ не говоритъ.

Неужели же Кутузовъ могъ думать, что Государь не зналъ положенiя дѣлъ, когда армiя была подъ Смоленскомъ, и не зналъ, что тамъ Наполеонъ имѣлъ свою армiю почти во всей ея силѣ? По самой книгѣ видно, что духъ ея стоялъ еще высоко, и что только послѣ Смоленска она начала ослабѣвать, какъ въ этомъ отношенiи, такъ въ физическомъ и матерiяльномъ. Наша армiя, по соединенiи въ Смоленскѣ, была третьею частiю малочисленнѣе непрiятельской. Вездѣ же, гдѣ было нужно, Барклай поставлялъ твердый оплотъ непрiятелю; такъ, Дохтуровъ удерживалъ Смоленскъ цѣлый день противъ вчетверо сильнѣйшаго непрiятеля, чтобъ дать время армiи совершить предположенное движенiе. То же видимъ на Валутиной Горѣ. Но было бы безразсудство въ то время, въ такомъ положенiи отважиться на генеральное сраженiе, чтобы удержать за собою Смоленскъ, когда Кутузовъ подъ Москвою, почти въ равныхъ силахъ съ Наполеономъ, котораго армiя была уже истощена отъ всѣхъ лишенiй, полудеморализирована, что свидѣтельствуютъ всѣ Французскiе писатели, — не отважился защищать первопрестольной столицы, готовой ему содѣйствовать многими тысячами отважныхъ гражданъ своихъ.

Только послѣ Смоленска Французская армiя начала претерпѣ-

вать всѣ лишенія, а главное, народная война начала возгараться и поразила нравственныя силы Французской арміи.

Выше мы видѣли, что Барклай остановился въ Царевѣ-Займищѣ, и, приготовлялся къ битвѣ, соорудивъ нужныя укрѣпленія, о чемъ отъ 16-го Августа донесъ и Государю (стр. 158); но сюда на другой день прибылъ Князь Кутузовъ; позиція найдена имъ неудобною. Онъ отступилъ въ Гжатскъ, гдѣ, потомъ, также позиція оказывается неудобною, и доноситъ Государю, отъ 19-го Августа (стр. 178), что *нашелъ, что многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма истощились;* слѣдовательно это не есть еще *то разстроенное состояніе арміи, въ которомъ онъ нашелъ ее.* Съ этой разстроенной арміей, однако же, Барклай полагалъ возможнымъ выждать въ Царевѣ-Займищѣ непріятеля, а Барклай извѣстенъ своею положительностью и въ высшей степени благоразуміемъ, и судя по характеру донесеній Барклая, онъ бы не сдѣлалъ сего, съ тѣмъ, чтобы черезъ часъ послать второе донесеніе, что позиція оказалась неудобною. Чрезъ три дня послѣ 19-го числа, когда Кутузовъ писалъ Государю, что многіе полки арміи пострадали — онъ, 22-го Августа, получивъ въ подкрѣпленіе съ Милорадовичемъ, нѣсколько тысячъ новобранцевъ и ратниковъ, рѣшился же *съ этой разстроенной арміей* которую, конечно, въ три дня, ежедневно отступая, не могъ же устроить, принять Бородинское сраженіе, не опасаясь подвергнуть ее вѣрному истребленію. Онъ зналъ, что долженъ будетъ вступить въ бой съ первымъ полководцемъ своего времени, имѣвшимъ, сверхъ того, необъяснимое нравственное вліяніе на многочисленную свою армію, увѣнчанную постоянными, въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, побѣдами, подъ предводительствомъ опытныхъ вождей. Кутузовъ, послѣ всего этого, не могъ не ожидать, что битва должна произойти упорнѣйшая; но онъ, однако же, твердо остановился противъ превосходящаго третьею частью числительностью непріятеля, и далъ побѣдоносный отпоръ съ этою, *въ разстроенномъ состояніи,* арміею. Кутузовъ былъ далекъ отъ самой мысли, какъ было видно, выше, быть тутъ разбитымъ; до окончанія еще битвы сей, онъ думалъ о возобновленіи оной на другой день; ничто не побуждало его къ принятію сраженія. На чемъ же онъ основалъ свои надежды? Конечно не на неприступности позиціи и не на укрѣпленіяхъ, почти сразу, взятыхъ непріятелемъ. Но онъ основывалъ это единственно на искусствѣ опытныхъ вождей, ихъ нравственномъ вліяніи на подчиненныхъ, и на другихъ качествахъ, необходимыхъ для начальниковъ, которыми Русская армія тогда изобиловала, на примѣрной дисциплинѣ, и на отличномъ, во всѣхъ отношеніяхъ ея состояніи, и которой грудь составляла всю крѣпость занимаемаго мѣста. Непріятельскій

чугунъ скоро разгромилъ естественныя и искусственныя преграды, и хотя соединился потомъ со свинцомъ и желѣзомъ, однако не поколебалъ груди Русскаго солдата.

Кутузовъ, потерявъ половину этой арміи подъ Бородинымъ, и въ остальной части, этой, *уже*, по его выраженію, *прежде разстроенной арміи*, видѣлъ армію еще сильную, и могущую не только смѣло противостать Наполеону, но и имѣть *поверхность надъ нимъ:* такъ онъ доносилъ Государю, такъ писалъ неоднократно Графу Ростопчину и пр. Если же онъ почиталъ армію *разстроенною*, то спросятъ: зачѣмъ же подвергъ оную, а съ нею вмѣстѣ и Россію—возможности быть *покоренной*? Зачѣмъ же остановился въ Бородинѣ, если уже имѣлъ предначертаніе оставить Москву, въ которой непріятель, по его выраженію, долженъ былъ *расплыться, какъ губка въ водѣ*.

Въ другомъ мѣстѣ этого же сочиненія, встрѣчается совершенное противорѣчіе мнимому, вымышленному разстройству арміи. Когда Барклай оставилъ армію въ Тарутинѣ, и отправился въ Лифляндію, тотъ же самый авторъ говоритъ (ч. III, стр. 24): «Дорогою нѣсколько разъ доходилъ до него голосъ народа, неблагопріятно смотрѣвшаго на его военныя дѣйствія; *) ибо тогда (продолжаетъ авторъ) не постигали, *въ какомъ чрезвычайно затруднительномъ положеніи находился Барклай-де-Толли, и сколь важную, незабвенную услугу оказалъ онъ сохраненіемъ арміи во время отступленія до Царева-Займища, преслѣдуемый главными силами Наполеона, и не давъ ему нигдѣ ни малѣйшей надъ собой поверхности.*»

Согласуется ли это *съ разстроеннымъ состояніемъ арміи*, и со всѣмъ тѣмъ, что этотъ же самый авторъ говорилъ прежде о дѣйствіяхъ Барклая, а приводя слова изъ донесенія Кутузова къ Государю, разсуждаетъ совершенно иначе? Но вотъ еще:

Государь, получивъ донесеніе о прибытіи Барклая въ деревню, писалъ ему (стр. 24). »Я былъ увѣренъ, что вы весьма охотно останетесь въ арміи, чтобы вашими подвигами принудить къ уваженію васъ *даже вашихъ недоброжелателей*, такъ какъ вы это сдѣлали въ Бородинѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что вы неминуемо достигли бы сей цѣли, если бы остались въ арміи. *По дружбѣ, которую непрестану къ вамъ сохранять, я, съ безпредѣльнымъ сожалѣніемъ узналъ о вашемъ отъѣздѣ. Вопреки всѣхъ неудовольствій, которыя вы встрѣчали, вамъ*

*) Выраженіе это кажется страннымъ и едва ли правильно дошедшимъ до пера автора. Въ Тарутино армія пришла послѣ сдачи Москвы, а Москва оставлена безъ боя—не Барклаемъ, а Кутузовымъ. Слѣдовательно этотъ голосъ народа едва ли былъ тогда господствующимъ. Барклай имѣлъ личныхъ враговъ не въ классѣ народа. Это зналъ и самъ Государь, какъ увидимъ далѣе.

должно было оставаться, потому, что есть случаи, когда надобно поставить себя выше всего въ мірѣ. Я никогда не забуду вашихъ услугъ, оказанныхъ вами отечеству и Мнѣ, и надѣюсь, что вы окажете важнѣйшія. Хотя нынѣшнія обстоятельства не могутъ быть благопріятнѣе для насъ, судя по положенію, въ которомъ находится непріятель, однако борьба еще не кончена; она представитъ вамъ возможность *ознаменовать ваши великія дарованія, которымъ вообще начинаютъ отдавать справедливость.*» Письмо это не требуетъ комментарій; каждое въ немъ слово имѣетъ великое значеніе относительно событій, но не менѣе того нельзя здѣсь не замѣтить того, что Князь Кутузовъ пишетъ Государю, что *оставленіе Москвы есть неминуемое слѣдствіе потери Смоленска и разстроеннаго состоянія арміи, въ которомъ онъ засталъ ее,* а Государь изъявляетъ Барклаю искреннюю признательность за важныя и великія услуги, оказанныя отечеству и Ему, *безпредѣльно сожалѣетъ* объ отъѣздѣ его изъ арміи, находитъ присутствіе его въ ней необходимымъ, и наконецъ великодушно снисходитъ къ изъявленію *дружбы, которую Онъ непрестанетъ зохранять къ нему* и пр. Ничего подобно-равносильнаго, писаннаго Кутузову, авторъ не приводитъ, а напротивъ самъ, какъ видно было выше (стр. 24), говоритъ, что Барклай-де-Толли оказалъ важную услугу *сохраненіемъ арміи до Царева-Займища*. Не есть ли это все торжественное противорѣчіе донесенію Князя Кутузова, которое самимъ авторомъ сводится на извѣтъ, на клевету, чтобы оправдать себя въ томъ, что Москва оставлена безъ боя?!.. Замѣчу наконецъ еще знаменательное изрѣченіе Государя въ помянутомъ письмѣ, относительно *недоброжелателей* Барклая. Кто же могли быть въ арміи недоброжелатели Барклаю, столь сильные, что могли ему вредить? Тутъ должно разумѣть только завистниковъ, а завистниками, въ званіи главнокомандующаго, кто могли быть? Багратіона уже небыло , и кто могъ причинять ему всѣ *неудовольствія*?

На вышеприведенное письмо Барклай-де-Толли отвѣчалъ Государю письмомъ, полнымъ благородныхъ и возвышеннѣйшихъ чувствъ, которое авторъ приводитъ (стр. 25), и вслѣдъ за онымъ поспѣшилъ въ Петербургъ, какъ выражался «пасть къ стопамъ Всемилостивѣйшаго Государя. Но Императоръ отправился тогда въ Вильно. Въ ночь, предшествовавшую отъѣзду, Его Величество три раза посылалъ освѣдомиться, не прибылъ ли Барклай-де-Толли.

Въ этомъ же письмѣ, какъ мы видѣли, Государь упоминаетъ о *Бородинѣ*, гдѣ подвигами своими Барклай принудилъ *уважать себя* даже и своихъ *недоброжелателей*, и вотъ что мы

находимъ о семъ въ повѣствованіи автора (ч. II, стр. 240, 241): «...Не только Князь Багратіонъ, но и вся армія примирилась съ Барклаемъ-де-Толли въ Бородинѣ (!). Врядъ ли осталось въ центрѣ опасное мѣсто, гдѣ онъ не распоряжался бы, полкъ не ободренный словами и примѣромъ его. Подъ нимъ убито и ранено пять лошадей; изъ адъютантовъ и ординарцевъ его весьма не многіе уцѣлѣли. *Велико было прежде* негодованіе противъ Барклая-де-Толли (чистый вымыселъ или, можетъ быть разсчетъ), но въ Бородинѣ *общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его пользу* (оно было всегда). *) «Уже нѣсколько недѣль не привѣтствовали его войска обычнымъ восклицаніемъ; но въ Бородинѣ отъ каждаго полка гремѣло ему ура!» А между тѣмъ не онъ былъ главнокомандующимъ; но армія, въ этотъ великій день кроваваго столкновенія Европы съ Россіею, видѣла предъ собою только предмѣстника Кутузова, и въ эту ужасную торжественную ми-

*) Впрочемъ, какъ авторъ ни усиливается выставлять Кутузова, не подкрѣпляя этого данными, хотя и не опровержимо то, что вождь сей, прибывъ къ арміи въ 1812 году, имѣлъ уже, независимо военной своей извѣстности, славу и на поприщахъ административномъ и дипломатическомъ, но съ пріѣзда его, въ восемь дней, предшествовавшихъ Бородинскому сраженію, солдаты съ нимъ еще не ознакомились, а притомъ и онъ, подобно предшественнику своему, продолжалъ отступать. Подвиги Кутузова не были извѣстны низшимъ чинамъ, и представлялись какъ бы въ историческихъ преданіяхъ для другихъ. Аустерлицкая кампанія не оставила хорошихъ впечатлѣній въ солдатѣ, не разсуждающемъ о причинахъ, и въ 1811 году блокада арміи верховнаго визиря при Слободзеѣ, можетъ быть, и послужила бы къ одушевленію арміи; но, къ несчастію, почти всѣ войска, участвовавшія въ этомъ событіи, оставались на югѣ и составляли Дунайскую Армію. Армія же, дѣйствовавшая на Московской дорогѣ, знала, что Кутузовъ, принявшій начальство надъ арміею послѣ Графа Каменскаго, *отступилъ* съ праваго берега Дуная, на лѣвый, куда погнался за нимъ верховный визирь, и, переправясь чрезъ Дунай при Слободзеѣ, былъ отрѣзанъ Марковымъ и громимъ со всѣхъ сторонъ многочисленною артиллеріею, и въ послѣдствіи долженъ былъ заключить миръ, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе драгоманъ Порты Фанаріотъ Морузи, поплатившійся за это жизнію. Вотъ все, что намъ разсказывали о новомъ главнокомандующемъ. Болѣе свѣдущіе присоединяли къ этому еще рану, полученную имъ въ прежнія Турецкія войны. Состояніе его здоровья не позволяло ему быть долго на конѣ среди войскъ; слѣдовательно все это не могло быть столь сильнымъ двигателемъ къ одушевленію, какъ все то, что въ то время Барклай имѣлъ за собою. Армія привыкла уже видѣть въ немъ своего главнокомандующаго, раздѣлявшаго съ нею всѣ труды въ усиленныхъ переходахъ и въ пылу битвъ. Сверхъ того онъ былъ болѣе извѣстенъ арміи чѣмъ Кутузовъ. 1807, 1808 и 1809 годы были еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Можетъ быть, болѣе половины этой арміи сподвизалось съ нимъ въ Пруссіи, въ Финляндіи и въ Швеціи. Битвы подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и въ Лубинѣ происходили за нѣсколько дней. Словомъ, большая половина этой арміи была свидѣтельницею его ледянаго безстрашія, его подвижности, его устремленія въ мѣста болѣе опасныя: при Бородинѣ же, казалось, само Провидѣніе ему покровительствовало. Слѣдовательно, кому же другому въ этотъ адскій день она могла изъявлять свой восторгъ, какъ не ему, бывшему во всѣхъ рядахъ арміи? Не нужно было Бородинскаго сраженія чтобы примириться, какъ говоритъ авторъ, съ Барклаемъ: армія никогда не сомнѣвалась въ его мужествѣ. Она въ этотъ день видѣла его своимъ главнокомандующимъ, какъ и прежде.

нуту изъявила ему радостныя привѣтствія, и тѣмъ высказывала ему священную свою благодарность. Кто бы могъ замѣнить Барклая въ Бородинѣ? спрашиваю тѣхъ, которымъ этотъ день не можетъ быть непамятнымъ. Чего должно было ожидать для связи хода дѣла, когда оба начальника штаба, Ермоловъ и Графъ Сенъ-При (не говорю о частныхъ начальникахъ), раненые, выбыли изъ дѣла, еслибъ Барклай не былъ пощаженъ свинцомъ? И дѣйствительно, кого же другаго изъ главныхъ начальниковъ армія могла привѣтствовать? Багратіонъ былъ вскорѣ раненъ.

Среди описанія этого гигантскаго столкновенія Сѣвера съ Западомъ, какъ-то странно, непонятно встрѣчать въ авторѣ, пользующемся, по предоставленнымъ ему средствамъ, повторяю, авторитетомъ, слѣдующее (стр. 225(: «Онъ (Кутузовъ) былъ подлѣ баттареи на Горкахъ, немного лѣвѣе столбовой дороги. Желая лично удостовѣриться въ справедливости донесеній, Князь Кутузовъ взъѣхалъ на пригорокъ, *) осыпаемый гранатами и бомбами ихъ, летавшими во всѣ направленія. **) *На волоскѣ была жизнь того, на комъ лежала надежда Россіи*. Тщетно уговаривали его спуститься съ пригорка, и когда ни какія убѣжденія не дѣйствовали на него, *адъютанты взяли его лошадь за узду, и вывели изъ подъ выстрѣловъ* (!!!).» Авторъ, написавъ эти строки, эту сцену, какъ бы съ цѣлію, чтобъ доказать, что Князь Кутузовъ не только что былъ лишенъ своей самостоятельной воли и характера, но какъ бы автоматъ, повиновался въ своихъ движеніяхъ другимъ, потомъ вдругъ присовокупляетъ, что въ слѣдствіе личнаго обозрѣнія Кутузовымъ, были отданы приказанія, соотвѣтственныя обстоятельствамъ; значитъ, что его присутствіе на этомъ мѣстѣ было необходимо для общаго направленія дѣла: какимъ же образомъ адъютанты его могли совершить такой поступокъ, и онъ допустилъ оный? Можно ли было, спрашиваю, представить Кутузова, на которомъ *лежала надежда Россіи*, позволяющимъ препятствовать себѣ распоряжаться, Кутузова, извѣстнаго, со временъ Суворова, своимъ мужествомъ—болѣе въ ничтожномъ свѣтѣ? Фельдмаршалъ еще былъ не въ преклонныхъ лѣтахъ, третій разъ главнокомандующимъ (не говоря о прежнемъ славномъ его боевомъ поприщѣ, нѣсколько разъ генералъ-губернаторомъ, посломъ, и т. п.), чтобы онъ въ Бородинскій день, когда, по словамъ, его отстаивалъ Москву, спасеніе которой въ то время онъ соединялъ еще *со спасе-*

*) Баттарея была по правую сторону дороги. Но этихъ промаховъ бездна. На курганѣ, гдѣ стояла баттарея изъ трехъ орудій, не было возможности быть развѣ только тремъ или четыремъ человѣкамъ, иначе поставлено было бы больше орудій.

**) Замѣчу мимоходомъ, что баттарея изъ трехъ орудій у Горокъ была очень рѣдко цѣлію непріятеля, и съ ней можно было обозрѣвать только малую часть линіи битвы.

ніемъ Россіи, дозволилъ своимъ адъютантамъ, подобно автомату сводить себя съ мѣста, куда необходимость его вызвала? Я былъ въ то время въ арміи, но не слыхалъ подобнаго случая, и между тѣмъ много разъ въ этотъ день, по званію своему, пріѣзжалъ къ фельдмаршалу съ донесеніями Дохтурова и Капцевича, и отъ него развозилъ приказанія какъ къ нимъ, такъ къ Барклаю, Беннигсену и Раевскому; но никогда не могъ замѣтить въ немъ малѣйшаго упадка самостоятельности, которая могла бы допустить и тѣнь той шутки, которой авторъ дѣлаетъ его жертвою. Напротивъ, я находилъ въ фельдмаршалѣ невозмутимое присутствіе духа и чрезвычайную ясность отдаваемыхъ имъ приказаній.

Замѣчательно, что послѣ всѣхъ этихъ высокопарныхъ, чуть не юмористическихъ повѣствованій, вдругъ на слѣдующей страницѣ (226), встрѣчаемъ, что Кутузовъ, пославши съ этого пригорка повелѣніе Уварову, стоявшему за нѣсколько верстъ вправо, двинуться на лѣвый флангъ Французовъ, стоитъ на той же самой баттареѣ, съ которой адъютанты свели его насильно; онъ смотритъ на дѣйствія Уварова съ Горской баттареи, и дѣлаетъ еще другія распоряженія. Какъ согласовать все это?

Нельзя не упомянуть еще объ одной шуткѣ автора, принадлежащей къ этому же эпизоду, и именно къ Бородинской битвѣ. Авторъ говоритъ (ч. II, стр. 217): «Когда въ послѣдствіи заходила рѣчь о Бородинскомъ сраженіи, Князь Кутузовъ обыкновенно говаривалъ, *что если не одержанъ полный успѣхъ*, на какой, по своимъ соображеніямъ, могъ онъ надѣяться, *тому причиною смерть Кутайсова.*» Здѣсь нѣтъ цитаты, а потому и должно полагать, что авторъ всякій разъ слышалъ это самъ изъ устъ фельдмаршала. *) Сдѣлавъ достойную похвалу графу, имѣвшему только двадцать восемъ лѣтъ, отъ котораго можно было ожидать многаго, авторъ переходитъ границы въ своемъ панегирикѣ на тему словъ, всегда будто бы повторяемыхъ Княземъ Кутузовымъ: ......«Его (Кутайсова) смерть имѣла важныя послѣдствія на весь ходъ сраженія, лишивъ Первую Армію начальника артиллеріи, въ такой битвѣ, гдѣ преимущественно дѣйствовали орудія. *Неизвѣстность сдѣ-*

*) Но не была ли это шутка, которою Князь Михаилъ Иларіоновичъ хотѣлъ позабавить, никакъ не подозрѣвая, что это онъ говорилъ своему исторіографу, который не только включилъ это въ его исторію, но и на тему шутки будетъ со всею важностью историка выводить консенквенціи изъ словъ сказанныхъ княземъ! Это все равно; что если бъ кто-либо изъ слышавшихъ извѣстную шутку безсмертнаго Суворова, сказавшаго при случаѣ, что онъ знаетъ только трехъ истинно храбрыхъ людей: Муція Сцеволу, пожертвовавшаго собою для спасенія отечества, Князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, говорившаго правду царю, и старосту деревни своей, что ходитъ одинъ на медвѣдя—вздумалъ выдавать это за историческій фактъ, выводя, что Суворовъ не признавалъ другихъ храбрыми.

ланныхъ Кутайсовымъ распоряженій произвела то, что многія роты, разстрѣлявъ заряды, не знали откуда ихъ пополнить, и противъ баттарейныхъ Французскихъ орудій дѣйствовали у насъ въ иныхъ мѣстахъ легкія.»

Смерть Кутайсова несомнѣнно была большею потерею для будущности; но не думаю, чтобы она имѣла въ Бородинѣ то *важное послѣдствіе*, котораго, по словамъ автора, будто бы Князь Кутузовъ ожидалъ. Въ этотъ день выбывали люди, коихъ присутствіе, конечно, было бы несравненно полезнѣе, чѣмъ Графа Кутайсова. Такъ, напримѣръ, не упоминаю о частныхъ начальникахъ, каковыми были Князь Багратіонъ, Тучковъ 1-й, Графъ Воронцовъ и другіе, замѣчу, что почти въ началѣ битвы, независимо многихъ начальниковъ корпусныхъ штабовъ, оба начальника главныхъ штабовъ 1-й и 2-й Арміи, Ермоловъ и Сенъ-При, выбыли изъ фронта. И какіе начальники штаба? На этихъ лицахъ лежало большее бремя, чѣмъ на начальникѣ артиллеріи одной Первой Арміи, ибо начальникъ артиллеріи Второй Арміи Генералъ Баронъ (К. Ѳ.) Левенштернъ остался невредимъ.

Предъ генеральною битвою, какова была Бородинская, и по высокому мнѣнію, какое дается тутъ Графу Кутайсову, нельзя предполагать, чтобъ онъ не сдѣлалъ предварительныхъ распоряженій о снабженіи зарядами тѣхъ артиллерійскихъ ротъ, которымъ встрѣтилась бы въ томъ надобность. Для таковыхъ распоряженій было слишкомъ достаточно времени, ибо армія остановилась на позиціи 22-го числа. *Тайна*, или *неизвѣстность* этихъ распоряженій не могли съ нимъ погибнуть. Весь его штабъ и начальники парковъ остались; мѣста, занимаемыя этими послѣдними, были всѣмъ извѣстны, и въ этомъ случаѣ каждый ротный (нынѣ баттарейный) начальникъ зналъ какъ распорядиться, не прибѣгая даже къ корпуснымъ начальникамъ артиллеріи, которые всѣ должны были имѣть распоряженіе по этому предмету, положимъ, хотя бы только и наканунѣ, если оно было только сдѣлано, и если еще было необходимо дѣлать оное. Если же не было сдѣлано ни какого распоряженія, и если оно было еще и необходимо, въ такомъ случаѣ Кутайсовъ не можетъ стоять на той точкѣ славы, которая ему приписывается.

Распоряженіе главнаго начальника артиллеріи въ арміи, относительно запасовъ, имѣетъ тогда пространный кругъ дѣйствій, когда дѣло идетъ о сосредоточеніи артиллерійскихъ снарядовъ изъ разныхъ арсеналовъ къ точкѣ дѣйствій, и о вѣрномъ разсчетѣ времени ихъ прибытія и расходованія. Но въ день битвы, кругъ его дѣйствій уже не столь значителенъ въ отношеніи снабженія зарядами частей, разстрѣлявшихъ оные. На линіи въ четыре или пять верстъ, каждый предварительно долженъ знать, гдѣ онъ можетъ получить снаряды, и всѣ, конечно, это знали; въ про-

тивномъ случаѣ, если Графъ Кутайсовъ не сдѣлалъ предварительнаго распоряженія, или хранилъ это въ тайнѣ, или запретилъ безъ себя, каждому брать нужное число снарядовъ, по крайней мѣрѣ съ разрѣшенія корпусныхъ начальниковъ артиллеріи, я повторяю, что похвала ему неосновательна: невозможно, чтобы въ подобныхъ случаяхъ каждая баттарея ожидала разрѣшенія отъ главнаго начальника артиллеріи.

Относительно же того, что «*въ иныхъ мѣстахъ наши легкія орудія должны были дѣйствовать противъ непріятельскихъ баттарейныхъ*», это, по характеру Бородинской битвы, должно было начаться еще при Графѣ Кутайсовѣ, когда дѣло не совершенно еще завязалось противъ Первой Арміи, въ которой онъ былъ начальникомъ артиллеріи, и когда, можетъ быть, еще можно было помышлять о подобныхъ распоряженіяхъ; но Графъ Кутайсовъ, какъ должно заключать изъ текста книги, обратилъ вниманіе не на этотъ предметъ, ибо онъ схватилъ баталіонъ пѣхоты, ударилъ на непріятеля въ штыки, вправо отъ 18-ти-пушечной Шульмановской баттареи — и погибъ. Всякій безпристрастный и опытный военный человѣкъ сознаетъ, что эта личная храбрость, какъ ни уважительна въ каждомъ лицѣ, но значеніе ея уменьшается, когда на лицѣ этомъ лежитъ другая обязанность: тутъ, не бросаясь въ штыки съ баталіономъ на непріятеля, овладѣвшаго было Шульмановскою 18-ти-пушечною батареею, онъ бы могъ, пользуясь временемъ (въ которое естественно пушечный огонь непріятеля ослабѣваетъ или вовсе прекращается, чтобы не вредить своимъ, схватившимся въ рукопашный бой), — сосредоточить, буде нужно было, такое количество орудій, которое нанесло бы непріятелю, конечно, болѣе вреда, чѣмъ тотъ баталіонъ, который онъ повелъ. Тутъ были прямые дѣятели: Ермоловъ, какъ начальникъ штаба 1-й Арміи, первый ударилъ съ баталіономъ на непріятеля въ штыки и ворвался въ баттарею; начальникъ штаба 6-го Корпуса Монахтинъ, послѣдовалъ его примѣру, Капцевичъ и другіе; съ лѣваго фланга Раевскій и Паскевичъ содѣйствовала въ преслѣдованіи; слѣдовательно Кутайсовъ видѣлъ, что этимъ распоряжаются люди, слишкомъ испытанные — чтобы забыть прямую свою обязанность, — и притомъ рѣчь о смерти его есть дѣло еще нерѣшеное: точно ли онъ убитъ, ведя пѣхоту въ штыки, или палъ при исполненіи своихъ обязанностей. — Всѣ разысканія о семъ, сколько я знаю, остались безуспѣшны; говорили только единогласно, что лошадь его прибѣжала безъ сѣдока — вотъ и все. Но какой баталіонъ велъ онъ изъ 2-й или 1-й Арміи — не дознано. Изъ 6-го Корпуса, по справкамъ, сдѣланнымъ Дохтуровымъ и Капцевичемъ, оказалось, что ни одинъ баталіонъ не ходилъ за нимъ, да и по самой книгѣ это сбивчиво сказано (стр. 217): «пожалъ руку Паскевичу и отдѣлился вправо, повелъ

пѣхоту въ штыки.» Вправо былъ 6-й Корпусъ, изъ котораго взялъ Ермоловъ баталіонъ, другой Монахтинъ и т. д. Слѣдовательно опредѣлительности нѣтъ ни какой; въ этотъ ужасный моментъ, повторяю Кутайсовъ могъ быть пораженъ при исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей. Авторъ, написавъ ему панегирикъ, неотмѣнно бы назвалъ баталіонъ или полкъ, какъ это онъ дѣлаетъ. *) Впрочемъ Бородинская битва была такого рода, и дана была въ такомъ расположеніи духа нашихъ войскъ, что порывы бросаться на непріятеля, въ особенности при возвышенныхъ чувствахъ молодаго Графа Кутайсова, не могли быть всегда обуздываемы прямыми обязанностями. Представлявшаяся опасность заставляла забывать все. **)

Если подъ Бородинымъ, гдѣ въ нѣсколько часовъ времени, непріятель выпустилъ болѣе 90,000 пушечныхъ снарядовъ, могло встрѣтиться, что наши легкія орудія были противопоставлены непріятельскимъ баттарейнымъ, то надлежало быть тамъ на мѣстѣ, чтобы судить объ убійственномъ артиллерійскомъ огнѣ, съ обѣихъ сторонъ производимомъ слишкомъ изъ 1,200 орудій, на пространствѣ не съ большимъ двухъ верстъ, и сообразить возможность передвиженія артиллеріи для замѣны легкихъ орудій баттарейными. Въ кабинетѣ это очень легко; но просмотримъ описаніе Бородинской битвы: въ ней Наполеонъ сдвигивалъ до трехъ сотъ орудій, долженствовавшихъ дѣйствовать на одинъ пунктъ для прикрытія сосредоточенія его колоннъ, приготовляв-

*) Неоднократно я говорилъ съ Александромъ Ивановичемъ (на что есть свидѣтели), какъ объ этомъ, такъ и о другихъ событіяхъ этой войны. Онъ на многое соглашался, и просилъ перебрать его книгу для исправленія при третьемъ изданіи, что я вначалѣ было и дѣлалъ: но онъ никакъ не соглашался обозначать корпусъ баталіоны, которые имѣли славу что либо сдѣлать въ Бородинѣ. Обыкновенный его отвѣтъ былъ: «Какое дѣло для исторіи, тотъ или другой баталіонъ совершилъ такое-то дѣло *въ міровомъ событіи?*» Тщетны были мои усилія обратить его вниманіе, что онъ, называя баталіонъ 6-го Корпуса, не упоминаетъ притомъ ни объ одномъ генералѣ этого корпуса, а говорить о генералахъ 7-го Корпуса другой арміи такъ что читатель, не знакомый съ дѣломъ, приметъ всѣ эти баталіоны принадлежащими къ 7-му Корпусу и т. п.

**) Несомнѣнно, что эпоха имѣетъ сильное вліяніе на характеры. Такъ напримѣръ, я былъ свидѣтелемъ 14-го Августа 1828 года, подъ Шумлою. Ночью, Турки нечаяннымъ нападеніемъ, овладѣли нашимъ редутомъ № 4, находившимся на самой оконечности праваго фланга позиціи, и, выкативъ наши орудія, открыли изъ оныхъ вдоль нашей линіи сильный огонь, подкрѣпляемый всѣми ихъ баттареями. Начальникъ главнаго штаба Генералъ-Адъютантъ Киселевъ (нынѣ Графъ), остановившись у ближайшаго редута къ взятому Турками, ожидалъ подъ убійственнымъ огнемъ сосредоточенія войскъ у прибытія резервной артиллеріи, чтобы открыть дѣйствіе. Находившійся тутъ же начальникъ артиллеріи Баронъ (К. Ѳ. Левенштернъ, замѣчая полеты снарядовъ, пускаемыхъ Турками изъ взятыхъ въ редутѣ нашихъ орудій, видимо сердился, приговаривая послѣ каждаго почти выстрѣла: «Канальи Турки испортятъ наши орудія: какіе они большіе кладутъ заряды,» и т. п. Между тѣмъ это тотъ же самый генералъ, который былъ подъ Бородинымъ—начальникомъ артиллеріи Второй Арміи громимой полутысячью орудій.

шихся къ натиску, какъ это онъ сдѣлалъ противъ нашего лѣваго фланга *) (но и мы успѣли тутъ соединить до трехъ сотъ орудій); противъ другихъ пунктовъ, было подобное же громадное соединеніе орудій, отъ ста тридцати до трехъ сотъ, внезапно выдвигаемыхъ на пунктъ, имъ *произвольно* избираемый; въ такомъ случаѣ, не было уже возможности намъ прибѣгать къ передвиженіямъ артиллеріи для замѣна отихъ орудій другими, а должно было дѣйствовать тѣми, которыя тутъ могли случиться. Это одно изъ главныхъ преимуществъ аттакующаго противъ аттакованнаго. Но вотъ, что до сихъ поръ остается для меня необъяснимымъ: возвышеніе, которое находилось между интервалами 6-го и 7-го Корпусовъ, гдѣ поставлена была баттарея названная авторомъ баттареею Раевскаго, видимо составляло ключъ позиціи выдаваясь впередъ, но на немъ поставлено было только осьмнадцать орудій въ худо устроенномъ укрѣпленіи, тогда какъ, по мѣстности, тутъ должно было бы по крайней мѣрѣ устроить число орудій, и соорудить укрѣпленіе, которое могло бы заставить уважать себя; осьмнадцать орудій были взяты—въ первой разъ, безъ выстрѣла, во второй—конницею. Авторъ приводитъ (стр. 215) слова изъ донесенія Генерала Ермолова, и это авторитетъ ничѣмъ неопровергаемой: «высота, *повелѣвающая всѣмъ пространствомъ*, на которомъ устроены были обѣ аміи» и т. д. И пунктъ этотъ защищался только осьмнадцатью орудіями! Авторъ, съ своей стороны, говоритъ; что «если бы еще нѣсколько минутъ, непріятель успѣлъ *утвердиться въ срединѣ нашей боевой черты;*» въ первой разъ мы согнали его, но во второй онъ успѣлъ утвердиться. О причинахъ сего я коснулся слегка въ другомъ мѣстѣ, **)

Впрочемъ должно замѣтить, что независимо Бородинскаго сраженія, представляющаго собою исключеніе, ибо битвы, дававшіяся и прежде и послѣ, не могутъ быть уподобляемы оному по множеству причинъ, и въ которомъ пусть сказанное авторомъ и будетъ отчасти справедливо, но должно сознаться, что мы и прежде и послѣ, часто будучи сильнѣе непріятеля артиллеріею, очень рѣдко могли противопоставить ему на одномъ пунктѣ тоже число орудій, которое выдвигалъ онъ, тоже и конницы.

У насъ часто начинаютъ посылать нѣсколько орудій и потомъ усиливать постепенно (очень рѣдко вдругъ), ***) подобно тому,

*) Не говорю объ иноземныхъ писателяхъ; но самъ нашъ авторъ говоритъ (стр. 218—219) объ этомъ количествѣ, а равно и на другихъ пунктахъ.

**) Объ этой высотѣ я говорилъ нѣсколько пространнѣе въ статьѣ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій о войнѣ 1812 года, вышедшихъ въ Парижѣ 1856 и 1857 г.»—напечатанной въ Сѣв. Пчелѣ 1858 г.

***) Въ продолженіе всей моей службы, мнѣ случалось только три раза видѣть самому, искусное сосредоточеніе и употребленіе нашей артиллеріи, которая по справедливости, во всѣхъ отношеніяхъ, есть войско, достигшее у насъ преимущественно совершенства. Если есть что уступающее, можетъ

какъ это дѣлается и съ застрѣльщиками, и съ отрядами, на кои возложено защищать какой-либо пунктъ. Къ тому же, распредѣленіе нашей артиллеріи при дивизіяхъ отчасти бываетъ виною тому, ибо часто случается, что противъ одной дивизіи непріятель сосредоточиваетъ многочисленную артиллерію, а дивизія противопоставляетъ ей только свою; придвинуть же къ себѣ артиллерію, находящуюся въ дивизіи, возлѣ нее стоящей и вовсе необезпокоиваемой непріятелемъ: чрезвычайно трудно, ибо если бъ обѣ дивизіи и были состава однаго корпуса, то надобно еще, чтобъ командиръ корпуса созналъ важность этого распоряженія, и не опасался *отвѣтственности*, а можетъ еще случится, что прой-

быть, въ чемъ либо какой нибудь иностранной артиллеріи, за то она превосходитъ оную во многихъ другихъ отношеніяхъ. Случаи, о которыхъ я упомянулъ выше, суть слѣдующіе: 1-е, Подъ Денневицомъ (1813 г.) наша артиллерія и Шведская, а также часть Прусской, незамѣтнымъ образомъ, при движеніи нашей арміи къ непріятельской позиціи, сосредоточилась на нашемъ правомъ флангѣ, и послѣ разрушительнаго дѣйствія противъ лѣваго непріятельскаго фланга, въ продолженіе часа, пропустила въ интервалы свою конницу, которая довершила пораженіе непріятеля и взяла почти всю его артиллерію. Тутъ таже наша конная артиллерія (рота Арнольди) пошла въ аттаку, и взяла орудія, Извѣстенъ отзывъ Наслѣднаго Принца Шведскаго объ этомъ подвигѣ. 2-е, Подъ Лейпцигомъ, 6-го числа, когда армія Наслѣднаго Принца Шведскаго вступила въ линію между Беннигсеномъ и Блюхеромъ, большая часть артиллеріи арміи была выдвинута противъ баттарей, защищавшихъ Шенфельдъ, который и взятъ Графомъ Воронцовымъ, безъ одного выстрѣла, штыками. Подобный подвигъ Бонами подъ Бородинымъ воспѣтъ даже нами, а подвигъ Красовскаго и Тимашева, подъ личнымъ начальствомъ Воронцова, въ этотъ моментъ едва упомянутъ! 3-е. Подъ Шумлою въ 1828 году, когда, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I. двинулъ всю резервную артиллерію противъ непріятеля, покусившагося было выйти изъ своихъ укрѣпленій, и разгромилъ и его и баттареи. Подъ Варшавою, въ 1831 г. (я самъ не былъ) артиллерія была употреблена массою, но тутъ другое дѣло. Съ вечера означены были пункты, противъ которыхъ должно было дѣйствовать, растянувшись однако же на значительное разстояніе для обстрѣливанія картечью мятежническихъ укрѣпленій. Между тѣмъ въ полевыхъ сраженіяхъ эта необходимость встрѣчается внезапно, а потому и требуетъ другихъ условій... Я замѣтилъ выше о преимуществѣ во многихъ отношеніяхъ нашей артиллеріи противъ иноземной. Умолчу о ея искусствѣ, признанномъ всѣми; но замѣчу здѣсь между многими случаями ея подвижность въ сравненіи съ другими. Въ 1813 году, съ позиціи при Радегастѣ Наслѣдный Принцъ Шведскій, получивъ извѣстіе о движеніи союзныхъ армій къ Лейпцигу, приказалъ и своей арміи двинуться къ Галлѣ Изъ Радегаста въ нѣсколькихъ верстахъ должно было войти въ дефилеи Петерсберта; тогда тамъ не было шоссе, а потому путь для такой массы войскъ, по одной худой дорогѣ, въ горахъ и по лѣсамъ, представлялось затрудненіе. По сдѣланной диспозиціи армія двинулась лѣвымъ флангомъ. Въ четыре часа по полудни пошелъ Стедингъ съ своими Шведами; чрезъ два часа спустя двинулся Бюловъ съ Пруссаками, и наконецъ, чрезъ два часа послѣ, въ 8 часовъ, когда уже совершено стемнѣло, пошелъ Русскій корпусъ Венценгероде. Чрезъ полчаса вошли мы въ дефилей; здѣсь, на всемъ переходѣ, продолжавшемся цѣлую ночь, мы, на каждомъ шагу, обгоняли не только что военные обозы Шведскаго и Прусскаго корпусовъ (вагенбургъ долженъ былъ слѣдовать сзади), но едва ли не половину ихъ артиллеріи, которая частію завязла, частію, своротивъ въ сторону, кормила лошадей. Унасъ рѣшительно ни одна повозка, ни одно орудіе не вышло изъ линіи слѣдованія. Здѣсь не было конца остротамъ нашихъ артиллерійскихъ солдатъ надъ своими союзниками. Такъ было и вездѣ и всегда.

детъ столько времени къ полученію этого приказанія, что оно не будетъ уже своевременнымъ и т. д. Но если ближайшая дивизія принадлежитъ другому корпусу, тутъ представляются почти непреодолимыя препятствія, или, по крайней мѣрѣ длинное протяженіе времени.

Двигать же всегда резервную артиллерію въ подобныя мѣста, сверхъ того, что нужно время, нужно и личное убѣжденіе самаго главнокомандующаго, не всегда долженствующаго быть въ такихъ мѣстахъ, или начальника штаба, или наконецъ начальника артеллеріи, пользующихся довѣренностью главнокомандующаго къ ихъ способностямъ. Впрочемъ такое движеніе резервной артиллеріи, часто заблаговременно и безполезно разстраиваетъ оную. Не распространяюсь болѣе о семъ предметѣ и замѣчу только, что начальникъ артиллеріи 6-го Корпуса Г. М. Костенецкій и Полковникъ Никитинъ (въ послѣдствіи Графъ), съ конными орудіями, умѣя употреблять и дѣйствовать оными въ Бородинскомъ сраженіи, конечно нанесли непріятелю болѣе вреда, чѣмъ, можетъ быть, многіе съ своими баттарейными.

И такъ въ этомъ эпизодѣ по повѣствованію автора *Отечественной Войны 1812 года* частныя противорѣчія, не рѣдко анахранисмъ событій; недосказываемыя рѣчи, необъясняемыя мысли, перепутанныя часто неловкими фразами—затемняють истину, и даютъ поводъ къ перетолкованіямъ самыхъ достовѣрныхъ фактовъ, что можно было видѣть изъ вышепреведеннаго. Тотъ же результатъ, болѣе или менѣе оказывается и въ другихъ эпизодахъ этой войны. Авторъ стремился къ предположенной имъ цѣли, но не достигъ ея, избравъ ложный путь. Приготовлявшееся имъ третье изданіе должно было исправить многое. Жаль, что онъ не успѣлъ довершить онаго. Должно надѣяться, что почтенный авторъ; нынѣ занимающійся *исторіею* этой войны; пояснитъ намъ многое, что требуетъ поясненія; откроетъ новые источники матеріяловъ, дополнитъ пропуски, и броситъ свѣтъ на мѣста, остававшіяся во мракѣ. Какъ *историку*, ему будетъ легче говорить о событіяхъ, не при немъ совершавшихся. Покойный Александръ Ивановичъ, какъ самъ участникъ въ этой борьбѣ, можетъ быть, не могъ всегда говорить того, что видѣлъ. Онъ составлялъ *описаніе* войны, въ которой былъ дѣятелемъ, а потому и подвергается болѣе строгой критикѣ за невсегда достаточную самостоятельность своего мнѣнія. *Историку* же болѣе простора потому, что онъ самъ не можетъ ничего свидѣтельствовать, Онъ будетъ говорить только то, что говорятъ другіе, и если онъ очиститъ разногласія критикою, то обязанность его выполнена.

Іюнь 1858.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ П. БУТОВСКАГО,

О ВОЙНѢ 1812 ГОДА,

ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ НѢСКОЛЬКИХЪ №№ РУССКАГО ИНВАЛИДА.

(Сѣв. Пч. 1859 г., №№ 14 и 20).

Въ истекшемъ 1858 году, *Русскій Инвалидъ* началъ помѣщать статьи о войнахъ Императора Александра I съ Наполеономъ, раздѣливъ ихъ на три эпохи: *первая война* 1805 г., *вторая*—1807 и, наконецъ, *третья* 1812 года. Статьи подписаны: *И. Бутовскій*.

Описаніе первой войны написано съ такой отчетливостью и столь живыми красками, что невольно переноситъ читателя въ ту эпоху, и на каждомъ шагу представляетъ его любопытству много поучительнаго. По моему мнѣнію, это драгоцѣнный помятникъ Исторіи 1805 года. Но кромѣ многосторонихъ познаній почтеннаго автора, главное достоинство заключается въ томъ, что онъ могъ говорить: *я видѣлъ*. *я участвовалъ*, *я слышалъ*, и т. п, Здѣсь онъ самъ свидѣтельствуетъ о происходившемъ въ глазахъ его, здѣсь изложены сужденія на мѣстѣ, достигавшія его слуха, его впечатлѣнія и замѣчанія при совершеніи разнообразныхъ подвиговъ.

Къ крайнему сожалѣнію, не то встрѣчается въ описаніи *третьтьей войны*, и именно 1812 года. Изъ изложенія ея не видно, участвовалъ ли самъ почтенный авторъ въ этой борьбѣ—на главномъ театрѣ происшествій, и, сознаюсь, невольно склоняешься къ догадкѣ, что онъ не былъ личнымъ ихъ свидѣтелемъ, ибо въ повѣствованіе вкрались описки, рѣзко бросающіяся въ глазахъ, а еще рѣзче замѣчается разница между описаніемъ *первой* и *третьей* войнъ. *) Война 1805 года описана очевидцемъ, а эта извлечена, преимущественно, изъ сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго, Графа Сегюра и Гурго, и притомъ не всегда удачно. Да извинитъ меня почтенный авторъ, если я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія, какъ участникъ описываемыхъ событій. Мы, современники 1812 года, начинаемъ быстро исчезать, и на насъ лежитъ священный долгъ проявлять истину въ дѣйствительномъ ея свѣтѣ, каждому по мѣрѣ силъ своихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ о Бородинскомъ сраженіи, какъ главной цѣли моей, укажу на нѣсколько описокъ или обмолвокъ. Изображая прогрессивное движеніе Россіи послѣ Тилзитскаго мира до 1812 года, авторъ между прочимъ говоритъ (№ 273 й, стр. 1.155, 1 столб.): «Вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ коллегіяльное управленіе рушилось, и учреждены министерства.»—Министерства учреждены не 1807, а въ 1802 году, слѣдовательно не только послѣ *второй войны*, но за три года до *первой*. Далѣе, продолжея исчислять улучшеніе государственныхъ учрежденій, говоритъ: «Алфавитъ, какъ главная

*) *Второй* я не имѣлъ случая прослѣдить.

учебная книга, именно въ этой чудной эрѣ измѣнилъ свое произношеніе вмѣсто заржавѣлыхъ *) *азъ*, *буки*, *вѣди*, начали выговаривать — *а*, *бе*, *ве*...» *Измѣненіе аза въ а*, и *снятіе форменной трости* (съ унтеръ-офицеровъ), *повели Россію далеко впередъ во многихъ отношеніяхъ*, *какъ ни странны покажутся читателю мои заключенія*.» Сознаюсь, желалъ бы, просто изъ любопытства, знать: какія могли быть *отношенія* (хотя бы одно), которыя, отъ перемѣны *аза въ а*, могли *повести Россію далеко впередъ*! Я учился азбукѣ за шестьдесятъ лѣтъ предъ симъ, и учился не *азъ*, а *а*, и здѣсь почтенный авторъ едва ли не впалъ въ анахронисмъ, подобной эпохѣ прекращенія *коллегіяльнаго управленія*, потому что введеніе новой азбуки гораздо старѣе Тильзитскаго мира, и принадлежитъ, временамъ Екатерины II. **) Впрочемъ до сихъ поръ, конечно не въ учебныхъ заведеніяхъ и въ болѣе возвышенныхъ слояхъ общества, а въ простомъ народѣ, самоучки и даже у дьячковъ и др. преподавателей въ деревняхъ, продолжаютъ, съ указкою въ рукахъ, твердить *азъ*, *буки*. Не постигаютъ, въ томъ числѣ и я, чтобы приводимое авторомъ обстоятельство могло быть столь мощнымъ двигателемъ *Россіи далеко впередъ*. Подобное заключеніе, въ видѣ теоремы, требовало бы доказательства.

Доказать же это, по мнѣнію многихъ, едва-ли можно, потому что въ ту эпоху, когда учились по *заржавленнымъ азамъ* и *букамъ*, были люди съ великими дарованіями, и было ихъ много на всѣхъ поприщахъ. Не поминая о временахъ Петра Великаго и Екатерины II, самъ почтенный авторъ говоритъ *о людяхъ* во всѣхъ званіяхъ и не въ маломъ числѣ, которыхъ засталъ 1812 годъ: и какіе это были люди! А между тѣмъ всѣ они выучились грамотѣ по *заржавленной* азбукѣ, ибо съ Тильзитскаго мира, эпохи введенія новой азбуки по мнѣнію автора, не прошло и пяти лѣтъ. Что же это? Развѣ прочіе люди не содѣйствовали къ введенію разныхъ улучшеній въ Россіи? Развѣ не они совершали все то, что авторъ исчисляетъ какъ по государственному благоустройству, такъ и по военной части? Естественно, что начавшіе учится по новому (какъ называетъ авторъ) *алфавиту*. введенному будто бы послѣ Тильзитскаго мира,—не могли же въ пять лѣтъ, т. е., къ 1812 году сдѣлаться государственными людьми; ***) не эти же написали *Уложеніе о большой дѣйствующей арміи*, въ которомъ исчислены въ руководство всѣ правила управленія громадными арміями. Что же, наконецъ, развѣ люди, выучились грамотѣ по *заржавленнымъ азамъ*, *не двигали Россіи далеко впередъ*, сходивши два раза въ Парижъ?

*) Такъ авторъ называетъ наши церковныя буквы.

**) При учрежденіи народныхъ училищъ съ 1782 года.

***) Въ *первой войнѣ*, описанной авторомъ, выказаны люди съ большими способностями, а это за два года до Тильзитскаго міра.

Такая гипотеза почтеннаго автора, или лучше сказать, совершенно новый выводъ *причинъ*, въ союзѣ съ *унтеръ-офицерскою тростью*, отъ коихъ Россія будто бы *пошла далеко впередъ,* требовала бы доказательствъ положительныхъ и въ особенности сравненія обѣихъ эпохъ, въ преимуществѣ *людей*, начавшихъ учиться послѣ Тильзитскаго міра по новому *алфавиту*,— съ тѣми, которые выучились по *заржавленнымъ азамъ и букамъ*, а извѣстно, что однѣ только способности людей, удачно приложенныя къ дѣлу, подвигаютъ всевозможныя государства впередъ, пусть даже и *не далеко*, но это есть аксіома.

Относительно отмѣненія *трости*, носившейся унтеръ-офицерами, отчего они лишились возможности—«*давать тычки* солдатамъ въ *животъ и грудь*,» замѣчу только то, что у этихъ самыхъ унтеръ-офицеровъ остались тесаки, а главное—кулаки и пинки, если они были расположены къ такимъ ухваткамъ, и не обуздывались начальствомъ: это все равно, что запретитъ продавать ножи, потому только что ими можно зарѣзать человѣка! Предоставляя записнымъ педагогамъ и грамотѣямъ отстаивать преподаваемую *азбуку* отъ нападеній новой *абвги,* обращаюсь къ самому дѣлу.

При описаніи рекогносцировки Наполеономъ береговъ Нѣмана, сказано (стр. 3-я), что Императоръ Французовъ упалъ съ лошадью, и присовокуплено: «Худой знакъ сказалъ онъ, вставая: Римлянинъ отступилъ бы.« Графъ Сегюръ, говоря объ этомъ паденіи, прибавляетъ, что никогда нельзя было узнать, кто именно произнесъ эти слова: самъ ли Наполеонъ, или кто изъ его свиты. Впрочемъ это обстоятельство отвергается другими историками, и даже самъ Г. Л. Михайловскій-Данилевскій, довольно пристрастный къ мелодрамамъ въ повѣствованіи объ Отечественной Войнѣ, не упоминаетъ ни о паденіи Наполеона съ лошадью, ни о возгласѣ его.

Далѣе. Когда нѣсколько саперовъ, ночью, переправились чрезъ Нѣманъ, подскакалъ къ нимъ *казакъ*, и обмѣнялся съ ними нѣсколькими словами. Затѣмъ сказано: «Казакъ кольнулъ *шпорами* лошадь и скрылся.» Послѣ подробнаго описанія измѣненія формъ во всѣхъ родахъ войскъ, многіе будутъ вправѣ думать, что *казаки* вмѣсто нагайки для побужденія лошади, носили въ эту эпоху *шпоры*!»

«*Трое сутокъ* Французская армія (стр. 1155), безостановочно преправлялась чрезъ рѣку (Нѣманъ). *На второй день* Наполеонъ достигъ ущелій, защищающихъ Вильно.» Не ясно что такое *трое сутокъ* и *на второй день.* *) Какія *ущелія*? Конечно не иныя,

*) Наполеонъ началъ переправу $^{12}/_{24}$-го Іюня и прибылъ въ Вильно $^{16}/_{28}$-го;—слѣдовательно тутъ выходитъ четыре дня.

какъ Ционарскія, которыя слѣдовало бы наименовать. Мы избалованы ясною отчетливостью *первой войны:* потому я здѣсь и замѣчаю это.

Говоря (столб. 2-й) о пребываніи Наполеона въ Вильнѣ, и о приказаніи арміямъ достигнуть нашей, присовокуплено: «Обозы, артиллерійскіе парки, полевые лазареты еще не прибыли; *но для него эти мелочи не такъ важны: прежде всего нужно дать сраженіе.... пхнулъ 400,000 человѣкъ.*» Упрекъ несправедливый этому великому полководцу-организатору и администратору въ томъ, будто онъ почиталъ обозы, подвижные лазареты, и въ особенности *артиллерійскіе парки—мелочами:* безъ этихъ послѣднихъ онъ не могъ бы дать и сраженія *пхнутыми* имъ четырьмя стами тысячъ человѣкъ. Полагаю также, что нельзя назвать Литву—*землею, ему дружественною:* она была въ составѣ Россійскаго Государства, и никогда не отторгалась отъ Россіи, даже ни какимъ Наполеоновскимъ актомъ. Въ ней могли быть люди, преданные Французамъ; но это не значитъ *земля дружественная*, какъ можно было бы сказать о Варшавскомъ Герцогствѣ, бывшемъ въ составѣ Рейнской конфедераціи, или объ Австріи и Пруссіи, которыя могли быть названы *землями дружественными*, хотя въ то время ела ли одинъ изъ жителей былъ преданъ Наполеону. Такъ выразиться о Литвѣ, въ особенности о Виленской Губерніи—несправедливо: она оставалась въ массѣ, въ эпоху 1812 г., вѣрною престолу.

Когда спросили Дохтурова (№ 274, стр. 1157 ст. 1), можетъ ли онъ принять на себя защиту Смоленска, онъ отвѣчалъ: «охотно принимаю: это лучшее лекарство противъ недуга!» Неизвѣстно, откуда это почерпнуто. Дмитрій Сергѣевичъ отвѣчалъ: «Лучше умереть въ полѣ нежели на кровати,» что многіе изъ окружавшихъ его слышали, и что правильно внесъ въ свою исторію и Михайловскій-Данилевскій. Впрочемъ много сказаннаго о Смоленскѣ и вообще до Бородинскаго сраженія, требуетъ исправленія. Перехожу къ нему.

Описать отчетливо Бородинское сраженіе трудно, а безъ нѣкоторыхъ условій и невозможно (о чемъ было мною замѣчено въ нѣсколькихъ статьяхъ Сѣверной Пчелы 1858 года); но едва ли не труднѣе и длиннѣе исправлять то, что написано, а потому замѣчу здѣсь нѣкоторые только случаи, и въ особенности совершенно новый эпизодъ этого сраженія, о которомъ говоритъ почтенный авторъ, и о чемъ никто до него не упоминалъ. *)

*) Виноватъ предъ почтеннымъ авторомъ, но, я лично не согласенъ съ его мнѣніемъ (№ 277 стр. 1171 столб. 2 выписки), что, «въ военномъ отношеніи Исторія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго тоже, что въ отношеніи государственномъ Исторія Россіи Н. М. Карамзина и т. д.» По моему крайнему разумѣнію, относительно достоинства той и другой не можетъ быть

Описывая кровопролитную сѣчу около Семеновскихъ редутовъ (стр. 1172, ст. 1). авторъ впадаетъ въ большую ошибку, которую онъ, конечно, почерпнулъ изъ книги Михайловскаго-Данилевскаго, а именно, онъ говоритъ: «Въ этомъ разгарѣ ужасной сѣчи, *палъ* храбрый Манахтинъ, такъ много обѣщавшій отечеству.» Въ одномъ* изъ нумеровъ Сѣверной Пчелы истекшаго года я уже замѣтилъ, что сѣча эта происходила въ расположеніи 2-й Арміи, а Манахтинъ былъ начальникомъ штаба 6-го Корпуса, принадлежавшаго къ 1-й Арміи, и не передвигавшагося съ мѣста, которое онъ первоначально занималъ до конца битвы; что Монахтинъ былъ *раненъ* по крайней мѣрѣ за версту отъ мѣста, гдѣ, по словамъ почтеннаго автора, будто бы онъ *палъ*, и именно на центральной или курганной баттареѣ, когда въ нее ворвался Бонами. Манахтинъ повелъ баталіонъ своего корпуса на непріятеля, въ свалкѣ получилъ въ ляжку два удара штыкомъ и потомъ прострѣленъ былъ пулею въ животъ. *) Находившійся при немъ въ это время Старшій Адъютантъ Дубельтъ (нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи) вывелъ его изъ этого ада, и проводилъ до перевязачнаго пункта и т. д. Манахтинъ умеръ за Москвою: узнавъ, что она занята Французами, онъ сгоряча сорвалъ съ своихъ ранъ перевязки. Я повторилъ это потому, что почтенный авторъ, описывая *первую войну*, неоднократно упоминалъ о Ѳ. Ѳ. Манахтинѣ, и приводилъ нѣкоторыя изъ его мужественныхъ дѣлъ: это еще болѣе меня удостовѣряетъ, что авторъ самъ здѣсь не былъ.

Но вотъ что еще болѣе укореняетъ это мое мнѣніе: описывая овладѣніе курганною баттареей (стол. 2-й), онъ присовокупляетъ, что артиллерія на ней *оскудѣла зарядами*, и будто бы непріятель этимъ только и воспользовался. Не знаю, изъ какихъ источниковъ это почерпнуто, но дѣло въ томъ, что Бонами, пе-

ни какого сравненія. Конечно, въ той и другой есть *пропуски*, *недосмотры*, *ошибочные взгляды*, но этимъ недостаткамъ есть различные степени. Относительно *взгляда*, каждый вѣкъ имѣетъ свой современный взглядъ, не только что общій, но и частный каждаго историка, описывающаго событія, совершавшіяся за два, за три и болѣе вѣковъ, какъ Н. М. Карамзинъ. Нынѣ взглядъ можетъ быть иной, а чрезъ сто лѣтъ опять другой, что доказываетъ исторія Франціи, въ которой отдаленныя событія изображаются съ точки зрѣнія каждаго автора по политическимъ его направленіямъ. Но А. И. Михайловскій описывалъ не событія, совершившіяся за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ, а то, что происходило въ его глазахъ, гдѣ онъ участвовалъ, при всей возможности разобрать критически современныя повѣтствованія о его предмеметѣ, слѣдовательно разница между двумя повѣтствованіями такого рода огромная: первый можетъ хвалить и порицать того или другаго по своему разумѣнію, не опасаясь разжечь противъ себя злобу однихъ, или прислужиться къ другимъ, потому что вѣка покоятъ ихъ въ могилѣ; но не тѣ отношенія втораго—онъ долженъ быть остороженъ и къ умершимъ, но оставившимъ поколѣніе могущественное по связямъ и значенію, и противъ живыхъ въ той же степени, и т. д.

*) Но не смертельно, какъ удостовѣрялъ корпусный докторъ Кошеревскій, его перевязывавшій: пуля прошла чрезъ сальникъ, не коснувшись внутренностей.

рейдя ручей, шелъ, не останавливаясь, ружье на рукѣ, и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, ворвался на баттарею, которая не могла оскудѣть зарядами въ столь короткое время.

Отбитіе баттареи взято изъ сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго съ нѣкоторыми варіантами, и именуются тѣ же самые генералы 7 го Корпуса Второй Арміи, а полки 6-го Корпуса (Первой Арміи) и ни одного изъ генераловъ сей послѣдней кромѣ Ермолова, начальника штаба Первой Арміи, ударившаго въ штыки съ баталіономъ Уфимскаго Полка (24-й дивизіи 6-го корпуса). Объ этомъ уже было говорено. Обращаюсь къ совершенно новому эпизоду этого сраженія, о которомъ почтенный авторъ упоминаетъ первый.

Описавъ отбитіе баттареи, авторъ присовокупляетъ: «Оставшись на баттареѣ, Ермоловъ командовалъ ею все время, покуда не замѣнили избитаго корпуса Раевскаго *войсками Остермана*.» Откуда это почерпнуто, мнѣ неизвѣстно; ни одинъ писатель объ этомъ не говоритъ. *)

По истребленіи колоннъ Бонами, въ чемъ принимали живѣйшее участіе полки 24-й дивизіи (6-го Корпуса Дохтурова), поименно названные у Михайловскаго-Данилевскаго, потомъ повторенные въ первомъ нумерѣ Военнаго Сборника 1858 г., въ статьѣ Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіора и Профессора Николаевской Академіи М. И. Богдановича, (занимающагося описаніемъ исторіи войны 1812 г.) Въ статьѣ этой Г. Богдановичъ приводитъ письмо Раевскаго и донесеніе Барклая-де-Толли и другія данныя, изъ которыхъ видно, что здѣсь были полки 19-й и 40-й Егерскіе, баталіоны. Уфимскій и Томскій, всѣ корпуса Дохтурова 24-й дивизіи. Но есть еще живые свидѣтели происходившаго на этомъ пунктѣ: они могутъ засвидѣтельствовать, что здѣсь войска корпуса Остермана не были, а именно (независимо отъ меня) помянутый Генералъ Дубельтъ, Генералъ-Лейтенантъ Вальцъ, стоявшій съ орудіями (роты Веселицкаго), при самомъ курганѣ, Генералъ-Лейтенантъ Бѣлогужевъ, тогда ротный командиръ Ширванскаго Полка корпуса Дохтурова, конечно, найдутся еще и другіе. Каково же имъ будетъ видѣть въ этой статьѣ, что войска Остермана, послѣ отбитія Французовъ, занимали курганную баттарею до при-

*) Михайловскій-Данилевскій не упомянулъ даже о 20-мъ Егерскомъ Полку корпуса Остермана, который въ числѣ многихъ егерскихъ полковъ, отдѣленныхъ отъ корпусовъ съ вечера наканунѣ битвы, для занятія кустарниковъ по Колочѣ, случился противъ курганной баттареи, и оттиснутъ былъ коллонами Бонами, но полкъ этотъ столько пострадалъ отъ мужественнаго сопротивленія наступающимъ, что пришелъ къ баттареѣ уже въ самомъ незначительномъ числѣ. Остерманъ занялъ въ послѣдствіи мѣсто, занимавшееся Раевскимъ, но отнюдь не баттарею, о чемъ далѣе говоритъ и самъ авторъ.

бытія 24-й дивизіи, тогда какъ всѣ вышепоименованные полки были этой самой дивизіи, а 19-й и 40-й егерскіе поставлены для защиты этой баттереи самимъ Раевскимъ, до взятія ея Генераломъ Бонами?

Далѣе (стр. 1173, ст. 1), описывая вторичное нападеніе на курганную баттарею, почтенный авторъ присовокупляетъ: «Неимовѣрныя усилія Французовъ и прибытіе вице-короля съ Италіянцами, восторжествовали надъ твердостью истощившихся *Остермановыхъ полковъ:* люнетъ остался во власти непріятеля» и т. д. Нѣсколько же далѣе (стр. 2-я) сказано: «Когда Графъ Остерманъ, со ввѣренными ему войсками, смѣнилъ въ центрѣ корпусъ Раевскаго, съ утра отстаивавшій курганную баттарею, Генералъ Лихачевъ замѣнилъ его своею 24-ю дивизіею, и, съ рѣдкимъ упорствомъ защищая этотъ люнетъ безъ малаго шесть часовъ, положилъ, чуть не до послѣдняго всѣхъ своихъ солдатъ.» Какъ же согласовать одно и тоже событіе, представляемое авторомъ совершенно инымъ образомъ? Въ одномъ мѣстѣ Остерманъ смѣняетъ войска Раевскаго на курганной баттареѣ послѣ разгромленія колоннъ Бонами, и съ упорствомъ защищаетъ люнетъ противъ новыхъ покушеній непріятеля, который наконецъ торжествуетъ надъ изнеможенными Остермановыми полками, и окончательно вырываетъ у нихъ изъ рукъ люнетъ, а Лихачевъ, смѣнившій Раевскаго, упорствуетъ непріятелю почти шесть часовъ, и наконецъ съ потерею люнета самъ содѣлывается плѣнникомъ, *) и кладетъ чуть не до послѣдняго человѣка изъ своей дивизіи? Въ приведенномъ Генералъ-Маіоромъ Богдановичемъ (о чемъ упомянуто выше) донесеніи Барклая де-Толли фельдмаршалу о битвѣ при курганной баттареѣ и въ письмѣ Раевскаго, нѣтъ и помина объ Остерманѣ и его войскахъ, чего бы не упустили сдѣлать, ибо именуются даже баталіоны, дѣйствовавшіе на этомъ пунктѣ. Замѣчу мимоходомъ, что при описаніи въ разсматриваемой статьѣ взятія во второй разъ курганной баттареи, ни слова не сказано, что ею овладѣла конница, заѣхавшая съ тылу и съ фланговъ полунедостроеннаго и полуразрушеннаго люнета. Эпизодъ для военнаго человѣка замѣчательный, ибо Лихачевъ, можетъ быть, и отбилъ бы напирающую пѣхоту съ фронта, если бы не былъ пораженъ съ тыла конницею.

Замѣчу въ нѣсколькихъ словахъ, гдѣ находился 2-й Корпусъ Остермана во все это время. Послѣ того, какъ въ первый разъ курганная баттарея была взята Генераломъ Бонами и опять очищена войсками корпуса Дохтурова, фельдмаршалъ приказалъ кор-

*) Плѣненіе генерала сего описывается такъ, какъ не говорится у Михайловскаго-Данилевскаго. Я говорилъ уже о семъ въ помянутыхъ мною статьяхъ.

пусу Остермана занять пространство, занимавшееся корпусомъ Раевскаго, влѣво отъ курганной баттареи до Семеновскаго, и ослабленнаго еще прежде отбытіемъ всей второй линіи (третьи баталіоны); такъ, что когда Бонами направился на баттарею, въ корпусѣ Раевскаго оставались только первые баталіоны чрезвычайно потерпѣвшіе отъ сильной перестрѣлки въ кустарникахъ и ужасной канонады, предшествовавшей наступленію Бонами, и потомъ преслѣдовавшіе остатки отбитыхъ его войскъ. Лихачевъ получилъ приказаніе сдвинуть къ курганной баттареѣ остальную часть своей 24-й дивизіи (19-й и 40-й Егерскіе полки, Уфимскій и Томскій баталіоны, уже находились при оной) и Ермоловъ отбивавшійся до сего времени отъ непріятеля, поручилъ ему защиту этого пункта, что онъ мужественно исполнилъ. Другая же дивизія Корпуса Дохтурова, 7-я Капцевича (о которой въ донесеніи Барклая-де-Толли сказано: *безподобная пѣхота*) придвинулась отъ Горокъ къ курганной баттареѣ, и заняла мѣсто, на которомъ находилась предъ симъ 24-я дивизія. Прежде чѣмъ поведена была аттака во второй разъ на эту баттарею, Остерманъ былъ оконтуженъ и нашелся принужденнымъ оставить всѣ войска, что впрочемъ говоритъ и Михайловскій-Данилевскій. Слѣдовательно изъ всего вышесказаннаго видно, что ни самъ Остерманъ лично, ни войска его корпуса не защищали курганной баттареи, о чемъ никто и не говорилъ прежде появленія настоящей статьи: «*Третья война.*»

Описавъ распоряженія Кутузова о движеніи Уварова и Платова на лѣвый непріятельскій флангъ, присовокуплено (стр. 1172, ст. 3): «Одно уже это распоряженіе показываетъ, какъ хорошо понималъ Кутузовъ Наполеона, и съ какою холодностью и неподражаемымъ умѣньемъ уравнивалъ ходъ этой страшной битвы. У Французовъ въ эту пору оставлялась старая и молодая гвардія (бездѣлица!) и не болѣе пяти полевыхъ бригадъ съ шестидесятью орудіями (по Михайловскому–Данилевскому, несравненно больше), у Русскихъ стояли напротивъ *нетронутые цѣлые корпуса, не говоря о резервахъ* «и т. д. Очень жаль, что эти *нетронутые цѣлые корпуса* не поименованы, да въ описываемый моментъ и трудно было назвать ихъ, а притомъ и самъ авторъ исчислилъ уже прежде всѣ корпуса, вошедшіе въ дѣло.

Вслѣдъ за описаніемъ окончательнаго овладѣнія курганной баттареи, говорится (стр. 1173 ст. 1) «Французскіе кирасиры, съ адскою отвагой прорвавшіеся сквозь Русскія линіи, даже до резервовъ старой гвардіи, падали подъ штыками *Преображенцевъ и Семеновцевъ*; Кавалергарды, Конная Гвардія, кавалерія Барона Корфа и Крейца, съ запальчивостью рѣзались съ отборными всадниками Наполеона.»

Изъ этого описанія ясно видно, что Преображенскій и Семенов-

скій Полки—*были съ непріятелемъ въ схваткѣ*, и работали штыкомъ, чего впрочемъ, я нигдѣ не читалъ и на мѣстѣ не слыхалъ. Оба эти полка оставались подъ ядрами почти во все продолженіе битвы, и едва ли имѣли случай зарядить ружья; правда и то, что многіе въ нихъ были ранены штыками, такъ, напримѣръ, Преображенскаго Полка Капитанъ Шкуринъ, но раны ему нанесены были штыкомъ не непріятельскимъ, а Русскимъ: ядра, попадавшія въ людей, раздробляли ружья, и штыки вонзались въ сосѣдей. Но не въ томъ дѣло. Здѣсь въ статьѣ сказано, что Преображенцы и Семеновцы работали противъ непріятеля штыкомъ, отъ котораго онъ падалъ, а нѣсколько далѣе говорится: «У насъ также былъ *нетронутый* резервъ, ядро Русскихъ силъ, Полки *Преображенскій* и *Семеновскій*, *Кавалергарды* и *Конная Гвардія* и т. д.» Какъ же опять согласовать все это? Не бывшимъ въ дѣлѣ, или не изучавшимъ онаго, естественно представляется вопросъ: «да были ли эти полки въ дѣлѣ, или нѣтъ?» Между тѣмъ, Кавалергарды и Конная Гвардія ходили въ аттаку и на пѣхоту и на конницу и славно работали, потерявъ не мало офицеровъ (въ числѣ ихъ Полковникъ Левенвольдъ, Ротмистръ Римскій-Корсаковъ и пр.) и нижнихъ чиновъ. Значитъ, что они *были тронуты*. А вотъ что читаемъ и у Михайловскаго-Данилевскаго: «Князь Кутузовъ не ввелъ въ огонь шести полковъ: четырехъ егерскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ Полковника Потемкина, на крайнемъ правомъ флангѣ, и *Преображенскаго и Семеновскаго, которые стояли подъ ядрами, и лишились пятидесяти девяти человѣкъ убитыми и ранеными:* въ первомъ тридцать семь, во второмъ двадцать два человѣка.» Подобныя разногласія сбиваютъ и неотмѣнно требуютъ строгаго критическаго разбора, чтобы наконецъ сдѣлать положительный выводъ.

Въ разсужденіяхъ о дѣйствіяхъ Кутузова и Наполеона встрѣчаемъ: «Если бы Наполеонъ ввелъ въ дѣло гвардію, послѣдній резервъ, на который могъ еще опереться при неудачѣ, тогда, нѣтъ сомнѣнія, Кутузовъ перемѣнилъ бы свой планъ: сталъ бы дѣйствовать наступательно; что и было обнаружено, когда Русскій вождь *только погрозилъ.... Кутузовъ не того хотѣлъ, чтобы чрезчуръ застращать противника, обратить его на попятный дворъ.* *) Какъ сома *непобѣдимаго* маня приманкой,

*) Можно ли допустить и мысль, что Кутузовъ, имѣя возможность разбить Наполеона при Бородинѣ, не сдѣлалъ того съ намѣреніемъ, ему приписываемымъ, *чтобы не черезчуръ застращать противника*, котораго бы онъ могъ обратить *на попятный дворъ*, предпочелъ впустить его въ Москву? Въ другомъ мѣстѣ (№ 277-й стр. 1176 ст. 1) сказано: «Остановки Наполеона на этомъ пути (отъ Бородина къ Москвѣ) крайне тревожили Кутузова, опасавшагося, чтобъ Наполеонъ не одумался и не поворотилъ *назадъ*, или куда въ сторону.» Это послѣднее быть могло; но врядъ ли фельдмаршалъ могъ предполагать, чтобы Наполеонъ повернулъ назадъ; безъ положитель-

Русскій Фабій попустить ему повиснуть на удѣ, *) когда онъ проглотитъ при кормѣ нѣсколько глубже и далѣе отъ Смоленска.» Потомъ говорится также и о нашемъ резервѣ, что упомянуто предъ симъ періодомъ. Далѣе сказано, что въ этотъ день Русскіе сражались съ *двадцатью двумя иноплеменными народами*, а въ другомъ мѣстѣ (№ 273 стр. 1154 ст. 2) *двадцать два языка*. Такое количество и народовъ и языковъ трудно насчитать безъ сильной

ныхъ данныхъ нельзя допустить сего опасенія въ опытномъ взглядѣ князя. У Михайловскаго-Данилевскаго читаемъ совсѣмъ противное: «Князь опасался, чтобъ Наполеонъ не обошелъ его авангарда и не подавилъ Винценгерода, почему и принималъ противъ сего мѣры,» и нѣтъ слова о томъ, будто бы онъ думалъ, что Наполеонъ *вернется*. Но еще болѣе: (№ 253 стр. 1196 ст. 1) описывая ужасное положеніе Наполеона подъ Краснымъ, гдѣ онъ долженъ былъ погибнуть со всею арміею, авторъ присовокупляетъ: «но Михайло Иларіоновичъ, *держась правила, что лежачаго не бьютъ*, не тревожилъ противника въ его шаткомъ положеніи, и *съ главными силами не вступалъ въ бой, а оставался зрителемъ.*» Какое значеніе будетъ для потомства имѣть «то ужасное слово: *лежачаго не бьютъ* въ устахъ главнокомандущаго, тогда, какъ армія Наполеона разорила длинную полосу Россіи и ея первопрестольную столицу, и при какихъ условіяхъ слово это будто бы произнесено свѣтлѣйшимъ! Участники войны никогда тому не повѣрятъ. Здѣсь должно замѣтить еще, что Наполеонъ шелъ эшелонами, чрезъ сутки, по корпусамъ или частямъ арміи. Въ первомъ эшелонѣ былъ Наполеонъ, о которомъ выше и говорится, и едва ли имѣлъ четвертую часть противъ нашихъ и въ какомъ пололоженіи? Оно изображено самимъ же авторомъ. Далѣе описывается, какимъ образомъ спасся Наполеонъ съ совершенно разстроенными войсками. Еще далѣе (стр. 1197 ст. 3), описавъ положеніе Наполеона, подходящаго къ переправѣ на Березинѣ, авторъ говоритъ: «Подойди Кутузовъ — и Наполеонъ *погибъ бы неизбѣжно;* но Русскій вождь, какъ доказываютъ это многія обстоятельства и самыя послѣдствія, имѣлъ другой разсчетъ, другіе виды и т. д.» Затѣмъ авторъ распространяется въ доказательствахъ, что Кутузовъ и здѣсь слѣдовалъ заранѣе обдуманному плану, не хотѣлъ нанести окончательнаго истребленія остаткамъ Французской арміи (представляемой въ самыхъ ужасныхъ видахъ) и въ особенности плѣненія самого Наполеона, потому дескать, что это не только не было бы полезно Россіи, но послужило бы ей даже ко вреду. Вотъ видите, потому что Франція за это всполошилась бы и собрала бы новыя силы (а Маллетъ, о которомъ упоминалъ авторъ?), да и Германія не была бы, можетъ быть, равнодушна, хотя въ другомъ мѣстѣ самъ авторъ пишетъ, что Наполеонъ, проѣзжая по Германіи, подъ именемъ Рейневаля, *опасался*, *чтобы его ее узнали и не остановили*. Словомъ, здѣсь длинно приводить всѣ мнѣнія автора, изложенныя по сему предмету и замѣчанія на оныя, потому что это увлекло бы къ той же логикѣ, что и *унтеръ-офицерская трость*, и *азъ*, *буки*, *вѣди*. Можетъ быть со временемъ, на досугѣ, я разсмотрю и эту половину войны, а здѣсь опять повторяю: можно ли выставлятъ нашего полководца въ такомъ свѣтѣ, и какъ будто, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ объ истинѣ событій и о предусмотрительности его, прибѣгать даже къ пословицѣ — *лежачаго не бьютъ*, пословицѣ, получившей начало свое, конечно, не отъ чего другаго, какъ отъ кулачныхъ бойцовъ! Врядъ ли кто изъ Русскихъ (объ иностранцахъ молчу) повѣритъ автору въ той прозорливости, которую

*) Относительно послѣднихъ словъ, сознаюсь, я худо понимаю ихъ смыслъ потому что если *сомомъ* названъ Наполеонъ, то хотя онъ и углубился, но *не повисъ на удѣ*, а уплылъ; впрочемъ *сома* едва ли и можно поймать этимъ орудіемъ. Относительно же *непобѣдимости*, *сома* конечно не побѣдитъ *щука*, *лещъ* и т. п., но *сомъ* побѣждается *осетромъ*, *бѣлугою*, не говорю уже о *китѣ*. Все это никакъ не допускаетъ добраться до положительнаго смысла меня и тѣхъ, съ которыми я искалъ объяснить эту загадку.

натяжки. Поляковъ, Кроатовъ Далматъ, Иллирійцевъ, Богемцевъ' Моравцевъ, Австрійскихъ Сербовъ или жителей Бачки, Срема' Лужичанъ, и т. п., входившихъ въ составъ арміи Французской' Австрійской и Прусской—нельзя назвать *иноплеменными Рус' скимъ*. Правильнѣе было бы называть двадцать два государства› то есть имѣющихъ свою политическую самостоятельность но въ то время, одинъ Наполеонъ былъ самостоятеленъ; если же и считалось двадцать двѣ Нѣмецкихъ и Италіянскихъ земелекъ, давшихъ свой контингентъ, число ихъ удвоится и утроится, ибо конечно тутъ были безсчетные Ангальты. Зондерсгаузены, Зигмарингены, Детмольды: Санъ-Маринцы, изъ Монако, изъ Лукки и т. п. Но здѣсь главное то, что вмѣсто двадцати, какъ мы привыкли слышать, почти въ продолженіе полувѣка, набавлено еще два—значитъ, что счисленіе этихъ народовъ гдѣ-нибудь да здѣлано, что было бы весьма любопытно видѣть, а въ отношеніе этнографіи и поучительно. Если же разумѣть подъ словомъ *языковъ* буквально языкъ, т. е. разговорный, то включивъ сюда и языкъ Рустана, мамелюка Наполеонова, сопровождавшаго его въ Россію, будетъ еще большой недочетъ. О нарѣчіяхъ же и говорить нечего: ихъ конечно было болѣе сотни. Во Франціи почти каждый департаментъ имѣетъ свое нарѣчіе, а оконечные другъ друга и не понимаютъ. Въ Италіи тоже, а объ Австрійской мозаикѣ и говорить нечего. Сербъ не понимаетъ Богемца, Богемецъ Кроата, а этотъ Далматинца и т. д., хотя всѣ Славянскаго племени. *)

онъ приписываетъ нашему вождю съ такой точки зрѣнія. Если Наполеонъ выбрался изъ Россіи со всѣми маршалами, причина тому была, конечно, болѣе могущественная, не во власти фельдмаршала было восторжествовать надъ нею, а не на поговоркахъ основалась она. Авторъ самъ описываетъ жестокость битвъ, данныхъ въ окрестностяхъ переправы чрезъ Березину, арміею, которую представлялъ онъ самъ совершенно разстроенною еще подъ Краснымъ. Слѣдовательно, не должно ли было смотрѣть на Кутузова, какъ на предводителя, не хотѣвшаго подвергнуться бойнѣ, подобной Бородинской, но сохранить свои войска въ той числительности, въ которой они подвинулись къ границамъ, и тѣмъ воодушевили Германію? Съ этой бы точки скорѣе слѣдовало представить осторожность Кутузова, принесшую столько славы Россіи. Неужели серіозно можно сказать, что если бъ проницательность фельдмаршала представила ему вѣрную возможность разбить Наполеона, онъ не воспользовался бы ею самъ, и не увѣнчалъ бы арміи лаврами, подобно тому, какъ это сдѣлалъ въ Слободзеѣ, за годъ предъ тѣмъ? Этому труднѣе повѣрить чѣмъ логической силѣ *аза съ компаніей*. Впрочемъ въ разсматриваемой мною статьѣ, въ особенности въ этой половинѣ войны много противорѣчій. Еще повторяю: пора взяться кому либо изъ ученыхъ за достойное изложеніе исторіи нашего полководца. Въ матеріялахъ недостатка быть не можетъ, и, конечно, потомки его и сподвижники имѣютъ еще многое, не видавшее свѣта. Для соединенія всего этого и для очистки критикою — нужна только вѣтлая голова. Честь Русской арміи, а потому и Россіи этого требуетъ.

*) Въ 1849 году Славянскій конгресъ, въ Прагѣ, явилъ собою юмористическую сцену. Единоплеменные, но разрозненные Славяне принуждены были разговаривать между собою по-Нѣмецки.

Авторъ положительно утверждаетъ. что оставленіе Москвы было заранѣе придумано Княземъ Смоленскимъ, и нѣкоторымъ образомъ возводитъ эту мысль до 1796 года, и присовокупляетъ (№ 278-й стр. 1176-я ст. 2-я). «Это подтверждаютъ и собственныя слова Кутузова, выражаемыя имъ письменно и словами. Такъ 17-го Августа, при отъѣздѣ изъ Гжатска въ Царево-Займище, Кутузовъ писалъ Ростопчину, *какъ бы желая знать его мнѣніе; не рѣшенъ еще вопросъ, потерять ли армію, или потерять Москву? Полагаю съ потерею арміи, вся Россія въ потерѣ.*» У Михайловскаго-Данилевскаго, писавшаго съ оригинальныхъ документовъ, письмо это приведено цѣликомъ; въ немъ сказано: «По моему мнѣнію, *съ потерею Москвы* (а не арміи) *соединена потеря Россіи.*» Далѣе князь дѣлаетъ нужныя въ этомъ смыслѣ распоряженія. Слѣдовательно здѣсь смыслъ совершенно иной тому, который придаетъ письму почтенный авторъ.

Далѣе сказано, что Князь Кутузовъ, по собраніи военнаго совѣта въ Филяхъ, предложилъ вопросъ: «Выгоднѣе ли сражаться предъ Москвою, или оставить ее непріятелю?» Михайловскій-Данилевскій же, въ подробномъ описаніи совѣщаній на этомъ совѣтѣ, приписываетъ эти точныя слова не Кутузову, а Бенигсену, открывшему ими начало преній, на что, вслѣдъ за произнесеннымъ Бенигсеномъ, «Князь Кутузовъ замѣтилъ, что предварительно надобно объяснить положеніе дѣлъ и подробно изобразитъ неудобства позиціи:» Слѣдовательно и здѣсь разногласіе въ повѣствованіяхъ, а въ какомъ обстоятельствѣ? Когда дѣло шло, отдать ли врагу первопрестольную столицу безъ битвы, или сразится съ нимъ.

На этой же страницѣ, въ выноскѣ, сказано, что *нѣкто* изъ присутствующихъ на военномъ совѣтѣ жарко настаивалъ на мнѣніи сразиться съ *непріятелемъ*. Кутузовъ взялъ его за пульсъ, сказалъ: *генералъ, вы больны!* Михайловскій-Данилевскій говоритъ, что это происходило не тамъ, гдѣ сказано выше, а на Поклонной Горѣ, за нѣсколько часовъ до собранія совѣта, слѣдующимъ образомъ: «Выслушавъ начальника Главнаго Штаба 1-й Арміи Ермолова, говорившаго съ жаромъ о невозможности принять на позиціи сраженіе, взялъ его за руку и пощупавъ пульсъ, спросилъ: «*здоровъ ли ты?*»

Засимъ авторъ заключаетъ свое непреложное мнѣніе о томъ; что Князь Кутузовъ давно предположилъ оставить Москву врагу, и повторяетъ то же, что сказано было выше о *сомѣ*, долженствующемъ повиснуть на удѣ. Вотъ оно: «Довольно *и этихъ доводовъ* убѣдиться, что еще до Бородинскаго сраженія (?) Русскій главнокомандующій составилъ планъ, въ который входило оста-

вленіе Москвы Французамъ. *И вотъ почему*, по прекращеніи кровопролитія 26-го Августа, *честолюбіе Русскаго вождя заключалось не въ томъ, чтобы принудить Наполеона къ отступленію (!!). но чтобъ увлечь его за собою.* Кутузовъ, нѣтъ сомнѣнія, не удивилъ бы его (?) наступательными дѣйствіями, напротивъ, онъ только помогъ бы тѣмъ выпутаться изъ бѣды. Съ каждымъ удаленіемъ къ Смоленску непріятель становился сильнѣе (!), и Русскіе тогда, при всѣхъ успѣхахъ, не могли бы вытѣснить его изъ предѣловъ Польскихъ губерній. Зима помѣшала бы нашимъ дѣйствіямъ (?), а непріятелю доставила бы способы укрыться отъ ея жестокости и т. д.» Это совершенно новая сторона исторіи войны 1812 года въ мнѣніи Русскаго. Относительно же ктой съ чѣмъ подобнаго мнѣнія иноземныхъ писателей, сказавшихъ, что Наполеонъ не долженъ былъ оставаться такъ долго въ Москвѣ, неосновательность онаго критически съ подробностью разсмотрѣна въ книгѣ: «*Дѣйствительныя причины гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ Россіи*» изданной въ 1855 году. Сознаюсь еще разъ, что я не могу допустить мысли, чтобы Князь Кутузовъ, имѣя возможность разбить Французовъ и заставить ихъ отступить, не достигнувъ разоренія первопрестольной нашей столицы, не сдѣлалъ бы этого съ намѣреніемъ, ему приписываемымъ! Изъ всѣхъ по сему предмету сужденій, по моему мнѣнію, болѣе вѣрныхъ есть изложенное въ одномъ изъ нумеровъ Сѣверной Пчелы, въ статьѣ Князя Н. Б. Голицына, и конечно, если бы съ сей точки зрѣнія развить событія 2-го Сентября, оно получило бы полный авторитетъ въ пользу Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова.

Послѣ сего (тутъ же) почтенный авторъ говоритъ о Московскомъ пожарѣ, и полагаетъ, что Свѣтлѣйшій, *по всѣмъ вѣроятіямъ*, заранѣе *условился* съ Ростопчинымъ, что въ крайности *можетъ быть*, прійдется оставить и т. д.» Предположеніе догадочное и совершенно противоположное всѣмъ извѣстнымъ документамъ сего событія. *) Оно приводитъ къ заключенію о силѣ Наполеона, что рѣзко отличается отъ того, что было сказано нѣсколько строчекъ выше, будто Князь Кутузовъ могъ его разбить и не допустить до Москвы (слѣдовательно почиталъ себя въ силахъ), но не хотѣлъ этого сдѣлать, имѣя другой затаенный планъ дѣйствій. Вотъ что сказано: «Начни горѣть Москва днемъ ранѣе, подъ стѣнами ея произошелъ бы ужасный *карамболь*. При первомъ извѣстіи, что Москвичи сами жгутъ свою столицу, Наполеонъ опомнился бы *и сумѣлъ бы выпутаться изъ разставленныхъ сѣтей*, небрежно прорваныхъ самими же ловцами. Наполе-

*) О Московскомъ пожарѣ въ помянутой выше книгѣ, критически разсмотрѣны всѣ сочиненія Русскія и иностранныя, описывающія эту катастрофу.

онъ имѣлъ тогда довольно *времени и силъ* дать другое направленіе военнымъ дѣйствіямъ; ужъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы засиживаться въ Кремлѣ, и не выпуская изъ виду Кутузова, *могъ еще бороться съ выгодою*, — могъ итти на Петербургъ и т. д.» Можно ли предполагать, чтобы Наполеонъ въ Сентябрѣ рѣшился итти прямо на сѣверъ, чтобы прійти туда къ Рождественскимъ морозамъ? Развѣ на томъ только основаніи, что *сомъ* долженъ искать береговъ моря.

Какимъ же это образомъ Наполеонъ могъ быть обращенъ изъ Бородина *на попятный дворъ*, и не сдѣлалъ этого потому только, что Князь Кутузовъ, будто бы, не захотѣлъ того, а подъ Москвою, когда онъ былъ болѣе ослабленъ и оставилъ еще одинъ корпусъ въ Можайскѣ, вдругъ могъ еще бороться съ выгодою противъ Князя Кутузова, получившаго нѣкоторыя подкрѣпленія и сильную подпору въ вооруженныхъ Москвичахъ! Да этого еще мало. Наполеонъ, имѣя противъ себя силы Кутузова, оставилъ бы его на своемъ хвостѣ, и пошелъ бы въ Петербургъ, гдѣ, на дорогѣ, долженъ былъ встрѣтить, если не армію, то многіе отряды, которые бы его безпрестанно изнуряли и уничтожали плотины, мосты, переправы. Все, сказанное тутъ авторомъ, не показываетъ силы Кутузова и безсилія Наполеона, почему и не согласуется съ тѣмъ, что сказано было выше о возможности обратить Наполеона назадъ, не допуская до Москвы.

Покуда этимъ оканчиваю. Дальнѣйшее разсмотрѣніе статьи представляетъ одинаковый результатъ *) противорѣчій автора въ событіяхъ, а иногда и съ собственнымъ своимъ мнѣніемъ, въ различныхъ мѣстахъ изложеннымъ. Конечно, журнальная статья не есть исторія, но такія статьи необходимы для нея потому, что очищаютъ событія критикою. Изготовляющаяся нынѣ къ изданію исторія этой войны, конечно, пополнитъ всѣ недостатки, критически разсмотритъ всѣ объ оной сказанія, и этимъ разъ навсегда утвердитъ истину.

8-го Января 1859 года.

---

*) «Напримѣръ (ст. 3): Наполеону стоило большаго труда собрать свѣдѣнія о Русской арміи (когда онъ былъ въ Москвѣ); у Кутузова, *напротивъ*, получались самыя вѣрныя извѣстія обо всемъ, что дѣлалось у Французовъ.» За симъ слѣдуетъ повѣствованіе о Фигнерѣ, будто бы бывшемъ истопниковъ въ Кремлѣ у Наполеона и тому подобные разсказы, тогда ходившіе по арміи. Этотъ отзывъ рѣзко противорѣчитъ событіямъ: Наполеонъ началъ оставлять Москву; 2-го Октября потянулись обозы, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го продолжалось движеніе на Калугу, а 7-го, онъ выѣхалъ и самъ, а въ лагерѣ подъ Тарутинымъ о семъ узнали только 11-го Октября, въ часъ пополуночи, и то не изъ Москвы, а Дохтуровъ, отправленный 10-го числа въ Боровскъ разбить Французскую дивизію, донесъ изъ Аристова: что тутъ уже самъ Наполеонъ съ своею гвардіею и. т. п. Это подробно изложено даже у Михайловскаго-Данилевскаго, и много еще подобнаго: страшно приняться!

ЕЩЕ О ФАЛЬШИВЫХЪ АССИГНАЦІЯХЪ 1812 ГОДА.

(СТАТЬЯ, ПОМѢЩЕННАЯ

ВЪ «РУССКОМЪ АРХИВѢ»

1865 г., ВЫПУСКЪ 7-й).

Въ 4-мъ выпускѣ «*Русскаго Архива*» помѣщена статья, подъ заглавіемъ: «Къ исторіи 1812 года», за подписью «П. Б.»

Въ статьѣ этой идетъ рѣчь о фальшивыхъ ассигнаціяхъ фабрики Наполеона I-го, и независимо отъ приводимыхъ разсказовъ старожиловъ Московскихъ, приложено одно оффиціальное свѣдѣніе. Въ заключеніе статьи почтенный авторъ между прочимъ говоритъ: «Въ архивахъ министерства финансовъ должны быть бумаги по «этому предмету. Если онѣ цѣлы, то ихъ обнародовать было бы «кстати, именно теперь, когда васъ увѣряютъ и поэты (Мицке-«вичъ) и дѣятели политическіе, будто міръ ошибся, неохотно под-«чиняясь желѣзному игу Наполеона I-го.»

Мы вправѣ были надѣяться, что почтенный авторъ «Исторіи Отечественной войны 1812 года», г. м. Богдановичъ, которому, для составленія помянутой книги, были открыты всѣ архивы, представитъ намъ это весьма важное историческое обстоятельство въ настоящемъ его свѣтѣ, но ожиданія эти не сбылись. Почтенный профессоръ военныхъ наукъ упоминаетъ о немъ мимоходомъ.

Вотъ, что у него находится (т. II, стр. 367):

«*Говорятъ*, *будтобы* (!!) Наполеонъ, желая подорвать госу-«дарственный кредитъ нашего правительства, пустилъ въ ходъ «большое число фальшивыхъ русскихъ ассигнацій; *но это обви-«неніе не основано ни на какомъ достовѣрномъ свидѣтель-ствѣ.*» (*)

Въ 1861 году, я составилъ подробный разборъ книги г. м. Богдановича, но пріостановилъ печатаніе до болѣе благопріятнаго времени.

Въ разборѣ этомъ я сдѣлалъ замѣчаніе и на вышеприведенный приговоръ почтеннаго исторіографа о фальшивыхъ ассигнаціяхъ. Вотъ слово въ слово, что сказано у меня объ этомъ предметѣ послѣ выписки помянутаго приговора:

«Какъ! *Говорятъ*, *будтобы*, и что *нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ!!* Мнѣ не вѣрится, что это могло быть напечатано, и съ какою цѣлью? Г. м. Богдановичъ могъ вычитать противное тому у Данилевскаго (т. III, стр. 259), что ког-

*) Здѣсь цитата № 62. «Histoire de la destruction de Moscou en 1812, p. 125—137.» Книга эта направлена противъ Русскихъ, и по ней-то господинъ профессоръ произноситъ свой приговоръ!

да Французы были изгнаны изъ Москвы и другихъ мѣстъ, то «къ «военному начальству представляли жители доставшіяся имъ, по «разнымъ случаямъ, во время непріятельскаго нашествія, сторуб-«левыя ассигнаціи французскаго издѣлія, такъ искусно поддѣлан-«ныя, что даже въ *ассигнаціонномъ банкѣ* приняли ихъ съ пер-«ваго взгляда за настоящія; онѣ отличались отъ русскихъ ассиг-«націй только тѣмъ, что подпись на нихъ была выгравирована».

«Если этого засвидѣтельствованія г. м. Богдановичъ не принялъ, потому что Данилевскій не подтвердилъ онаго цитатой, то самъ Данилевскій могъ уже служить цитатой, какъ *очевидецъ* того, что описываетъ и что мы всѣ (т. е. участвовавшіе въ этой войнѣ) видѣли эти фальшивыя ассигнаціи, какъ у казаковъ, находившихъ ихъ у плѣнныхъ и въ ихъ повозкахъ, такъ и въ Минскѣ, Вильнѣ и почти въ каждомъ жидовскомъ мѣстечкѣ, и потомъ въ Варшавѣ встрѣчали ихъ. Онѣ во множествѣ ходили и въ Петербургѣ, гдѣ многіе помнятъ ихъ очень хорошо. Отличить ихъ отъ настоящихъ можно было только тѣмъ, что они были напечатаны гуще, и подписи на нихъ были гравированы *). Старые мѣнялы могли бы дать г. м. Богдановичу любопытныя свѣдѣнія. Но во всякомъ случаѣ цитата на Данилевскаго была необходима, и, пожалуй, засвидѣтельствованіе его можно было опровергать; для сего однако же слѣдовало справиться и въ архивѣ ассигнаціоннаго банка, ибо исторіографъ какъ бы цитируетъ оный. Данилевскій же (т. IV, стр. 259), описывая побѣгъ начальниковъ французской арміи изъ Вильны за Нѣманъ, говоритъ о письмѣ Бертье къ Наполеону, гдѣ онъ между прочимъ изъявляетъ свою горесть о потерѣ «послѣдней своей *коляски*, въ которой были «самыя тайныя бумаги». Данилевскій присовокупляетъ: «Въ ней «найдено было нами очевидное доказательство мошенничества На-«полеона—доска для дѣланія фальшивыхъ сторублевыхъ русскихъ «ассигнацій.»

«Что, и этого было недостаточно для г. м. Богдановича, чтобы цитировать Данилевскаго? Но вотъ еще (т. III, ст. 259): «Большой запасъ сего бездѣльничества былъ найденъ нами впослѣдствіи въ Кенигштейнѣ. И такъ, повелитель всего западнаго материка Европы, владѣвшій силами и богатствами двадцати народовъ, приведенныхъ имъ для покоренія Россіи — промышлялъ фальшивыми ассигнаціями!»

«Неужели и этого еще мало, чтобы, по крайней мѣрѣ, повторяю, цитировать Данилевскаго? Не должно забывать, что Алек-

*) Главное, сколько я помню, для отличія поддѣльныхъ отъ настоящихъ заключалось въ томъ, что поддѣлыватель просмотрѣлъ, что на настоящихъ— штрихъ, пересѣкающій двойной въ большой буквѣ Х, останавливается съ каждой стороны у встрѣтившагося штриха, а онъ прочеркнулъ его чрезъ середину.

сандръ Ивановичъ Данилевскій, въ 1812 году, находился при князѣ Кутузовѣ, а въ 1813 (и послѣдующихъ 1814 и 1815) при князѣ П. М. Волконскомъ; слѣдовательно онъ имѣлъ, ближе всѣхъ, возможность знать то, что онъ писалъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, какъ въ 1812, такъ и въ 1813 годахъ о найденномъ запасѣ въ Кенигштейнѣ. Неужели г. м. Богдановичъ не нашелъ въ предоставленныхъ ему матеріялахъ никакого слѣда о томъ что знала вся Россія *), и чего онъ не хотѣлъ ввести въ свою исторію, потому, какъ надо полагать, что Данилевскій не подтвердилъ своего сказанія—цитатой?! Положимъ, что г. Богдановичъ, желая исторію свою содѣлать *непогрѣшимо-достовѣрной*, какъ это онъ объявилъ въ предисловіи своемъ, принявъ санъ—«*жреца истины* и *съ свѣтильникомъ въ рукахъ*», не хотѣлъ вводить въ свое повѣствованіе трехъ вышеприведенныхъ отрывковъ, которые, по моему убѣжденію, не могли быть отвергнуты на томъ основаніи, какъ я сказалъ, что Данилевскій въ этомъ отношеніи могъ быть принятъ за авторитетъ и заслуживалъ по крайней мѣрѣ, чтобы упомянуть о его показаніи, хотя бы только въ приложеніяхъ: ибо онъ былъ тоже исторіографъ этой эпохи и писалъ равно, какъ и г. м. Богдановичъ, по высочайшему повелѣнію и также съ разрѣшеніемъ доступа къ матеріяламъ, хранящимся въ разныхъ архивахъ. А притомъ, въ этомъ случаѣ, онъ представляетъ изъ себя несравненно большій авторитетъ, именно потому, что онъ писалъ то, что *самъ видѣлъ*.... Но пусть, наконецъ, г. м. Богдановичъ принялъ за строгое правило ничего не вводить въ свою исторію безъ ссылокъ на документы, то, какимъ образомъ должно будетъ объяснить слѣдующій отрывокъ того же автора (т. III, стр. 144): «Лессепсъ предлагалъ Тутолмину взять для расходовъ по Воспитательному Дому денегъ ассигнаціями, Тутолминъ денегъ не принялъ и писалъ въ донесеніи: *Ихъ была одна зловредность, чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собой весьма большое число, и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье*». Но здѣсь Данилевскій *цитировалъ* уже: «Донесеніе Тутолмина императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11 ноября.»

«Кажется, этого было уже слишкомъ достаточно, чтобы, говоря о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, сказать не такъ, какъ сдѣлалъ это г. м. Богдановичъ. Если онъ не имѣлъ довѣрія къ повѣствованію своего предшественника, то не слѣдовало уже цитировать его въ другихъ мѣстахъ, а иногда и выписывать изъ его книги цѣлые параграфы; правда, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ не всегда говорится—откуда заимствовано. Приведенное же донесеніе Тутол-

*) Извѣстно также, что многіе, воспользовавшись нѣкоторыми обстоятельствами, составили себѣ огромное состояніе.

мина, остававшагося въ Москвѣ все время занятія оной непріятелемъ, по значенію своему, не можетъ быть подозрѣваемо въ вымыслѣ; онъ имѣлъ всю возможность знать все то, что относилось до сего предмета и не дерзнулъ бы писать небывалое въ донесеніи къ императрицѣ. Данилевскій указываетъ на это донесеніе, слѣдовательно г. м. Богдановичъ долженъ былъ имѣть оное въ виду, а потому и упомянуть въ своей исторіи, если не имѣлъ времени порыться далѣе. Засвидѣтельствованія Тутолмина и Данилевскаго заслуживаютъ болѣе вѣры—чѣмъ Шрекенштейны, Клаузевицы, Бернгарды, Гофманы и имъ подобные, на которыхъ цитаты такъ въ нашей Исторіи Отечественной войны 1812 года изобильны. Но если бы почтенный авторъ принялъ на себя трудъ, или имѣлъ бы время, какъ я замѣтилъ выше, порыться въ архивахъ министерствъ, какъ напримѣръ: финансовъ, военномъ, опекунскаго совѣта *), внутреннихъ дѣлъ и въ переданныхъ впослѣдствіи въ оное дѣлъ министерства полиціи; въ архивахъ московскаго и с.-петербургскаго военныхъ генералъ-губернаторовъ, а пожалуй и въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и главнаго почтамта, то всеконечно г. м. Богдановичъ нашелъ бы разъясненіе обстоятельства и открылъ бы, что еще съ весны 1812 года намъ было извѣстно, что наполеоновскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Бассано (Маре), поручилъ варшавскому банкиру Френкелю, изготовленныя на двадцать милліоновъ рублей фальшивыя ассигнаціи предварительно вступленія французовъ— впускать въ наши предѣлы. Въ однихъ Бродахъ на сей предметъ было на полтора милліона такихъ ассигнацій. Волынскій губернаторъ, независимо отъ другихъ, доносилъ объ этой злонамѣренной цѣли. Графъ Гурьевъ, графъ Аракчеевъ сообщали высочайшія повелѣнія; посылались чиновники для надзора по сему предмету, за нашей границей отъ Риги до Радзивилова; но евреи, столь ловкіе въ такихъ случаяхъ и ни кѣмъ въ этомъ промыслѣ незамѣнимые, до вступленія еще французовъ, успѣли уже распространить часть оныхъ, какъ между помѣщиками, такъ и среди войскъ. По вступленіи французовъ, они расходовали эти ассигнаціи въ мѣстахъ, ими занимаемыхъ, и уже съ октября 1812-го года такія ассигнаціи начали входить въ банкъ **). Почтенный авторъ — *своей исторіи*, какъ онъ называетъ ее, нашелъ бы въ архивахъ, что

*) Объ этихъ трехъ вѣдомствахъ упоминаетъ Данилевскій. Взглянуто ли въ ихъ архивы?

**) До 1814 года въ банкъ поступило изъ почтамта отъ разныхъ лицъ, служившихъ въ арміи и пересылавшихъ сюда деньги, около двѣнадцати тысячъ *настоящихъ* и болѣе — чѣмъ на полмиліона *фальшивыхъ*, попавшихся въ Польшѣ и Германіи. Въ этомъ же году, по возвращеніи войскъ, въ артельныхъ суммахъ изъ миліона пятисотъ тысячъ, оказалось на триста тысячъ фальшивыхъ и т. д. Если я, частный человѣкъ, могъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія изъ архивовъ, то что бы могъ найти въ секретныхъ отдѣленіяхъ министерствъ — г. м. Богдановичъ, которому всѣ они открывались?!

при переходѣ нами границы, въ концѣ 1812 года, было объявлено графомъ Аракчеевымъ по сему предмету нѣсколько высочайшихъ повелѣній, между коими предписывалось также Кутузову, по занятіи Варшавы, отыскать банкира Френкеля; нашелъ бы переписку Вязьмитинова, маркиза Паулучи и т. д. Не моя надобность наставлять исторіографа въ обязанности, которую онъ на себя принялъ; я замѣчаю здѣсь это обстоятельство потому только чтобы читатели видѣли, что сказанное г. Богдановичемъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ основано только на его собственномъ умозаключеніи, ибо по настоящему слѣдовало, какъ я сказалъ выше, порыться, или уже вовсе не упоминать объ этомъ; въ такомъ случаѣ это былъ бы только пропускъ, и пропускъ—какихъ въ сочиненіи его встрѣчается много. Но г. м. Богдановичъ, относительно фальшивыхъ ассигнацій, произнесъ свой приговоръ диктаторски, какъ бы профессоръ съ каѳедры своимъ ученикамъ, обязаннымъ быть его слушателями, внимать и вѣрить ему, а не такъ какъ исторіографъ предъ публикой, обязанный все говоримое подкрѣплять фактами и не покрывать столь великодушно дѣйствій тогда существовавшаго правительства во Франціи. Для меня рѣшительно непонятенъ этотъ пропускъ и фраза его о фальшивыхъ ассигнаціяхъ!

«Независимо отъ всѣхъ этихъ, слишкомъ положительныхъ, свѣдѣній, въ 1846 году, старожилы указывали еще двѣ комнаты на Преображенскомъ безпоповщинскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ, въ одной изъ коихъ стоялъ станокъ для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій и жили жандармы *).»

Окончивъ извлеченіе изъ общихъ замѣчаній на книгу г. м. Богдановича, только въ отношеніи того, что̀ сказано по поводу фальшивыхъ ассигнацій, не могу не присоединить еще къ сему, что, будто бы, о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, предварительно впущенныхъ и потомъ ввезенныхъ Наполеономъ въ Россію—*«нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ»*, между тѣмъ, какъ выше я замѣтилъ, такія данныя находятся у насъ въ различныхъ вѣдомствахъ, но почтенной авторъ не прослѣдилъ указаній Данилевскаго, и изъ числа иноземныхъ избралъ только автора—«Исторіи разрушенія Москвы»,—нѣмца, A. F. de B....ch, служившаго въ русской службѣ и написавшаго книгу на своемъ природномъ языкѣ, переводъ которой и принятъ нашимъ почтеннымъ исторіографомъ за единственный авторитетъ, не смотря, что

*) Кладбище это пользовалось особеннымъ покровительствомъ Французовъ, потому-что раскольники онаго, при вступленіи непріятеля. послали депутатовъ къ коменданту и пр. Наполеонъ былъ на этомъ кладбищѣ. Мюратъ и нѣкоторые маршалы неоднократно посѣщали оное. Старикамъ, жившимъ тамъ данъ былъ охранительный отрядъ, и всѣ часовни ихъ были сохранены. Здѣсь не нахожу нужнымъ упоминать нѣкоторыя другія подробности, да и нѣтъ къ тому повода.

вся книга, какъ я замѣтилъ выше, не доброжелательна намъ Русскимъ. Неужели же г. Богдановичъ ничего не вычиталъ у другихъ современныхъ писателей объ этомъ предметѣ? Но оставимъ ихъ и замѣтимъ, что не далѣе какъ 29-го іюля (10-го августа н. ст.) истекшаго 1864 года, въ Парижскомъ ассизномъ судѣ, по дѣлу Франко́вскаго адвокатъ его Тюсъ публично упомянулъ объ этомъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Въ 1812 г., Наполеонъ «чеканилъ русскіе фальшивые рубли, слѣдуя примѣру союзни-«ковъ, наводнившихъ въ 1793 года Францію фальшивыми ассигнаціями.» Чего же нужно болѣе, когда въ настоящее время, при племянникѣ Наполеона I-го, публично, съ каѳедры, говорятъ о семъ? Не было же это исторической тайной! Что же побудило почтеннаго исторіографа такъ отозваться о фальшивыхъ ассигнаціяхъ? Пропускъ этотъ и упоминаніе о столь важномъ предметѣ —«en passant», по моему, по крайней мѣрѣ, уразумѣнію—бросаются въ глаза! Точно также не объясняю себѣ и сказаннаго вскользь о пристрѣливаніи нашихъ плѣнныхъ, тогда какъ это былъ случай не *мѣстный* и не *единственный* во время бѣгства Наполеона изъ Малоярославца, а *мѣра общая*, принятая Наполеономъ при самомъ вступленіи въ Москву и достаточно разсказанная какъ повѣствователями—свидѣтелями французскими, изъ коихъ нѣкоторые были ярыми сторонниками Наполеона, такъ и ихъ тогда союзными. Недавно видѣли мы подтвержденіе сему въ Запискахъ г. а. графа В. А. Перо́вскаго, какъ близкаго тому свидѣтеля. (Русскій Архивъ 1865 вып. 3)

Какъ же можно было, при изображеніи «Исторіи отечественной войны 1812 года», такъ легко коснуться «этихъ двухъ эпизодовъ и упомянуть о нихъ только, какъ бы въ опроверженіе существующихъ уже объ этомъ данныхъ! По моему убѣжденію: приготовленіе и распущеніе фальшивыхъ денегъ, вмѣстѣ съ избіеніемъ нашихъ плѣнныхъ, какъ *мѣрою общей*, составляютъ два предмета первой важности, ибо выходятъ изъ среды общепринятыхъ правилъ веденія войны. Они обрисовываютъ съ одной стороны—тогдашнее положеніе русскихъ воиновъ и страны, занятой непріятелемъ; съ другой, что непріятель нашъ, называющій себя стоящимъ на первой степени цивилизаціи, не останавливался, да конечно и впредь не остановится предъ употребленіемъ и пользованіемъ всѣми средствами, отвергаемыми нравственностью и человѣколюбіемъ *) все остальное, болѣе или менѣе, обще во всѣхъ войнахъ.

*) Не торжественно-ли это доказывается въ крымскую войну 1853—1855 годовъ, подговоромъ Татаръ къ измѣнѣ? А что сказать о послѣднемъ польскомъ мятежѣ, подвигнутомъ и питавшемся цивилизированными народами? Что сказать, наконецъ о разныхъ поддѣльныхъ бумагахъ, распространявшихся у насъ ихъ агентами, которыми сами правительства даютъ убѣжище, кормятъ ихъ

Какимъ же образомъ, повторяю, эти два эпизода нашей—«Исторіи отечественной войны 1812 года» могли быть обойдены? Зачѣмъ искать смывать два грязныя пятна съ врага нашего и, въ замѣнъ этого молчанія, безъ цитатъ (ибо таковыхъ и нѣтъ), а собственнымъ авторитетомъ—густо набрасывать черную краску на многіе дивные подвиги патріотизма, а о другихъ, включенныхъ уже въ исторію, вовсе умалчивать?!

Оставить безъ замѣчаній такіе промахи въ книгѣ г. м. Богдановича мы не могли изъ уваженія къ истинѣ.

Апрѣль, 1865.

и спускаютъ со своры, когда заблагоразсудятъ? Могутъ-ли насъ Русскихъ упрекнуть въ чемъ-либо подобномъ?

ЕЩЕ ОБЪ ИСТОРІИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Отвѣтъ М. Новоселову, на статью его, помѣщенную въ «Голосѣ», 1865 г., № 183, подъ заглавіемъ:

«За и противъ, два слова объ исторіи 1812 г.

г. л. Богдановича.»

(Помѣщ. въ Русск. Архивѣ 1865 г., выпускъ 11).

ЕЩЕ ОБЪ ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сочиненіе ген. л. Богдановича. (*)

«Правда груба, но, при здравомъ разсудкѣ, убѣдительнѣе мягкой лести»

Адмиралъ Шишковъ. Записки, стр. 24.

Въ «Голосѣ» (3-го іюля 1865 года, № 183) напечатана статья г. *М. Новоселова* подъ заглавіемъ;» *За* и *противъ*, два слова объ Исторіи 1812 года, г. л. Богдановича».

Въ статьѣ этой сдѣланы замѣчанія на мою статью, помѣщенную въ «Русскомъ Архивѣ», выпускъ 7-й, 1865 года. («Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 года»). Поводомъ къ составленію помянутой статьи была предшествовавшая ей въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» (4-й в.) подъ заглавіемъ: «Къ исторіи 1812 года». Почтенный авторъ этой послѣдней статьи какъ бы вызывалъ на поясненіе о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 года, справедливо признаваемое имъ за предметъ весьма важный.

Г. Новоселовъ говоритъ, что г. л. Богдановичъ отвергаетъ фактъ поддѣлки кредитныхъ билетовъ, а я положительно утверждаю существованіе этого факта и ссылаюсь на нѣкоторыя документы, къ этому вопросу относящіеся. За тѣмъ присовокупляетъ: «Мы не можемъ допустить, чтобъ г. Богдановичъ отвергалъ этотъ фактъ безъ всякихъ доказательствъ, потому и не желаемъ, чтобъ на Исторію, которая можетъ считаться образцомъ безпристрастія, падали подозрѣнія въ отступленіи отъ безпристрастія. Мы надѣемся, что почтенный авторъ (г. Богдановичъ) не оставитъ безъ отвѣта и критической оцѣнки тѣ документы, на которые ссылается г. Липранди».

И такъ здѣсь уже не мое дѣло: все возлагается на автора «Исторіи Отечественной войны 1812 года». Отъ него одного должно *ожидать* опроверженія существованія тѣхъ несокрушимыхъ

*) Читатели не удивятся, встрѣчая статью полемическаго содержанія на страницахъ нашего изданія, посвященнаго исключительно обнародованію остатковъ старины и скромному изученію эпохъ отжившихъ. Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ исключеніэ ради важности самаго предмета и въ надеждѣ новыхъ историческихъ поясненій. *П. Б.*

документовъ, о которыхъ онъ умолчалъ и которые я привелъ только частію. Обращаюсь къ обвиненію меня, и вотъ какъ статья «Голоса» формулируетъ оное:

«Въ свою очередь, говоритъ она, мы не «можемъ оставить безъ вниманія и того, что «г., Липранди, безъ всякихъ доказательствъ, «произноситъ судъ надъ всей Исторіей 1812 «года»-Далѣе авторъ пишетъ о значеніи Исторіи Отечественной войны: о средствахъ, предоставленныхъ г. Богдановичу для совершенія этого труда, удостоеннаго первой Демидовской преміи; приводитъ мнѣніе «Русскаго Инвалида» (№ 112, 26 мая), гдѣ говорится о сочиненіи г. л. Богдановича «*совершенно противное моему*» и т. д. Къ этому, пожалуй, я присовокупляю еще засвидѣтельствованіе «Journal de Saint-Pétersbourg», гдѣ (Jeudi, 10 juin) г. Богдановичъ названъ «*Celebre* historiographe militaire russe» но всѣ эти и подобные отзывы, по моему крайнему разумѣнію, ничего еще не свидѣтельствуютъ. У насъ никто вполнѣ не разбиралъ этого сочиненія *): одни хвалятъ, другіе нѣтъ, а, пожалуй, и вовсе не прочитавъ изъ него ничего.

Но пора къ дѣлу. Почтенный авторъ статьи «Голоса» полагаетъ, что я неправильно какъ бы упрекаю г. Богдановича въ излишнемъ пристрастіи къ нѣмцамъ, и дѣлаетъ вопросъ: «Развѣ въ такомъ дѣлѣ можно основать свои доказательства только на отечественныхъ источникахъ **)?» Въ нѣкоторыхъ случаяхъ конечно нѣтъ, но не знаю, какъ другимъ, а мнѣ странно было встрѣтить въ Исторіи нашей отечественной войны на половину цитатъ иноземныхъ, враждебныхъ намъ писателей, а именно: изъ всѣхъ 1901-й цитаты у иностранцевъ заимствовано 831 цитата, не считая бюллетеней, ни монитера и т. п., и притомъ о такихъ случаяхъ, кои касались не ихъ самихъ. Впрочемъ ссылаться и на нихъ еще не бѣда, почему и не повѣрить, если дѣльно. Приведу мнѣніе одного ученаго по этому же предмету.

П. Глѣбовъ, въ Артиллерійскомъ Журналѣ 1861 года, № 6-й ***), разсмотрѣвъ непростительные промахи, самопроизвольныя исключенія, которыя г. Богдановичъ позволилъ себѣ сдѣлать, оканчиваетъ статью слѣдующими словами: «Въ заключеніе, позволимъ себѣ «сдѣлать еще одно замѣчаніе. На оберткѣ «сочиненія «г. Богдановича значится: *Исторія Отечественной войны 1812*

*) Въ австрійскомъ Военномъ Журналѣ, въ Вѣнѣ, сдѣланъ разборъ перевода книги г. Богдановича на нѣмецкій языкъ. Восторгъ нѣмецкаго рецензента видѣть такое совершенство замѣчателенъ Я сдѣлалъ свои заключенія, но пріостановился напечатать ихъ еще мѣсяца на два. Въ заключеніяхъ этихъ я буду имѣть случай изложить яснѣе и свое мнѣніе объ этой книгѣ.

**) Мимоходомъ замѣчу, что буквально я не сказалъ: нѣмцевъ.

***) Въ превосходной статьѣ, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ въ защиту памяти Гаврила Александровича Игнатьева.»

«*года, по достовѣрнымъ источникамъ;* въ концѣ же третьяго «тома приложено подробное исчисленіе источниковъ, а изъ ис«численія этого оказывается, что большая часть *) далеко не «достовѣрны. Въ доказательство приведемъ отзывы самаго автора «о главнѣйшихъ источникахъ, которыми онъ пользовался». Здѣсь г. Глѣбовъ вкратцѣ исчисляетъ сдѣланные о нихъ отзывы, и продолжаетъ: «Такимъ образомъ, кромѣ извѣстнаго Клаузевица и мар«киза Шамбре, ни одно сочиненіе, заключающее въ себѣ полное «описаніе войны 1812 года, по мнѣнію г. Богдановича, неизъ«ято отъ превратнаго изложенія фактовъ. Положимъ, что такой «поголовный упрекъ и справедливъ; *но, почему же почтенный «авторъ собственныя свои показанія и сужденія, по боль«шей части, подтверждаетъ ссылками на сочиненія, кото«рыя самъ признаетъ помраченными чрезвычайнымъ при«страстіемъ*, не говоря уже о Данилевскомъ и Бутурлинѣ. При«ложенія ко всѣмъ тремъ томамъ наполнены ссылками на Берн«гарди, Фена, Лабома, Тіера и на другихъ такихъ же, *по удос«товѣренію* г. Богдановича, пристрастныхъ писателей, которые «нисколько не заботились объ истинѣ. Послѣ этого можно ли «согласиться, что Исторія Отечественной войны 1812 года г. м. «Богдановича составлена по источникамъ *достовѣрнымъ?* Во «всякомъ случаѣ такое заглавіе явно противорѣчитъ тому, что «разсказываетъ самъ почтенный авторъ о достовѣрности источ«никовъ, которые послужили основаніемъ его обширному и, для «большинства читателей, весьма любопытному сочиненію».

Относительно же сказаннаго г. М. Новоселовымъ, что «г. Липранди, рѣзко порицая историка, всѣми русскими признаннаго за «авторитетъ, тѣмъ самымъ діаметрально противорѣчитъ цѣлому «обществу и пр»., недоумѣваю, откуда можно извлечь это заключеніе? Я говорю о недостаткахъ Исторіи Отечественной войны, отнюдь не порицая автора: каждый исполняетъ свою обязанность по силамъ и, конечно, авторъ Исторіи Отечественной войны исполнилъ трудъ свой старательно. Что же относится до того, что я замѣчаніями своими «діаметрально противорѣчу цѣлому обществу», то въ этомъ случаѣ, думаю, почтенному автору слѣдовало бы раздѣлить общество на разряды: 1) слышавшихъ о книгѣ, 2) вторящихъ слышанному, 3) читавшихъ отрывки или всю, 4) на изучавшихъ ее. Впрочемъ, вѣдь о вкусахъ и не спорятъ. У насъ настало время, въ которое высшее просвѣщенное военное началь-

*) *Не большая* часть, а исключая Фена и Шамбре, всѣ остальные болѣе или менѣе, никуда не годятся, да и изъ самого Фена, въ особенности изъ Шамбре, г. м. Богдановичъ не внесъ въ Исторію то, что не подлежитъ уже никакому заподозрѣнію и было существенною необходимостью внести въ нашу исторію; такъ наприм. эпизоды во время безначалія въ Москвѣ, Г. м. Богдановичъ многое прошелъ молчаніемъ.

ство предоставляетъ свободу мнѣній относительно военной науки, которая выработывается и выясняется одной только полемикой. П. Астафьевъ, въ превосходномъ сочиненіи своемъ (о современномъ военномъ искусствѣ) справедливо сказалъ: «Военное искус«ство есть общее дѣло, требующее глубокаго коллегіяльнаго об«сужденія и полемики. Одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ со«стояніи и можетъ заблуждаться». Говоря вслѣдъ за симъ о критикѣ, онъ присовокупляетъ: «Гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ искус«ства, тамъ всякая похвала-злая насмѣшка».

И такъ, не приводя здѣсь, пока результата подробнаго разсмотрѣнія книги г. Богдановича и, не отрицая его усердія при составленіи оной, предоставляю людямъ безпристрастнымъ и понимающимъ дѣло оцѣнить достоинство книги, для составленія которой, съ одной стороны, г. профессору военныхъ наукъ предоставлены были всѣ средства: открытъ доступъ во всѣ архивы; книги,—увѣнчанной полной Демидовской преміей: книги,—имѣвшей два изданія; книги—приведшей въ восторгъ рецензента австрійскаго Военнаго Журнала, воспѣтой и воспѣваемой у насъ въ нѣкоторыхъ библіографіяхъ до такой степени, что автора оной называютъ «celebre»; книги—по засвидѣтельствованію г. Новоселова, коей составитель всѣми русскими признанъ «за авторитетъ» и т. п.

И такъ, вызванный на доказательства своихъ словъ, я не отступаю предъ истиной, говорю и могу подтвердить подстрочными указаніями, на дѣйствительныхъ фактахъ основанными, слѣдующія ошибки и недосмотры въ трудѣ г. л. Богдановича.

1. Даны названія полкамъ, никогда въ русской арміи не существовавшимъ.

2. Правое называется лѣвымъ а лѣвое правымъ и не одинъ разъ.

3. Упоминаются генералы, дѣйствующими на такихъ пунктахъ, гдѣ они, въ описываемый моментъ, не находились.

4. Намекается на подвиги генераловъ въ такихъ мѣстахъ, отъ которыхъ въ то время они находились за *нѣсколько сотъ* верстъ вмѣстѣ съ войсками, бывшими тогда подъ ихъ начальствомъ.

5. Раны нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ генераловъ означены неправильно.

6. Планы, приложенные къ текстамъ, взаимно вовсе не согласуются, и вообще не достаетъ картъ къ объясненію движеній, тогда какъ у предшествовавшихъ повѣствователей необходимые планы находились. Такъ, напримѣръ, у Данилевскаго, не въ *Исторіи* еще, а просто къ *Описанію*, приложено 96 картъ и плановъ, тогда какъ къ *Исторіи*—только 34, а этотъ недоста-

токъ ставитъ въ затруднительное положенія уяснить себѣ дѣло.

7. Умолчаніе о многихъ эпизодахъ, внесенныхъ уже въ предшествовавшія повѣствованія, какъ въ наши, такъ и въ иноземныя, безъ всякой оговорки, что оказываются они согласными или несогласными съ истинной; а это необходимо потому, что, распространившись въ публикѣ, какъ факты достовѣрные, они потому уже должны были бы очиститься критикой.

8. Анахронизмы, затемняющіе событія.

9. Введеніе въ текстъ того, что должно быть въ приложеніяхъ и обратно.

10. Разнорѣчіе объ одномъ и томъ же событіи.

11. Замѣненіе словомъ *обратно*—движенія *впередъ*.

12. Неопредѣлительность мнѣнія о главныхъ лицахъ той эпохи: то выхваляемыхъ до нельзя, то нѣсколькими фразами уничтожаемыхъ.

13. Неопредѣленность и сбивчивость въ числительности арміи, въ потеряхъ, во взятыхъ плѣнныхъ, пушкахъ и т. п.; въ цифрахъ огромная разница, безъ всякаго положительнаго указанія, а только слова: «*По другимъ свѣдѣніямъ*» и т. п.

14. Частое употребленіе словъ: *Говорили*; *говорятъ*; *полагаютъ*: *увѣряютъ; по другимъ свѣдѣніямъ; вѣроятно; другіе; будто бы* и т. п.; не называя, кто эти другіе; все покрыто мракомъ какъ бы таинственность Аазема—арабовъ, Іегова — евреевъ или Тетрагаматонъ—древнихъ грековъ.

15. Указаніе цитатой на источникъ, которымъ авторъ хочетъ утвердить описываемый эпизодъ, а между тѣмъ, въ называемомъ источникѣ, или вовсе нѣтъ того, о чемъ говорится, или то да не такъ; или наконецъ, цитата оказывается не нужной и вовсе не поясняющей предмета *).

16. Отсутствіе цитатъ тамъ, гдѣ онѣ необходимы, въ особенности, когда вводятся въ исторію факты, дотолѣ неизвѣстные и изображеніе свойствъ, характеровъ и способностей нѣкоторыхъ изъ высшихъ начальниковъ.

17. Г. Богдановичъ, въ предисловіи, между прочимъ, говоритъ: «Въ заключеніе скажу, что я пользовался сочиненіями прежнихъ авторовъ войны 1812 года *не иначе*, какъ указывая *кому именно чѣмъ обязанъ* **)». Само собою разумѣется, что авторъ

*) Встрѣчаются презабавныя; такъ напр., представляется мнѣніе о чрезвычайно важномъ обстоятельствѣ и потомъ противоположное о томъ же мнѣніе, вслѣдъ за которымъ сдѣлана цитата. По существу предмета, конечно, поспѣшатъ узнать, кто не раздѣлялъ вначалѣ высказаннаго мнѣнія? И какъ ошибутся въ своемъ ожиданіи! Въ цитатѣ они найдутъ: «По другимъ свѣдѣніямъ!»

**) О нѣкоторыхъ повѣствователяхъ-участникахъ и вовсе не упоминается. Объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

«редалъ потомству имени этого героя, который произнесъ столь «замѣчательное изреченіе!» Сдерживаюсь говорить болѣе... Почтенный г. Новоселовъ, конечно, оцѣнитъ это и все, что и я указываю. Пусть же въ свою очередь укажутъ и восторженные книгой.

28. Неправильность, сбивчивость, употребленіе не своемѣстныхъ терминовъ въ описаніи движеній Платова и Уварова при Бородинѣ, на лѣвый флангъ непріятеля, что замѣчено много съ достаточною подробностью въ помянутой уже мною брошюрѣ (стр. 39).

29. Описаніе московскаго пожара такъ неудовлетворительно и переполнено противорѣчіями, что тотъ, который, недовольствуясь прежними свѣдѣніями объ истребленіи Москвы огнемъ, захотѣлъ бы получить ясное понятіе и узнать, какъ это совершилось, не достигнетъ до желаемой цѣли. У Данилевскаго событіе это одинаково перепутано *), но онъ кончилъ лучше: заблудившись въ лабиринтѣ умозаключеній, и также, какъ и г. Богдановичъ, поперемѣнно приписывая сожженіе Москвы то Русскимъ, то Французамъ, онъ съ отвагой разсѣкъ этотъ Гордіевъ узелъ, сказавъ: «*Русскіе не уступятъ никому этой чести;* но истинными «виновниками этого пожара были Французы: не приди Наполеонъ «въ Москву, и она бы не сгорѣла». Это, покрайней мѣрѣ, логично, и спорить нельзя. Генералъ же Богдановичъ не гордится подвигами своихъ историческихъ соотечественниковъ; онъ отклоняетъ всякое тутъ участіе общаго патріотизма. Предметъ, по своей важности, будетъ разобранъ въ замѣчаніяхъ на австрійскій Военный Журналъ: этого требуютъ не только вкравшіяся противорѣчія, но многія проскользнувшія фразы, какъ наприм. такого рода.

Разсуждая о причинахъ пожара, онъ говоритъ: «...Наконецъ «причиной нѣкоторыхъ пожаровъ было *умышленное* зажженіе жи«телями собственныхъ домовъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, «что бы московскій пожаръ былъ преднамѣреннымъ подвигомъ **) «жителей первопрестольной столицы, *которые, будто бы, въ «великодушномъ порывѣ любви къ отечеству*, рѣшились для «спасенія его, принести общую великую жертву»... «*Этого не «было и не можетъ быть* (восклицаетъ авторъ). Исторія не «должна приписывать бѣдствія, постигнувшаго нашу древнюю сто«лицу, ни злобѣ Наполеона, *ни самоотверженію москвитянъ* «Къ чему намъ оскорблять истину хвастливымъ изложеніемъ не«бывалаго подвига?»

«Еще въ другомъ мѣстѣ находимъ, что на поджогъ рѣшались

*) Ст. Моск. пожаръ, въ книгѣ: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году» и пр. Спб. 1855. in 8°.

**) Замѣчательно, что въ другомъ мѣстѣ, въ этой же книгѣ говорится, что когда армія наша была еще около Смоленска, жители Москвы неоднократно предлагали графу Ростопчину зажечь городъ и пр. и пр.

«только не многіе (какъ и было дѣйствительно, присовокупляетъ «авторъ), но *ихъ патріотическій подвигъ* имѣлъ весьма *невы-«годное значеніе въ глазахъ* тѣхъ, которые, *потерявъ отъ по-«жара* все свое имущество, сдѣлались *невольными страдаль-«цами чужаго самоотверженія»* *). Ну и прекрасно! Пусть бы почтенный авторъ, вопреки засвидѣтельствованій: Окунева, Бутурлина, Данилевскаго, Ермолова и другихъ, какъ нашихъ, такъ и иноземныхъ, и не сходилъ съ этой почвы; это его мнѣніе; но какъ-то странно, болѣе чѣмъ странно, въ той же статьѣ, объ одномъ и томъ же предметѣ читать: «Въ Петербургѣ часто встрѣча-«лись люди, потерявшіе въ Москвѣ сотни тысячъ и пришедшіе «оттуда пѣшкомъ въ сермягахъ и лаптяхъ, которые (?) *радова-«лись, что ихъ имущество погибло въ огнѣ, а не досталось ненавистному непріятелю»*. Авторъ подкрѣпляетъ это еще и сказаніями иностранныхъ. Какъ согласовать эти послѣднія слова съ вышеприведенными? Одни другимъ діаметрально противоположны.

Изъ приведеннаго только здѣсь почтенный авторъ статьи «Голоса» усмотритъ, что въ книгѣ г. Богдановича есть ошибки, пропуски и пропуски громадные. О нѣкоторыхъ пропускахъ замѣчено уже въ брошюрѣ: «Заключеніе Бородинскаго сраженія» и пр. изданной въ 1861 году и въ журналахъ.

Пока довольно. Не знаю, удовлетворилъ ли я г. Новоселова, сказавшаго въ заключеніе: «Бездоказательность обвиненій должна «быть смыта фактами, которые, надѣемся, г. Липранди не отка-«жется представить изъ уваженія къ истинѣ и къ предмету, ко-«торый дорогъ намъ Русскимъ».

Когда и этого еще мало, то въ обѣщанной рецензіи на австрійскій Военный Журналъ, я надѣюсь удовлетворить его желанію гораздо болѣе. То же, что сказано мною здѣсь, я готовъ доказать указаніемъ на страницы и строки истиннымъ любителямъ славы нашей арміи и военной литературы, если бы они того пожелали.

Нѣтъ! Далеко еще г. Богдановичу до званія—*«великаго и правдиваго историка отечественной войны»*. Не простительно ему было умалить русскую славу 1812 года—въ сухомъ, безжизненномъ своемъ разсказѣ: не убѣждать окончательно читателя въ истинѣ описываемаго событія, а напротивъ, сѣять сомнѣнія, не прійдя ни къ какому вѣрному заключенію. А казалось бы, можно этого избѣжать при такомъ громадномъ богатствѣ матеріаловъ, коими онъ располагалъ. Какая огромная разница между талантами сего автора и историкомъ войны 1799 года *)! Съ одной стороны-—

*) По мнѣнію почтеннаго автора Исторіи Отечественной войны, Москву жгли — «бездомные бродяги, которымъ терять было нечего» и т. д.; и это подробно будетъ разсмотрѣно въ рецензіи австрійскаго журнала.

**) Упоминаю объ этомъ здѣсь потому только, что рецензентъ австрій-

... Таковъ былъ исходъ исполинской битвы, не представляющей, со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія — по сей часъ — другой подобной, какъ по политическому характеру самой войны вообще, такъ и потому, что въ этотъ великій день, на поляхъ Бородинскихъ, сошлись, съ разныхъ сторонъ, искуснѣйшіе и опытнѣйшіе вожди — и въ головѣ противниковъ нашихъ, въ превосходной противу насъ числительности, стоялъ — геній своего времени — государь-полководецъ, съ закаленными въ двадцати-лѣтнихъ побѣдоносныхъ бояхъ дружинами, подъ частнымъ предводительствомъ королей, герцоговъ и другихъ знаменитыхъ лицъ. Въ особенности ужасный день этотъ, или только нѣсколько часовъ изъ онаго, замѣчателенъ по кровопролитію и упорству, оказанному во взаимныхъ натискахъ, искусно управляемыхъ частными начальниками.

За всѣмъ тѣмъ, однако же, Бородинское сраженіе ожидаетъ еще своего опытнаго, безпристрастнаго историка, не смотря на то, что оно уже описано, чуть-ли не столькими же повѣствователями, участниками и не участниками, какъ и битва при Мараѳонѣ. Но между этими двумя столкновеніями представляется та разница, что изъ болѣе трехъ сотъ историковъ *), воспѣвшихъ подвиги, совершенные въ первомъ, соотечественниками ихъ греками, принадлежали одной сторонѣ, ибо противники грековъ, персіяне, едва ли описывали свою неудачу, тогда какъ Бородинская битва, и отдѣльно, и въ общихъ описаніяхъ войны 1812 года, изобилуетъ повѣствователями — съ одной стороны — русскими; съ другой же, и несравненно въ большомъ числѣ, она описана не одними повѣствователями французскими, но и саксонскими, виртембергскими, баварскими, вестфальскими и иными изъ германскихъ племенъ, а равно неаполитанскими, и другими итальянскими, а наконецъ польскими, находившимся подъ Бородинымъ, въ арміи Наполеона, въ отдѣльныхъ составахъ, своихъ войскъ, и каждый изъ сихъ повѣствователей искалъ, въ томъ или другомъ случаѣ, украшать подвиги своихъ родныхъ войскъ. Австрійцы и пруссаки, также, между изложеніями своихъ отдѣльныхъ дѣйствій, описывали и Бородинское сраженіе, не участвовавъ въономъ. Изъ сего должно

*) Луціанъ сравниваетъ страсть грековъ писать исторію, съ эпидемическою болѣзнію Абдеріанъ (Abderiens), очень похожую на сумасшествіе.

исключить тѣхъ, въ особенности прусскихъ офицеровъ, которые временно, въ 1812 году, служили по преимуществу въ нашемъ генеральномъ штабѣ, и издавали записки, обнимающіе болѣе, тотъ кругъ дѣйствій, гдѣ каждый изъ нихъ находился. Но и у нихъ мало можно найти безпристрастія. Мы имѣемъ и англійскихъ повѣствователей о войнѣ 1812 года, но также—не участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи.

Отъ всего этого, естественно, проистекла бѣздна противорѣчій, путаницы, которая и будетъ господствовать до тѣхъ поръ, пока всѣ эти многочисленные повѣствованія, объ однихъ и тѣхъ же эпизодахъ, не будутъ тщательно подвергнуты критическому разбору, очищены и, наконецъ, произшедшій отъ того результатъ—сближенъ съ тѣми данными, которые можемъ представить и мы, но также по строжайшей, *безпристрастной* критикѣ. Тогда только выйдетъ что либо небезобразное. До сихъ же поръ, ничего этого не сдѣлано.

Года за два предъ симъ, я повторилъ сказанное мною еще въ 1832 году, о средствахъ, которые тогда, по моему мнѣнію, представлялись къ достиженію правильнаго изложенія, какъ Бородинской битвы, такъ и всей войны 1812 года; но теперь, средства эти едва ли уже удобоисполнимы: ибо я остаюсь при томъ непоколебимомъ убѣжденіи, что если историкъ, положимъ даже и свѣдующій въ военномъ дѣлѣ, не участвовалъ въ событіи, котораго «*частности*» онъ взялся описывать, то повѣствованіе его не будетъ удовлетворительно, въ той степени, когда бы составилъ оное очевидецъ, разумѣется понимающій дѣло, и не одинъ, а съ содѣйствіемъ другихъ. Пусть пройдетъ еще немного лѣтъ, итогда вмѣстѣ съ участниками, едва ли не исчезнетъ и возможность передать Бородинскую битву правильно, удобо-понятно, а потому и поучительно. Немногимъ изъ насъ прійдется отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей этой кровавой *купѣли*, и едва ли кто доживетъ до освященія храма Спасителя въ Москвѣ *). Участники

*) Изъ 6-го корпуса, Дохтурова (которому выпалъ жребій въ 1812 году защищать Смоленскъ 5-го августа, въ Бородинѣ составлять центръ всей боевой линіи, отъ Горокъ до центральной батареи имъ отстаивавшейся, а корпусному командиру принять начальство послѣ раны князя Багратіона надъ лѣвымъ крыломъ и тамъ, не смотря на разстройство онаго, устоять противу всѣхъ усилій Наполеона; 12-го октября, подъ Малоярославцемъ, цѣлый день, до прибытія арміи изъ Тарутина, удерживать всѣ натиски превосходнаго въ числѣ непріятеля), сколько мнѣ извѣстно, участниковъ въ Бородинской битвѣ остается еще генералъ отъ кавалеріи Дубельтъ, тогда поручикъ Псковскаго полка, старшій адъютантъ корпуснаго штаба; генералъ отъ инфантеріи (П. А.) Даненбергъ, тогда прапорщикъ генеральнаго штаба; г.-л. сенаторъ (Н. М.) Дохтуровъ, тогда Л. Г. Семеновскаго полка капитанъ, адъютантъ командира 6-го корпуса; г.-л. (А. Н.) Бѣлогужевъ, тогда поручикъ, ротный командиръ Ширванскаго полка; г.-л. (А. И.) Вальцъ, тогда прапорщикъ въ артиллерійской ротѣ Веселицкаго, и я исправлявшій должность оберъ-квартирмейстера. Другихъ не знаю въ живыхъ.

отечественной войны, исчезаютъ въ геометрической прогрессіи, что и не можетъ быть иначе, ибо время беретъ свое. Въ послѣднія, не съ большимъ пять лѣтъ, мы лишились многихъ, бывшихъ въ ту эпоху генералами, на болѣе или менѣе значительныхъ постахъ: адмирала Чичагова, въ то время главнокомандующимъ дунайской арміи и на Березинѣ; графа Остермана-Толстаго—корпуснымъ командиромъ, князей Паскевича и Воронцова (оба, въ послѣдствіи, фельдмаршалы): Принца Евгенія Виртембергскаго, князя Шаховскаго — дивизіонными начальниками *); полковника (Я. И.) Вальца, уцелѣвшаго только съ братомъ своимъ (нынѣ г. л.), изъ батарейной роты Веселицкаго, при защитѣ центральной баттареи въ Бородинѣ; г. а. графа (Л. А.) Перовскаго. Съ небольшимъ же въ два года и въ особенности въ текущій 1860 годъ, только изъ лицъ, съ которыми я былъ (съ нѣкоторыми еще съ Финляндской войны 1808 и съ 1812 года), болѣе или менѣе въ близкихъ отношеніяхъ и знакомствѣ, исчезли, походный атаманъ г. л. (М. М.) Кузнецовъ; г. л. (К. М.) Полтарацкій; г. м. баронъ (В. И.) Левенштернъ; лейбъ-медикъ (Н. Ѳ.) Арендтъ, лейбъ-медикъ (М. А.) Маркусъ, генералъ отъ инфантеріи Теннеръ г. м. (П. И.) Фрейгангъ—товарищъ мой съ дѣтства и по службѣ; д. т. с. (Д. В.) Кочубей; г. м. Албрехтъ и недавно генералъ отъ артиллерію Арнольди, генералъ-маіоры: (Р. Ѳ.) Гернгросъ; Унгернъ-Штернбергъ; г. л. сенаторъ (А. И.) Мясоѣдовъ и, наконецъ, 3-го ноября умершій въ Москвѣ г. л. л. (В. Д.) Иловайскій, имя котораго тѣсно соединено съ воспоминаніемъ освобожденія первопрестольной нашей столицы, въ 1812 году **). Большая часть помянутыхъ сподвижниковъ имѣли современныя записки въ разныхъ видахъ: сколько бы онѣ могли послужить къ объясненію мѣстъ, доселѣ остающихся темными, къ устраненію чего, не участвовавшій въ томъ дѣлѣ, которое описываетъ, никогда не въ состояніи исполнить, чтобы не впасть въ бездну промаховъ всякаго рода.

Вотъ напримѣръ, пока три-четыре, изъ сотень доказательствъ въ пользу моего убѣжденія, которое представляетъ исторія отечественной войны 1812 года соч. г. м. Богдановича ***).

Донна Марія Анна Фернанда Леопольдина Михаелля Рафаелля Габріелля Шарлотта Антонія Юлія Викторія Пракседесъ Франциска Д'Ассизи Гонзаго де Браганца Бурбонъ и т. д.

Это одно и то же *лице*.

*) У насъ, однакоже, сохранились г. а. графъ П. П. Паленъ, бывшій въ 1812 году, корпуснымъ командиромъ и А. П. Ермоловъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Они суть единственные представители той эпохи, въ возвышенныхъ чинахъ въ цѣлой Европѣ.

**) Въ послѣдствіи я намѣренъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

***) Замѣчанія болѣе пространныя на нѣкоторыя мѣста этого сочиненія, удутъ напечатаны особенною книгою.

А вотъ и одинъ и тотъ же *пунктъ*.

Люнетъ; *батарея Раевскаго*;—*Редутъ; Важная высота! Курганная батарея*, и просто *батарея; Укрѣпленіе, составляющее ключъ нашей позиціи;—Высота центра;—Курганъ Раевскаго;—Большое укрѣпленіе*,—и просто *укрѣпленіе;—Высота съ 18-ю орудіями; Курганъ ключъ позиціи*,—и просто *курганъ* въ томъ же значеніи; *Высота съ частію артиллеріи* и просто *высота* въ томъ же значеніи;—*Укрѣпленная высота;—Центральная батарея;—Курганное укрѣпленіе*.

При описаніи Бородинскаго сраженія г. м. Богдановичъ такъ называетъ, попеременно, *одинъ и тотъ же пунктъ*, и именно укрѣпленіе, которое было наскоро построено на высотѣ, въ интервалѣ между первой и второй арміями (6-мъ и 7-мъ корпусами).

Въ обоихъ случаяхъ это сбивчиво, да пожалуй и вовсе не понятно, для тѣхъ, которые въ первомъ: не твердо изучили имена и титулы грандовъ Пиренейскаго полуострова, а потому изъ дюжины этихъ именъ, упоминая поперемѣнно то одно, то другое, могутъ легко принять каждое изъ нихъ за принадлежащее особому лицу. То же самое и во второмъ, встрѣчающемся у г. м. Богдановича, не съ *лицемъ*, а съ *пунктомъ, съ ключемъ Бородинской позиціи!* *).

Повѣтствуя о разныхъ предположеніяхъ укрѣпить эту высоту, почтенной авторъ говоритъ, что: «Бенигсенъ предлагалъ сильное сомкнутое укрѣпленіе, съ амбразурами кругомъ», въ которое онъ думалъ помѣстить 36 орудій и т. д.

«Толь предлагалъ сдѣлать на семъ мѣстѣ люнетъ».

«Кутузовъ предпочелъ мнѣніе Толя.» Слѣдовательно, и приступлено къ сооруженію *люнета*.

На слѣдующей 142-й страницѣ читается: Въ центрѣ *предполагали* устроить сильное укрѣпленіе, въ *видѣ бастіона съ полутеналями по сторонамъ его*, но на это *не доставало ни времени, ни средствъ*, а потому сей пунктъ, вопреки показаніямъ иностранныхъ писателей, былъ укрѣпленъ слабо и т. д.

*) Почтенный авторъ можетъ найти изложеніе нѣкоторыхъ мѣстъ этой статьи, нѣсколько сильнымъ—пусть; но говоримое мною основывается на приводимыхъ фактахъ, и во всякомъ случаѣ не носитъ характера Птоломеевыхъ я или разсказовъ Мюнхгаузена, съ которыми онъ такъ остроумно сравнилъ мои засвидѣтельствованія того, въ чемъ я лично участвовалъ, и которые однако же, въ послѣдствіи, послужили для его исторіи, разумѣется безъ ссылки на меня. Въ настоящихъ замѣчаніяхъ я руководствовался, при изложеніяхъ, мнѣніемъ адмирала Шишкова (записки стр. 247), сказавшемъ «правде груба, но при здравомъ разсудкѣ убѣдительнѣе мягкой лести» Наука, въ особенности военная, выработывается полемикою, въ которой каждый предметъ долженъ быть называемъ своимъ именемъ. Гласность произнесетъ свой приговоръ.

Но кто *предполагалъ* этотъ бастіонъ съ полутенаялями по сторонамъ, не сказано, и также какъ и предложенія Бенигсена и Толя, оставлены безъ цитатъ, которые были необходимы; ибо самъ г. м. Богдановичъ въ такихъ случаяхъ свидѣтельствовать ничего не можетъ, а долженъ говорить одно только то, что говорили другіе. Обстоятельство же чрезвычайно важное, ибо дѣло шло объ укрѣпленіи *ключа позиціи*, какъ по засвидѣтельствованію самого автора, пунктъ сей былъ тотчасъ, по прибытіи на позицію—*такъ признанъ*. Относительно, того что *не доставало ни времени, ни средствъ* устроить помянутый бастіонъ съ полутенялями, скажемъ далѣе, а здѣсь дѣло вотъ въ чемъ.

Само собою разумѣется, что небывшіе подъ Бородинымъ, но посвятившіе себя точному изученію этого сраженія, хотя и пожмутъ плечами, но, не сводя глаза съ плана, добьются толку; всѣ же другіе могутъ принять эти разнородныя названія за отдѣльныя, въ разныхъ мѣстахъ устроенныя укрѣпленія, изъ коихъ: *батарея, люнетъ* и *редутъ* представляютъ между собою большую разницу, а отъ этого происходитъ путаница, въ которую никакъ не могъ бы впасть участникъ въ битвѣ.

Еще замѣчательно то, что изъ *ста десяти разъ*, что это укрѣпленіе упоминается подъ разными фирмами; только *одинъ разъ* оно названо правильно—*Центральной батареей*, и кѣмъ еще оно такъ названо? просто Барклаемъ, въ донесеніи Кутузову! Кажется, чего бы автору желать лучшаго авторитета, — а нѣтъ, — онъ изъ числа этихъ ста десяти разъ называетъ оное *двадцать пять разъ, батареею Раевскаго!* Тогда какъ изъ приведенныхъ имъ же самимъ рапортовъ Барклая, Ермолова, даже Раевскаго, и другихъ цитатъ *нигдѣ* она такъ не называется, и не могла такъ называться, хотя почтенный авторъ, въ статьѣ своей, помѣщенной въ 1858 году въ 2-мъ № «Военнаго Сборника», сильно утверждалъ, что батарею эту *отцы наши привыкли называть батареею Раевскаго*, — а нынѣ перебравъ всѣ имѣющіеся въ архивахъ матеріялы, онъ, по видимому, не могъ отыскать *ничего*, чѣмъ бы подкрѣпить свое поэтическое воображеніе и, конечно, не упустилъ бы этимъ воспользоваться, ибо, возражая, въ помянутой выше статьѣ, на мою *), почтенный авторъ съ такою самоувѣренностью поддерживалъ свое мнѣніе, что простеръ даже обязательность свою до сравненія меня съ Птоломеевымъ *я*, присовокупивъ къ тому, что если бы полагаться *на мои показанія*, то пришлось бы вѣрить всему тому, что разсказываетъ *Мунхгаузенъ* и т. д. Но какая, въ два года, оказалась перемѣна во мнѣніи г. м. Богдановича? Въ настоящую

*) «Сѣверная Пчела» 1858 г.

исторію свою, онъ взялъ цѣликомъ все то, что относится до центральной батареи, до мнѣній Бенингсена и Толя, до степени состоянія батареи или неоконченнаго люнета и многое другое, изъ *Мюнхгаузена*, не цитируя, однако, его *). А отъ этого самаго и вышло то, что все имъ тутъ сказанное осталось безъ всякаго цитата. Тотъ же, котораго онъ сравнилъ въ своей статьѣ съ нѣмецкимъ юмористомъ, исправлялъ тогда должность оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса, велъ дневникъ, и на него было возложено сооруженіе этого люнета. Дѣло въ томъ, что историкъ долженъ неотмѣнно цитировать вводимыя имъ обстоятельства, о которыхъ прежде сего не было и рѣчи; а если уже, по какимъ либо отношеніямъ, онъ не хотѣлъ указать на источникъ, то лучше вовсе было не вводить, ибо и безъ того Бородинское сраженіе, вмѣстѣ съ прочимъ, съѣхало бы съ рукъ. Но совсѣмъ не то съ *батареею Раевскаго.* Почтенный авторъ упорствуетъ такъ называть это укрѣпленіе, хотя и не нашелъ себѣ, какъ замѣчено, *нигдѣ подпоры*, а умиротворяетъ это только тѣмъ, что, *изъ ста десяти разъ, онъ только двадцать пять разъ*, называетъ оный *батареею Раевскаго*, даже и долго послѣ того когда тутъ и вовсе уже не было ни войскъ Раевскаго, ни его самого, а защищали оный другіе корпуса и другіе генералы. Это обстоятельство, какъ бы наводитъ на извѣстный малороссійскій разсказъ о двухъ спорящихъ изъ упрямства, изъ коихъ одинъ утверждалъ, что овца *брита*, другой что *стрижена: нѣтъ! брита, нѣтъ! стрижена!* и т. д. Дайте достовѣрный цитатъ, тогда и я признаю такъ, какъ это будетъ слѣдовать, а безъ того нельзя вводить въ исторію вымышляемое, и изъ одной настойчивости поддерживать то, чего фактически доказать нельзя, какъ это видно изъ самаго сочиненія. Бородинская же битва достойна, по всѣмъ отношеніямъ, быть правильно передана новому поколѣнію и потомству. Слава нашей арміи того требуетъ; и честь нашей военной литературы поставляетъ это первою обязанностію. Посмотрите, какое, въ настоящее время, наши литераторы обратили вниманіе на возстановленіе правильности, даже въ стихотвореніяхъ извѣстныхъ поэтовъ, въ сочиненіи которыхъ, въ послѣдствіи, вкрались перестановки словъ, или подобныя тому искаженія **).

*) По логикѣ же выходитъ, что Мюнхгаузенъ-то вѣдь не я!

**) Въ исторіи же г. м. Богдановича, встрѣчаются болѣе, чѣмъ перестановка стиховъ, такъ напримѣръ, описывая одинъ эпизодъ Бородинскаго сраженія, онъ пожелалъ украсить оный краснорѣчивою фразою слѣдующаго состава: *напоминало воображенію* послѣдній день міра. Напоминать воображенію то, чего еще не было, кажется, нельзя. *Представляла* воображенію это еще и такъ и сякъ, въ особенности, если почтенный авторъ читалъ какое-то путешествіе барона Брамбеуса на медвѣжій островъ, гдѣ, въ одной изъ пещеръ, отысканы были мнимые гіероглифы, и кто-то взялся перевести ихъ; тутъ точно идетъ рѣчь объ окончаніи мира, но и то, кажется, пред-

Какимъ же образомъ допускать, или позволять себѣ, самопроизвольно, чрезъ полвѣка, вводить въ исторію то, о чемъ нѣтъ нигдѣ и помина? Въ Бозѣ почившій Императоръ, собравъ, въ 1839 году, на Бородинскихъ поляхъ значительную часть войскъ; воздвигъ, 26-го августа, великому дню, на центральной высотѣ, памятникъ, подъ которымъ былъ преданъ землѣ, перевезенный тогда же прахъ князя Багратіона *). Нынѣ благополучно царствующій Государь уважаетъ память этой кровавой купѣли: Священнее Коронованіе происходило 26-го августа; торжество тысячелѣтія Россіи въ 1862 году, говорятъ, назначено такъ же на 26 августа. День этотъ будетъ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ и Бородинскому побоищу; человѣкъ двѣнадцать, а много тринадцать, участниковъ, лѣтами своими, въ сложности, представятъ изъ себя тысячелѣтіе, а трое изъ нихъ и юбилей освобожденія Россіи, или правильнѣе, Москвы, отъ Поляковъ въ 1612 году.

Въ заключеніе сего періода замѣчу, что вмѣсто того, чтобы совершенно, *безъ всякихъ данныхъ*, упорствовать о названіи центральной батареи, *батареею Раевскаго*, было бы лучше не выпускать подвиговъ, принадлежащихъ *прямо къ Отечественной Исторіи*, а именно: когда въ сраженіи при Салтановкѣ, Раевскій, Васильчиковъ и весь штабъ сошли съ лошадей и стали въ головѣ Смоленскаго полка, идущаго чрезъ плотину, безъ выстрѣла, подъ убійственнымъ огнемъ, одинъ изъ сыновей Раевскаго сказалъ ровеснику своему, шестнадцатилѣтнему подпрапорщику: «дайте мнѣ нести знамя», и получилъ въ отвѣтъ: «я самъ умѣю умирать»,—какъ же было умолчать въ отечественной войнѣ, о подвигѣ, объясняющемъ великіе свойства русскаго. Вельможа-отецъ, сопровождаемый двумя единственными, несовершенно-лѣтними еще, сыновьями своими, подъ градомъ ядеръ, гранатъ, картечи и пуль—и, въ эту минуту, сынъ его требуетъ нести знамя? Отвѣтъ подпрапорщика стольже великъ. Между тѣмъ, какъ ничтожные эпизоды, не имѣющіе никакого общаго интереса въ отечественной войнѣ, нашли въ ней мѣсто! Несомнѣнно, что для находящихся еще въ живыхъ сына и двухъ дочерей Н. Н. Раевскаго, было бы несравненно пріятнѣе найти въ исторіи отечественной войны подвигъ отца своего, равняющійся со всѣмъ тѣмъ, что исторія

шествовавшаго, и есть прекрасныя картины этой катастрофы. Глубокомысленный Гумбольдтъ, описываетъ, только созданіе и образованіе нашей планеты, но не описалъ послѣдняго дня міра. Эта фраза г. профессора равносильна фразѣ Михайловскаго-Данилевскаго, то же о Бородинскомъ днѣ: «ночь освѣтила новые пожары.»

*) Г. м. Богдановичъ ни слова не говоритъ о семъ, какъ равно о монастырѣ, построенномъ на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ генералъ-маіоръ А. А. Тучковъ 4-й, вдовою его Маргаритою Михайловною, урожденною Нарышкиною, которая въ цвѣтѣ лѣтъ постриглась въ инокини онаго: вѣдь все это принадлежитъ къ исторіи отечественной войны.

повѣствуетъ намъ о великомъ характерѣ нѣкоторыхъ изъ древнихъ римлянъ, чѣмъ, повторяю, ни на чемъ неоснованную и ничего незначущую полемику: какъ называлась центральная батарея подъ Бородинымъ? Можетъ быть, и подпрапорщикъ еще живъ, и имя его было бы украшеніемъ этого эпизода. Г. м. Богдановичъ не можетъ сказать здѣсь, что онъ *не имѣлъ этого въ виду*, и потому не помѣстилъ на свои страницы. Нѣтъ, онъ это читалъ у Данилевскаго и, составивъ выписку изъ онаго о дѣлѣ при Салтановкѣ цитировалъ даже, но внесъ изъ него только то, что было ему угодно. Всѣмъ же современникамъ подвигъ Раевскихъ былъ извѣстенъ.

Еще одинъ эпизодъ изъ общихъ замѣчаній, который не могъ бы быть такъ представленъ, если бы его описывалъ очевидецъ, участникъ: это свиданіе Кутузова съ Лористономъ въ Тарутинѣ. Вотъ вкратцѣ пока, сущность онаго. Спрашивается: если-бъ кто ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, изъ Царскаго Села въ Петербургъ (къ амбаркадеру), проѣхалъ бы онъ *на этомъ пути поперегъ весь Васильевскій островъ?* А между тѣмъ, въ исторіи отечественной войны—это такъ! даже вопреки приложенному плану!

Слѣдовательно, если уже авторъ, извѣстный своими военно-литературными трудами, и получившій всевозможныя средства, къ точному изложенію исторіи отечественной войны, могъ впасть въ великое множество погрѣшностей, то чего можно ожидать отъ другихъ, не пользующихся авторитетомъ учености, подобно помянутому выше исторіографу, и берущихся описывать *частности* невидѣнныхъ ими сраженій *). Опасное поприще при жизни еще участниковъ, и вредное по разультатамъ своимъ, если всѣ промахи будутъ оставаться незамѣченными, или отъ не желанія вступать въ полемику съ «*оффиціяльными*» военными историками, или отъ встрѣчи препятствій къ объясненію факта. Гіеронъ Сиракузскій сказалъ: «хочу, чтобы домъ мой и слухъ были всегда отверзты, и слушали всякаго, кто скажетъ мнѣ правду откровенно и безъ пощады». Этимъ вызовомъ истины исторія только и можетъ проясняться. Слѣдовательно тѣ, на коихъ лежитъ эта священная обязанность, не должны упускать случая освѣщать мракъ, покрывающій оную. Къ счастію, до сихъ поръ,

*) Не только что Вальтеръ-Скотъ, Керъ-Портеръ, Тіеръ и имъ подобные вовсе незнакомые съ громомъ орудій, но даже графъ Сегюръ и баронъ Фенъ, сопровождавшіе Наполеона въ 1812 году, не чуждые военнаго ремесла, впадали въ большіе промахи, когда вдавались въ описаніе частностей битвъ, хотя и имѣли всю возможность слышать о подробностяхъ оныхъ, въ тотъ же день. Какъ историкамъ, получившимъ общую извѣстность, имъ не слѣдовало бы вдаваться въ описаніе битвъ, и ихъ многочисленныхъ и многосложныхъ моментовъ, что можетъ сдѣлать только одинъ участникъ въ оныхъ. Можетъ быть, онъ опишетъ видѣнное не такъ краснорѣчиво, какъ знаменитые историки, но попятно, въ особенности для тѣхъ, кому подобаетъ знать это.

никто еще не сравнялся съ исторіей отечественной войны г. м. Богдановича.

Описаніе сраженія въ Малоярославцѣ, особенно отличается, болѣе чѣмъ неясностію, происходящею даже и не отъ того только, что самъ почтенный авторъ въ ономъ не участвовалъ. Но, въ строгомъ смыслѣ, онъ извиняется уже тѣмъ, какъ сказалъ въ предисловіи, что употребилъ *три года* на изученіе матеріяловъ (а ихъ вѣдь бѣздна), на сравненіе, на критическій разборъ и, наконецъ, на сочиненіе исторіи. Тутъ онъ исчислилъ всю обширность предначертаннаго имъ труда, а потому, само собою разумѣется, что въ столь короткое время, ему и не было никакой возможности ясно, безъ противорѣчій самому себѣ и т. п., изложить, предметъ, и еще съ цѣлію «*объяснить сокровенныя причины дѣйствій, остающихся темными, загадочными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины иногда затмѣвался пристрастіемъ* и т. д. Но какъ же было думать, что *въ три года* можно будетъ одолѣть это, съ великимъ множествомъ еще другихъ предначертаній! Я полагаю, что ни Францискъ Бошато, ни Монткальмъ, ни І. Ф. Баратье, ни самъ знаменитый Пикъ-де-ла Мирандола и имъ подобные одаренные сверхъ-естественными способностями, не совершили бы въ столь короткое время, отчетливо предначертаннаго г. м. Богдановичемъ труда, въ тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ онъ объявляетъ въ предисловіи и въ началѣ XXII главы, съ цѣлію *пополнитъ своимъ сочиненіемъ остающійся доселѣ пробѣлъ въ исторіи*, и указавъ на *причины*, почему до сихъ поръ большая часть описаній сраженій не *достаточны*, взялся исполнить это удовлетворительно надъ Бородинской битвою, но увы! Здѣсь и *свѣтильникъ истины*, и принятіе на себя сана *жреца истины*—оказались слабой подпорой. Недостатокъ времени, должно полагать, былъ главною причиною, что «гора родила мышь».

Точно такъ же, въ исторіи г. м. Богдановича встрѣчаются нѣкоторыя сужденія о событіяхъ и мнѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, поражающія своимъ изложеніемъ, тѣхъ которые были личными свидѣтелями — дѣятелями.

Такъ, напримѣръ, почтенный авторъ, разсуждая о московскомъ пожарѣ, ищетъ всячески отклонить участіе патріотизма москвичей въ сожженіи своихъ домовъ и приписываетъ это бродягамъ и что, «патріотизмъ немногихъ имѣлъ *весьма невыгодное вліяніе* въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невинными страдальцами *чужаго самоотверженія*.» Но это сказано такъ, конечно — для фразы, написанной подъ вліяніемъ изученія Шрекенштейновъ, Клаузевицовъ, Бернгардовъ, Гофмановъ и другихъ иноземныхъ нѣм-

цевъ, на коихъ ссылки такъ изобильны въ нашей отечественной войнѣ. Въ другомъ мѣстѣ г. м. Богдановичъ вовсе уничтожаетъ помянутую сентенцію и говоритъ, что «въ Петербургѣ часто встрѣчались люди, потерявшіе въ Москвѣ сотни тысячъ и пришедшіе оттуда пѣшкомъ въ сермягахъ и лаптяхъ, которые *радовались, что ихъ имущество погибло въ огнѣ, а не досталось ненавистному непріятелю.*»

Послѣ длиннаго періода доказательствъ (разумѣется голословныхъ), гдѣ почтенный авторъ употребляетъ все свое краснорѣчіе, чтобы увѣрить, что сожженіе Москвы, не было *преднамѣреннымъ* дѣйствіемъ для лишенія непріятеля средствъ къ существованію и которымъ бы *мы могли гордиться*, онъ восклицаетъ: «но этого не было и не могло быть. Исторія не должна приписывать бѣдствіе, постигшее нашу древнюю столицу ни злобѣ Наполеона, ни *самоотверженію москвитянъ.*—Къ чему (прибавляетъ онъ), намъ оскорблять истину *хвастливымъ* изложеніемъ *небывалаго подвига?*» *Каково!*

Но и это опять должно отнести къ страсти къ фразамъ, составленнымъ подъ тѣмъ же вліяніемъ, ибо коль скоро только почтенный авторъ вступаетъ на путь повѣствованія, то совершенно противорѣчитъ вышесказанному и правильно изображаетъ существующій тогда общій духъ въ народѣ. У него же читаемъ, что, начиная отъ границъ Смоленской губерніи (съ Витебской) до стѣнъ Москвы, жители сожигали свои домы, даже хлѣбъ на корнѣ, чтобы не достался непріятелю, въ городахъ, на пути къ Москвѣ, хозяева, оставляя дома свои, предавали ихъ огню. *Что прежде еще занятія Москвы*, жители оной не разъ *предлагали* Ростопчину *зажечь свои домы*, что *хозяева* каретнаго ряда исполнили это тотчасъ по вступленіи непріятеля и множество подобныхъ данныхъ, вовсе уничтожаютъ всѣ фразы. Г. м. Богдановичъ говоритъ, что *не всѣ* жители въ Москвѣ жгли свои домы *). Конечно, это правда, ибо *не всѣ* и оставались въ оной: многіе начали оставлять городъ заблаговременно—и даже тѣ, которые оставили его наканунѣ вступленія непріятеля, или даже *въ ночь или утромъ того же дня*, не могли лично предать домъ свой пламени, а всѣ тѣ, которые остались въ Москвѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, свято исполнили свой долгъ и потомъ ускользали изъ города. А при томъ небезъизвѣстно было и то, что начальство озабочивалось распоряженіемъ сжечь то, что сами хозяева истребить не успѣли, и противу чего, какъ и самъ г. м. Богдановичъ говоритъ, никто не сѣтовалъ, ибо «потерявшіе сотни тысячъ въ Москвѣ и пришедшіе въ сермягахъ и лаптяхъ въ Пе-

*) *Всѣ!* это я принимаю за игру словъ, объясненныхъ въ общихъ примѣчаніяхъ.

тербургъ, *радовались*, что ихъ достояніе сдѣлалось жертвою пламени, а *недосталось въ руки непріятелей.*» По моему разумѣнію, исполненіе приказанія въ подобныхъ случаяхъ возвышаетъ еще болѣе народный русскій характеръ, ибо мысль сжечь свой домъ, при оставленіи его, могутъ внушать страсти, вовсе чуждыя патріотизму, но сжечь его, повинуясь общему распоряженію властей—есть подвигъ истиннаго патріотизма. Послушное самоотверженное исполненіе распоряженій народомъ, несравненно выше дѣйствій, къ которымъ народъ увлекается самъ собою, въ слѣдствіе случайнаго раздраженія его страстей обстоятельствами. Тутъ болѣе чести, болѣе истинной славы для народнаго характера. Мы видѣли Наполеона въ 1814 и въ 1815 годахъ, употреблявшаго всѣ усилія, чтобы возбудить патріотическій энтузіазмъ въ своемъ народѣ, но народъ остался глухъ ко всѣмъ энергическимъ воззваніямъ своего императора и ближайшихъ властей, не щадившихъ суммъ предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе. Наполеонъ и народъ его, въ этомъ случаѣ, не понимали одинъ другаго. Но Ростопчинъ и Москва поняли другъ друга и это, повторяю, отнюдь не служитъ къ уменьшенію заслугъ ни правительства, ни народа, а напротивъ—еще болѣе ихъ возвышаетъ.

Изложеніе пожара Москвы, въ исторіи г. м. Богдановича, такъ неудовлетворительно и переполнено противорѣчіями, что въ общихъ замѣчаніяхъ на это сочиненіе, я вошелъ, при разсмотрѣніи текста, въ нѣкоторыя подробности, чтобы сколько нибудь содѣйствовать къ поясненію этого великаго событія, которое у Михайловскаго-Данилевскаго одинаково перепутано противорѣчіями *). Но Александръ Ивановичъ кончилъ лучше; заблудившись въ лабиринтѣ умозаключеній, и такъ же, какъ и г. м. Богдановичъ, попеременно приписывая сожженія Москвы, то русскимъ, то французамъ, съ отвагою разсѣкъ этотъ гордіевъ узелъ, сказавъ, что: русскіе не уступятъ никому этой чести, но что истинными виновниками московскаго пожарч были французы: «Это, по крайней мѣрѣ, логично, и спорить нельзя.

Замѣчательно также мнѣніе почтеннаго автора о фальшивыхъ ассигнаціяхъ французскаго издѣлія. Онъ говоритъ, что нѣтъ на это положительныхъ данныхъ! Въ общихъ примѣчаніяхъ я, вкратцѣ, исчислилъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ; остается только удивляться самоувѣренности въ рѣшеніи имъ этого важнаго въ отечественной войнѣ, вопроса.

Одинаково грустно читать очевидцамъ о подвигахъ—лицъ, ко-

*) Въ напечатанной мною книгѣ, въ 1855 году: «Дѣйствительныя причины гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году», включена отдѣльная статья о *московскомъ пожарѣ*, въ которой сведены, всѣ источники, иноземные и наши.

торыхъ г. м. Богдановичъ оцѣниваетъ по своему; такъ напримѣръ: описывая характеръ князя Кутузова, онъ, между прочимъ, говоритъ: «*Важнѣйшія бумаги*, подносимыя къ подписи фельдмаршала, оставляемы были до *завтра*, и это завтра иногда повторялось *нѣсколько недѣль* и т. д.» Но можно ли допустить, чтобы Кутузовъ, предводительствуя арміею, и еще противу Наполеона, въ сердцѣ Россіи, могъ *по нѣскольку недѣль оставлять важнѣйшія бумаги безъ подписи?* Положимъ, что это могло, можетъ быть, случаться по какимъ-либо причинамъ, когда онъ бывалъ генералъ-губернаторомъ, но уже отнюдь не какъ главнокомандующимъ противу Наполеона, времени, къ которому почтенный авторъ относитъ это *завтра*. При описаніи свиданія его въ Борисовѣ съ графомъ Аракчеевымъ, прибывшимъ къ нему отъ Государя, Кутузовъ уничтожается не только какъ главнокомандующій всѣми силами государства — но какъ простой человѣкъ! Въ Бородинской битвѣ, по *чистому произволу* г. м. Богдановича, ибо безъ цитата *), онъ заставляетъ Кутузова, вмѣстѣ съ Бенигсеномъ, вопреки живыхъ еще свидѣтелей противному, съ самаго разсвѣта, находится въ Горкахъ, а потому, будто бы, онъ «и не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла и проч.» Но въ другомъ мѣстѣ, уже по смерти Кутузова, онъ заставляетъ даже тѣнь его руководить въ битвѣ, правда, очень неудачно, какъ это будетъ видно въ замѣчаніяхъ на его исторію.

«Графъ Ростопчинъ *не имѣя ни въ чемъ основательныхъ свѣдѣній*, могъ быть душею общества; *но не былъ достаточно приготовленъ къ занятію важныхъ государственныхъ должностей*; онъ *питалъ ненависть къ иностранцамъ* и. т. д., и *все это безъ цитата*, *безъ ссылки* но тѣхъ, которые знали лично графа Ѳедора Васильевича и могли оцѣнить его достоинства и замѣчать недостатки. Но и здѣсь одинаково, какъ почти и вездѣ, самъ же авторъ, при описаніи подвиговъ, превращаетъ въ пухъ и прахъ свою сентенцію, и тѣмъ торжественно доказываетъ что Императоръ Александръ зналъ, кого онъ назначилъ на сей важный постъ. Да и можно ли было думать, чтобы человѣкъ, неимѣющій *ни въ чемъ основательныхъ свѣдѣній и недостаточно приготовленный къ занятію высшихъ государственныхъ должностей*,—словомъ человѣкъ, лишенный необходимыхъ ус-

*) Развѣ это онъ отыскалъ у кого-либо иноземнаго писателя, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ *повѣрить* цитатъ, ибо нѣкоторые изъ тѣхъ, въ которые случалось мнѣ заглядывать, не всѣ подведены правильно. Теперь же я нѣмецкихъ авторовъ не имѣю, а при томъ и самъ г. м. Богдановичъ въ концѣ III тома, при исчисленіи писателей о 1812 годѣ, говоритъ, что иноземцы эти не всегда были правдивы и искали омрачать славу русскихъ генераловъ, между тѣмъ, цитаты на нихъ едва ли не преобладаютъ надъ другими! Въ примѣчаніяхъ объ этомъ говорится подробно.

ловій къ занятію такого поста, въ то время, былъ оставленъ на ономъ! Въ ту эпоху мы были богаты людьми способными, а графъ давно уже былъ извѣстенъ своими государственными дарованіями.

Разсматривая критически движеніе князя Багратіона, на соединеніе съ 1-ю арміею, почтенный авторъ говоритъ: «и дѣйствительно, Багратіонъ, который при Шенграбенѣ, исполняя повелѣніе Кутузова, *сразился*, въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, съ сорока тысячью непріятелей, Багратіонъ *не отважился пробиться* чрезъ равносильный его арміи корпусъ Даву, потому что не могъ принять на себя *отвѣтственности* въ успѣхѣ этого *покушенія* *). Такимъ образомъ этими пятью строчками Багратіонъ лишенъ всѣхъ условій, необходимыхъ, что бы быть главнокомандующимъ; это подкрѣпляется еще письмами его къ графу Аракчееву. Но все это, по видимому, такъ, ничего, ибо въ другихъ мѣстахъ г. м. Богдановичъ превозноситъ его, какъ напримѣръ: «Герой Багратіонъ, генералъ *по образу и подобію* Суворова, какъ называлъ его графъ Ростопчинъ». Жаль, что почтенный авторъ не говоритъ, гдѣ и когда такъ названъ князь графомъ Ростопчинымъ; любопытно было бы указать по странности сего выраженія. Положимъ, еще можно допустить, по *образцу*, но уже никакъ *по образу*, а еще менѣе *подобію*. Эта фраза, взятая изъ книгъ бытія, вовсе неидетъ, и въ особенности безъ цитата, которымъ это неловкое выраженіе г-нъ профессоръ спустилъ бы съ своей отвѣтственности. Но этого еще мало: въ порывахъ патріотизма и исчисленія подвиговъ князя Багратіона, г. м. Богдановичъ приписываетъ ему и такія, въ которыхъ князь, не только не участвовалъ ни самъ, ни его войска, но и находился за пять сотъ верстъ отъ подвига, ему приписываемаго въ исторіи отечественной войны.

Сказавъ о томъ, что, въ первое время преслѣдованія, мы дѣйствовали *какъ бы ощупью*, г. м. Богдановичъ переходитъ къ описанію свойствъ Милорадовича, и говоритъ: «Милорадовичъ, неустрашимый, хладнокровный. неизмѣнно веселый среди опасностей, *обладалъ многими качествами авангарднаго начальника*» и вотъ какъ почтенный авторъ опредѣляетъ эти *многія качества*:

*) Мимоходомъ: подвергаются *отвѣтственности* скорѣй за *неуспѣхъ*, чѣмъ *за успѣхъ*. Объ остальномъ, пожалуй, иной опытный закричитъ караулъ! Неужели почтенный авторъ написалъ эти строки серьезно, а не для юмору! съ шестью тысячами противу сорока, не только что можно *сразиться* какъ онъ говоритъ, но и *пробиться*, что въ Шенграбенѣ Багратіонъ и сдѣлалъ. Но арміи, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, пробиться чрезъ равносильнаго непріятеля, какъ-то мудрено и г. м. Богдановичъ самъ же называетъ это *покушеніемъ*. Ему, какъ профессору военныхъ наукъ, должно быть извѣстно, что иногда эскадронъ, окруженный десятью, успѣваетъ *пробиться*; но армія! здѣсь слово *сразиться* было бы приличнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно помѣщено. Въ общихъ примѣчаніяхъ поговорю о семъ.

«но нисколько не заботился о точности распоряженій по ввѣреннымъ ему войскамъ. Его приказы въ 1812 году, иногда непонятные, поставляли въ затрудненіе всѣхъ, кому приходилось исполнять ихъ. Да и вообще въ его штабѣ не было никакаго порядка, не всегда можно было отыскать его самаго, и только при первыхъ выстрѣлахъ являлся онъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ—впереди всѣхъ, вездѣ гдѣ угрожала наибольшая опасность. Тамъ онъ возбуждалъ войска къ презрѣнію смерти, собственнымъ примѣромъ; до всего прочаго, казалось, ему не было никакого дѣла. Дѣйствуйте какъ вамъ угодно, говаривалъ онъ начальникамъ частей войскъ—я у васъ гость. Тѣмъ не менѣе, однако же, отъ времени до времени, онъ вмѣшивался въ распоряженія подчиненныхъ ему частныхъ начальниковъ: не давая имъ знать о своихъ приказаніяхъ, отчего нерѣдко происходили недоразумѣнія. Каждый изъ генераловъ, въ авангардѣ Милорадовича, дѣйстовалъ по своему, не будучи увѣренъ въ должномъ содѣйствіи прочихъ частей, ни въ согласномъ ихъ направленіи къ общей цѣли».

Каковы *многія качества*, которыми обладалъ Милорадовичъ какъ авангардный начальникъ? Здѣсь ссылка на двухъ лицъ, конечно, сильныхъ авторитетомъ своимъ; но въ такомъ случаѣ, слѣдовало уже привести въ цитатѣ полное ихъ, объ этомъ повѣствованіе, иначе это никакъ неудовлетворительно для исторіи, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за такимъ отзывомъ, на той же 69-й страницѣ, описываются распоряженія Милорадовича при Царевѣ-Займищѣ, основанныя на соображеніяхъ опытнаго вождя, но которыя разстроилъ принцъ Евгеній Виртембергскій своею обычною отвагою и т. д. Между же тѣмъ, какъ этотъ же самый принцъ Евгеній, есть одинъ изъ двухъ цитированныхъ г. м. Богдановичемъ, для изображенія качествъ Милорадовича! Милорадовичъ, командовавшій сильными аріергардами и авангардами, и въ боевыхъ линіяхъ, всегда съ блистательнымъ успѣхомъ, противъ неаполитанскаго короля, вице-короля и маршаловъ, не ужели могъ быть до такой степени ничтожнымъ, какъ изображается здѣсь! Одно обилештское сраженіе, возводитъ его на степень полководца, съ высокими дарованіями. Вся исторіи г. м. Богдановича не указываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха въ распоряженіяхъ Малорадовича, которыя всѣ увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Непонятно, почему не вспомнилъ почтенный авторъ своего повѣствованія о Милорадовичѣ при оставленіи Москвы? Такъ подробно изложивъ его распоряженіе при Царевѣ-Займищѣ, почему оставилъ безъ критическаго разсмотрѣнія помянутые о немъ отзывы, неподкрѣпляемые ни однимъ примѣромъ повѣствуемаго? Почему? Но довольно, этимъ *почему* не было бы конца.

Какой-то мыслитель; жившій около половины XVII вѣка (кажется, Жандръ, маркизъ Сентъ-Обенъ) сказалъ, что «каждый историкъ приноравливаетъ (ajuste) исторію къ своему личному характеру. Въ Салустіѣ—господствуетъ нравственность; въ Тацитѣ—политика: въ Титѣ-Ливіѣ — предразсудки и ораторство: Всѣ хотятъ намъ указать причины событій, неизвѣстныхъ не только что современникамъ, но даже и тѣмъ; которые принимали въ нихъ участіе».

Грустно, повторяю, въ особенности очевидцамъ подвиговъ четырехъ помянутыхъ лицъ, читать подобные отзывы лица, никогда не видавшаго ихъ въ полѣ. Трудно чрезъ полвѣка разочароваться въ томъ, въ чемъ утвердились на опытѣ. Но молодое поколѣніе можетъ поколебаться въ мнѣніи, которое оно пріобрѣло, до появленія исторіи г. м. Богдановича, о доблестяхъ и заслугахъ четырехъ изъ главныхъ дѣятелей въ отечественную войну. Остается только утѣшеніе, что тѣ, которые прочтутъ со вниманіемъ книгу г. м. Богдановича, найдутъ, что помянутые отзывы — не согласуются съ повѣствованіемъ, и не основаны на достаточныхъ для исторіи фактахъ. Здѣсь можно повторить за остроумной «Искрой» (1860 № 19-й) «факты! факты!... Въ этой жизни только нужны факты... Набивайте голову, сэръ, одними фактами, а остальное вонъ, выбрасывается за окошко».

Но за то почтенный авторъ *своей исторіи* является уже безусловно неумолимымъ къ предшественникамъ своимъ на поприщѣ описанія Отечественной Войны: Ахшарумову, Бутурлину, Окуневу и Михайловскому-Данилевскому; эти уже какъ *участники* въ войнѣ *) и дерзнувшіе ее описывать, какъ говорится *весьма казнятся*, что будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Впрочемъ страсти историковъ общи, это засвидѣтельствовано уже Титомъ-Ливіемъ, которые говоритъ: «Историки не обращали вниманія на тѣхъ, которыхъ уже не существуютъ, или коихъ потомство находится на низшихъ степеняхъ гражданства, а напротивъ, возвышали именно тѣхъ отъ которыхъ могли ожидать наградъ».

Обращаюсь опять собственно къ Бородинской битвѣ.

*) Чтобы описаніе войны было полезно и занимательно, по взгляду г. м. Богдановича, высказанному въ предисловіи къ своей исторіи и въ началѣ XXII главы—надобно, чтобы ее писали тѣ, которые въ ней не участвовали, а пожалуй, и не были еще на свѣтѣ, когда она происходила. По этой логикѣ, несомнѣнно, что походы Александра Македонскаго, надъ которыми теперь трудится Ламартинъ, почтутся имъ за самое превосходное *военное* твореніе, именно потому, что Ламартинъ живетъ спустя двадцать-два вѣка послѣ Александра. Я опять повторяю, что неучаствовавшій въ войнѣ, которую берется описать, при обладаніи даже всѣми необходимыми къ тому способностями, можетъ создать превосходнуэ исторію войны, но никогда не изобразить вѣрно исторіи битвъ.

Подобно всѣмъ большимъ сраженіямъ, и она вызвала критику, какъ относительно позиціи, такъ расположенія на оной войскъ и ихъ передвиженія, общихъ и частныхъ дѣйствій.

Что касается до позиціи въ общемъ смыслѣ, то описывать ее подробно, исчислять ея недостатки и выгоды, было бы излишне. Замѣчу только одно, что на всемъ пространствѣ отъ Царева-Займища, куда прибылъ Кутузовъ, до Москвы, не было ни одной позиціи, которая, послѣ всѣхъ недостатковъ, приписываемыхъ Бородинской, была бы для насъ лучше. А дать битву до Москвы, по соображеніямъ главнокомандующаго, было необходимо. Слѣдовательно, вопросъ о позиціи рѣшается самъ собою. Перейду къ размѣщенію на оный войскъ.

Бородинская позиція, начиная съ ея праваго фланга отъ Москвы рѣки, противу с. Маслова, проходила чрезъ с. Горки *), *три версты;* отсюда до с. Семеновскаго *двѣ версты* и, наконецъ, до Утицы **), около *трехъ верстъ*. Всего протяженія около *восьми верстъ*.

Такимъ образомъ пространство отъ Москвы рѣки до Горокъ естественно—составляло *правый* флангъ; отъ Горокъ до Семеновскаго—*центръ*, и наконецъ, отъ Семеновскаго до Утицы—*лѣвый* флангъ.

По прибытіи на эту позицію арміи, рано 22-го августа, она расположилась слѣдующимъ образомъ: между Москвой рѣкою и Горками, 2-й и 4-й пѣхотные корпуса; за ними 1-й и 2-й кавалерійскіе и Платовъ съ 9-ю казачьими полками.

Между Горками и Семеновскимъ — 6-й и 7-й пѣхотные корпуса; за ними 3-й и 4-й кавалерійскіе.

Между Семеновскимъ и Утицею, начиная отъ Семеновскаго 8-й пѣхотный съ нѣсколькими еще полками, влѣво къ Утицѣ, и казачій отрядъ Карпова. Но въ ночи съ 24 на 25-е направленъ туда, изъ резерва, еще 3-й пѣхотный корпусъ, который такимъ образомъ и связалъ войска, находящіяся въ Утицѣ съ лѣвымъ флангомъ 8-го корпуса. За нимъ Московское и Смоленское ополченія.

Резервъ, состоящій изъ 5-го пѣхотнаго корпуса (гвардейскаго) съ нѣсколькими полками и артиллеріею—за 6-мъ и 7-мъ корпусами, около с. Князькова. Далѣе — резервная артиллерія, главная квартира въ Татариновѣ.

Здѣсь раждаются слѣдующія замѣчанія:

*) На столбовой, отъ Смоленска въ Москву дорогу, передъ Горками, около версты, на той же дорогѣ, с. Бородино на Колочѣ.

**) На такъ называемой старой Смоленской дорогѣ, соединяющейся съ столбовой въ Можайскѣ.

I.

Почему, почти на восьми-верстномъ протяженіи первоначальнаго расположенія войскъ на позиціи, *центромъ* названъ только одинъ 6-й корпусъ, занимавшій изъ всей позиціи едва одну версту, тогда какъ, по естественному дѣленію позиціи, центръ ея, должны были составлять 6-й и 7-й корпуса, расположенные въ прямой линіи отъ Горокъ по Семеновскаго, по мѣстности единообразной. Это соотвѣтствуетъ и самому дѣленію позиціи, какъ замѣчено выше; тѣмъ болѣе, что съ самаго начала сраженія, 6-й корпусъ составлялъ уже не *центръ*, а *правый флангъ* боевой линіи: 7-й и 8-й корпуса и подошедшій еще 4-й — *центръ*; а 3-й корпусъ съ нѣкоторыми другими войсками, и потомъ прибывшій къ Утицѣ съ упраздненнаго праваго фланга, 2-й пѣхотный корпусъ— составляли *лѣвое крыло* боевой линіи.

II.

Почему 8-й пѣхотный корпусъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 7-го корпуса, не обозначенъ на планѣ, подобно всѣмъ другимъ корпусамъ, хотя всѣ дивизіи его: 27-я пѣхотная, сводная гренадерская (Воронцова), показаны какъ продолженіе лѣваго фланга 7-го корпуса, а 2-я гренадерская тутъ же за ними, какъ бы во второй линіи, или въ резервѣ; но обозначенія корпуса на планѣ нѣтъ, да и въ описаніи битвы, чуть ли не одинъ только разъ упомянутъ *8-й корпусъ*, и едва ли не столько же и начальникъ онаго, г. л. Бороздинъ.

III.

25-го августа, послѣ полудня, рѣшено было сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ расположеніи войскъ 6-го и 7-го корпусовъ, стоявшихъ, какъ замѣчено выше, въ прямой линіи отъ Горокъ до Семеновскаго, имѣя предъ интерваломъ своимъ, на половину пушечнаго выстрѣла, кургано-образную высоту. Измѣненіе это заключалось въ томъ, чтобы 6-й корпусъ, оставивъ свой правый флангъ при Горкахъ, подалъ свой лѣвый—впередъ, и примкнулъ къ помянутой высотѣ, а 7-й корпусъ, оставивъ лѣвый флангъ при Семеновскомъ, правымъ примкнулъ бы къ той же высотѣ, которая по сему и включалась въ первую линію позиціи, составивъ такимъ образомъ выходящій уголъ между помянутыми двумя корпусами. Движеніе это приказано было привести въ исполненіе за нѣсколько времени до разсвѣта слѣдующаго дня, 26 августа. Одновременно съ приказаніемъ, отданнымъ для сего передвиженія,

рѣшено было на помянутой высотѣ соорудить *люнетъ,* для 18-ти баттарейныхъ орудій, къ чему и приступлено около пяти часовъ по полудни 25 августа.

Здѣсь, для критическихъ соображеній, представляется слѣдующее, кажется никѣмъ еще не разобранное, а именно:

Разсмотрѣть, имѣло ли вліяніе на ходъ сраженія передвиженіе 6-го и 7-го корпусовъ, съ цѣлію включить помянутое возвышеніе въ линію позиціи, на томъ основаніи, какъ говорилъ Толь, что если оставимъ оное внѣ линіи позиціи, впереди, непріятель, занявъ его, будетъ обстрѣливать всю линію. Возвышеніе же онъ полагалъ укрѣпить люнетомъ; и вооружить оный 18-ю баттарейными орудіями.—Или могло быть предпочтительнѣе мнѣніе Бенигсена, который полагалъ оставить корпуса на своихъ мѣстахъ, а на возвышеніи сдѣлать сомкнутое урѣпленіе, съ амбразурами кругомъ, вооружить оное 36-ю батарейными орудіями, съ тремя или болѣе комплектами зарядовъ, вынутыхъ изъ ящиковъ и помѣщенныхъ въ изготовленное для сего мѣсто; ящики же и всѣхъ лошадей отправить назадъ. Въ такое укрѣпленіе онъ думалъ помѣстить три, или четыре баталіона. Бенингсенъ доказывалъ выгоду такого распоряженія тѣмъ, что непріятель, хорошо устроеннымъ и сильно вооруженнымъ укрѣпленіемъ, легко овладѣть не можетъ; что для того ему нужно будетъ употребить особенныя усилія и, можетъ быть, цѣлый день, и еще безъ успѣха, тѣмъ болѣе, что у него не было высоты, которая командовала бы этимъ пунктомъ тогда какъ редутъ могъ бить непріятеля по всѣмъ направленіямъ, а все это въ совокупности должно будетъ неминуемо разстроить непріятеля *) Мы же, напротивъ, присовокуплялъ онъ, изъ нашихъ линій будемъ дѣйствовать нн стѣсняясь, и пользоваться всѣми моментами въ нашу выгоду и т. д. Относительно же мнѣнія Толя который, какъ выше было видно, говорилъ, что непріятель, овладѣвъ высотою, будетъ громить наши линіи, Бенигсенъ возразилъ что когда уже неотмѣнно должно допустить, что непріятель займетъ этотъ пунктъ, тогда будетъ еще хуже, ибо непріятель получитъ возможность анфилировать наши линіи въ обѣ стороны, и довершить разстройство войскъ, которыя должны будутъ, къ этому времени болѣе или менѣе, быть уже въ такомъ положеніи, безполезно выдвинутыми подъ сильный непріятельскій огонь. Толь возражалъ и, извѣстно, что главнокомандующій предпочелъ его мнѣніе. Предсказанія Бенингсена, къ несчастію, буквально оправ-

*) Тутъ Бенингсенъ упомянулъ о Полтавской битвѣ, въ которой наши передовые редуты разстроили атакующихъ шведовъ, и тогда на нихъ была сдѣлана общая атака.

дались *) и укрѣпленіе, не будучи сомкнутымъ, дало возможность даже конницѣ Коленкура вскочить въ оные съ тыла. Критическому разсмотрѣнію будетъ предстоять разборъ выводовъ Бенингсена относительно его мнѣнія, и если бы оно было принято, то какого должно было ожидать результата отъ онаго?

IV.

Г. м. Богдановичъ, разсуждая о помянутой высотѣ и приведя вкратцѣ мнѣнія Бенингсена и Толя о родѣ укрѣпленія, присоединяетъ еще третье, по, повидимому, лица таинственнаго, извѣстнаго, конечно, только ему, предлагавшаго построить на оной «укрѣпленіе *въ видѣ бастіона съ полутеналями по сторонамъ*» и присовокупляетъ, «что *для сего не было ни времени, ни средствъ*.»

Вотъ это-то послѣднее и вызываетъ на критическій анализъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

Съ самаго момента занятія позиціи 22 августа, высота эта была признана *ключемъ оной*, что подтверждаетъ и нашъ почтенный исторіографъ. А потому, спрашивается, почему же на этотъ пунктъ, которому въ предстоящей битвѣ, по всему видимому, предназначалось играть значительную роль, не было тотчасъ же обращено всего вниманія, для устройства на ономъ того, или другаго укрѣпленія? 22, 23, 24 и за полдень 25-го числа, тутъ ничего не предпринималось! На возвышеніи этомъ, въ началѣ поставили 12 орудій и потомъ присоединили еще 6 и приготовили ничтожное количество туровъ и фашинъ. На правомъ же флангѣ начали возводить различныя укрѣпленія съ 22-го числа; при Горкахъ устроили 23-го числа; двѣ баттареи и начали шанцы; при Семеновскомъ, въ тотъ-же вечеръ стали устраивать флеши, а при Шевардинѣ редутъ, который, при появленіи непріятеля 24-го числа, не былъ еще совершенно оконченъ; то же самое, отчасти было и съ флешами, но объ укрѣпленіи *ключа позиціи* не было еще и рѣчи. Только послѣ полудня 25-го числа рѣшено было поставить тутъ *люнетъ*, къ устройству котораго могли приступить около пяти часовъ подъ вечеръ, и къ открытію въ шесть часовъ утра 26-го августа дѣйствій онъ остался далеко неоконченнымъ. Слѣдовательно, если бы подумали *о бастіонѣ съ полутеналями по сторонамъ*, заблаговременно, то было бы *и время и средство*. А эти-то всѣ обстоятельства и требуютъ строгаго критическаго разбора, который, надо полагать, долженъ имѣть какіе-

*) Помню очень хорошо, когда возвратились по своимъ мѣстамъ съ этой высоты, на которой происходили совѣщанія предъ Кутузовымъ, сидящемъ на скамейкѣ, всѣ опытныя лица отдавали предпочтеніе мнѣнію Бенингсена, но во время преній, всѣ молчали!...

либо слѣды въ архивахъ, что, съ помощію возможности *проникать въ сокровенныя причины дѣйствій*, объяснитъ развязку такихъ загадочныхъ распоряженій.

Недоконченность предпринятыхъ работъ на главныхъ пунктахъ позиціи и была единственною причиною, что непріятель, такъ сказать, съ перваго раза овладѣлъ всѣми нашими укрѣпленіями и только грудь русскаго солдата, благоразумно и безстрашно предводимая начальниками, составляла единственную твердыню.

V.

Нѣкоторые, а въ числѣ ихъ и г. м. Богдановичъ, находятъ, что позиція наша при Бородинѣ была слишкомъ растянута; что правый флангъ ея долженъ былъ начинаться отъ Горокъ, и тогда два пѣхотныхъ и два кавалерійскхиъ корпуса, составлявшіе оный, могли бы усилить настоящую боевую линію отъ Горокъ до Утицы, уменьшивъ такимъ образомъ протяженіе ея на три версты. Оставленное-же четырьмя корпусами пространство могло быть наблюдаемо даже однимъ Платовымъ съ его казаками: ибо по мѣстности, лежащей предъ нашимъ правымъ флангомъ, нельзя было предполагать, чтобы Наполеонъ предпринялъ что-либо серьезное на этомъ пространствѣ. Это неоспоримая истина; но она требуетъ быть также подверженной строгому критическому разсмотрѣнію, по сложности обстоятельствъ сего заключенія.

Не только что мѣстность, изрѣзанная глубокими, и въ перпендикулярномъ направленіи къ нашей позиціи оврагами и, въ томъ-же положеніи, длинными извилинами Колочи, затруднила бы движенія непріятельскихъ колоннъ и взаимное ихъ между собою, во время сообщенія для натиска на нашъ правый флангъ, но здѣсь было еще то главное, что Наполеонъ не имѣлъ бы простора къ маневрированію, будучи для сего стѣсненъ на своемъ лѣвомъ крылѣ теченіемъ Москвы рѣки. Предположивъ даже съ его стороны успѣхъ, и пусть бы онъ оттѣснилъ наше правое крыло, то самый этотъ успѣхъ никакъ не могъ бы равняться съ тѣми результатами, которые онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти на нашемъ лѣвомъ. Правый нашъ флангъ былъ бы отодвинутъ только назадъ, и дорога къ отступленію, чрезъ Можайскъ на Москву, была бы намъ открыта, и ни въ какомъ случаѣ не могла быть угрожаема, составляя перпендикуляръ къ линіи расположенія нашего праваго фланга. Но увѣнчайся полнымъ успѣхомъ натискъ Наполеона на нашъ лѣвый флангъ, тогда, при малѣйшей оплошности Кутузова, армія угрожалась бы потерею сообщеній по столбовой дорогѣ на Можайскъ, могла быть притѣснена къ Москвѣ рѣкѣ, и непріятель, форсируя по старой Смоленской дорогѣ чрезъ Утицу, могъ прійдти

въ Можайскъ и чрезвычайно затруднить наше положеніе. Но, повторяю опять, что это могло случиться тогда только, когда бы съ нашей стороны вдались въ обманъ, ибо правый флангъ и центръ нашъ были на кратчайшемъ сообщеніи съ Можайскомъ, между тѣмъ какъ Утица, выдавшаяся впередъ, была отдаленнѣе отъ сего послѣдняго. Въ свое время, никто и не думалъ, что непріятель атакуетъ нашъ правый флангъ; всѣ знали, что Наполеонъ великій мастеръ своего дѣла, чтобы предпринять такую нелѣпость и не умѣть воспользоваться шансами, представлявшимися ему въ направленіи къ Утицѣ.

Войска наши, занимавшія правый флангъ, въ началѣ сраженія, оставляли свои мѣста (кромѣ 1-го кавалерійскаго корпуса и Платова съ казаками) и всегда *во-время* поспѣвали туда, куда ихъ направлялъ Кутузовъ, что свидѣтельствуетъ и г. м. Богдановичъ. Слѣдовательно, въ этомъ еще нѣтъ никакого повода обвинять его, а по ходу сраженія, позиція наша *сама собою* вошла въ тѣ предѣлы, т. е. между Горками и Утицею, въ которые критики хотѣли ее включить при первоначальномъ занятіи оной.

Трудно допустить себя думать, чтобы Кутузовъ имѣлъ въ виду, на неприступномъ нашемъ правомъ флангѣ, поставить, 22-го августа и оставлять до утра 26-го, четыре корпуса и Платова съ казаками, въ томъ предположеніи, что непріятель изберетъ этотъ флангъ для главнаго своего напора. Почему не предположить, что все это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы заставить Наполеона отдѣлить часть войскъ своихъ отъ замышленнаго имъ натиска на наше лѣвое крыло и лѣвый флангъ центра, давая тѣмъ ему понять, что такое скопленіе войскъ, почти третьей части арміи, на нашемъ правомъ флангѣ, могло угрожать его лѣвому, и принять въ данный моментъ, въ свою очередь, наступательное движеніе? Тѣмъ болѣе предположеніе это вѣроподобно, что уже 24 и 25-го августа намѣренія Наполеона въ натискѣ на нашъ лѣвый флангъ — сдѣлались очевидны.

Все это, болѣе или менѣе, прояснится строгимъ анализомъ расположенія непріятеля, какъ предъ битвой, когда онъ еще видѣлъ грозную массу войскъ нашихъ правѣе Горокъ, и тогда, когда войска эти оставляли свои мѣста и направлялись туда, гдѣ ихъ присутствіе оказывалось необходимымъ и, наконецъ, какія послѣ сего были передвиженія на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ? Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ повѣствователей, въ особенности непріятельскихъ, объяснитъ это обстоятельство и разъ навсегда опредѣлитъ положительно, было ли распоряженіе это сдѣлано съ намѣреніемъ, или безъ-сознательно, и вдался ли Наполеонъ въ обманъ.

При этомъ, для полноты обсужденія, критику необходимо при-

нять въ соображеніе и слѣдующее: дѣйствительно ли Кутузовъ ожидалъ нападенія на свой правый флангъ, и въ этомъ предположеніи расположилъ на ономъ почти третью часть арміи, или онъ думалъ этимъ только обмануть Наполеона? Въ томъ или въ другомъ случаѣ, одинаково замѣчательно, почему обращено было такое вниманіе къ укрѣпленію этой неприступной части позиціи еще и искусственно? — Ибо, какъ я сказалъ выше, что всѣ инженерныя части 1-й арміи отправлены были туда вечеромъ 22-го августа, для возведенія многихъ укрѣпленій, такъ, что двѣ батареи и шанцы при Горкахъ, а равно и центральная батарея, поручены были офицеру генеральнаго штаба, за неимѣніемъ инженеровъ и піонеръ, занятыхъ преимущественно на помянутомъ флангѣ, и на устройство сообщеній на разныхъ мѣстахъ позиціи и въ тылу оной, на случай отступленія.

Если, возведеніемъ этихъ укрѣпленій, думали только обмануть непріятеля и показать ему, что мы заботимся объ искусственномъ усиленіи нашего праваго фланга, ожидая нападенія на оный, или въ случаѣ, что мы должны будемъ перейти въ наступательное движеніе и потерпѣть неудачу, то чтобы имѣть точку опоры отъ преслѣдованія непріятельскаго, для сего достаточно было бы имѣть половинное число, или еще менѣе, знающихъ дѣло, а остальныхъ употребить тамъ, гдѣ, какъ всѣ предвидѣли, будетъ разыгрываться главная драма предстоящей битвы.

Словомъ, все, что относится до вышеозначенныхъ обстоятельствъ, только тогда получитъ приблизительную вѣроятность, когда будутъ критически разработаны всѣ данные и матеріялы, съ содѣйствіемъ находящихся еще живыми, можетъ быть и изъ инженеровъ и проч. Иначе все останется голословнымъ, темнымъ, сбивчивымъ.

VI.

Движеніе (демонстрація, диверсія или поискъ) Уварова и Платова съ нашего праваго фланга на оконечность лѣваго непріятельскаго, имѣвшее столь великое вліяніе на ходъ Бородинской битвы, заслуживаетъ полнаго критическаго разбора, доселѣ остающагося нетронутымъ.

Г.-м. Богдановичъ, отъ котораго имѣли полное право ожидать удовлетворительныхъ поясненій этого предпріятія, ограничивается только краткимъ очеркомъ, но и то не съ надлежащею ясностію *). Онъ говоритъ (т. II. стр. 203), что «Платовъ, съ большею частію казаковъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 1-го кавалерійскаго корпуса за рощею, *утромъ въ продолженіе сраженія, нѣсколько разъ посылалъ* разъѣзды для открытія бродовъ

*) По крайней мѣрѣ для меня.

на Колочѣ, при чемъ имѣлъ случай удостовѣриться, что у Бородина, на лѣвомъ крылѣ непріятельской позиціи, оставалось весьма немного войскъ. Полагая возможнымъ обойти французовъ съ лѣваго фланга и воспользоваться неожиданностію этого обхода для нанесенія имъ вреда, Платовъ послалъ находившагося при немъ волонтеромъ полковника принца Эрнста Гессенъ-Филипстальскаго къ Кутузову, *вызываясь* перейти съ значительнымъ числомъ кавалеріи въ бродъ чрезъ Колочу и атаковать непріятеля. Принцъ Гессенскій обратился сперва къ Толю, который, убѣдясь въ пользѣ этого нападенія, какъ диверсіи, могшей отвлечь часть силъ непріятеля отъ рѣшительныхъ пунктовъ его атаки, *исходайствовалъ* *) у князя Кутузова разрѣшеніе употребить для предположеннаго дѣйствія весь 1-й кавалерійскій корпусъ генерала Уварова, въ числѣ 2,500 человѣкъ.»

Прежде всего замѣчу: на какомъ основаніи сказано такъ *опредѣлительно*, что Платовъ посылалъ «*утромъ въ продолженіе сраженія отыскивать броды на Колочѣ?*»

Платовъ находился тутъ съ 22-го числа, слѣдовательно *четыре дня до сраженія;* а кто служилъ въ войну съ казаками, да еще въ Платовское время, тотъ очень хорошо знаетъ, что казаки, остановившись на мѣстѣ, не будутъ ожидать *четырехъ дней*, чтобы не тотчасъ же ознакомится на дальнее растояніе съ окружающею ихъ мѣстностію, а не только съ находящеюся у нихъ, такъ сказать, подъ-носомъ — Колочею, которая не могла не обратить на себя еще особеннаго вниманія казаковъ и тѣмъ, что тутъ она служила имъ рубежемъ, отдѣляющимъ насъ отъ непріятелей. А притомъ, г. м. Богдановичъ самъ же говоритъ, что 22-го числа отряжено было пять казачьихъ полковъ, собственно для наблюденія за низовьемъ этой рѣчки, гдѣ были съ ними разсыпаны и нѣсколько егерскихъ полковъ, съ цѣлію охранять съ этой стороны нашу позицію, то само собою уже и разумѣется, что въ особенности тѣ мѣста, гдѣ непріятель могъ удобнѣе переправиться, были тотчасъ же открыты, и нѣтъ возможности допустить, чтобы Платовъ ознакомился съ рѣкою только 26-го числа утромъ?! Расположенные тутъ, по Колочѣ, казаки, конечно, уже съ 22-го числа поили лошадей своихъ изъ этой рѣчки, и неотмѣнно тотчасъ же съ нею освоились. Помянутое выраженіе несомнѣнно сорвалось съ пера автора, и неумышленно набросило тѣнь на общепризнанныя, въ этихъ случаяхъ, не подражаемыя никѣмъ способности нашихъ донцовъ. Но довольно объ этомъ, разсмотрю главное.

*) Слово, по моему мнѣнію, очень неловкое, которое г. м. Богдановичъ употребилъ также и относительно Коновницына и Ахшарумова, какъ будетъ видно далѣе. — Кутузовъ же былъ довольно самостоятеленъ въ подобныхъ случаяхъ.

Изъ помянутаго разсказа видно покуда только то, что *первая мысль* сего спасительнаго для насъ движенія *принадлежитъ Платову;* но что для исполненія его *предложенія* назначенъ былъ *не онъ*, а Уваровъ съ своимъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ въ числѣ *2,500 человѣкъ*, слѣдовательно безъ казаковъ и Платова, и это подтверждается на стр. 206-й и 207-й. Да и быть иначе не могло, ибо Платовъ былъ тогда генераломъ отъ кавалеріи, а Уваровъ генералъ-лейтенантомъ, слѣдовательно Платовъ не могъ быть подъ начальствомъ сего послѣдняго, который, получивъ приказаніе къ произведенію движенія, могъ бы приказать атаману присоединиться къ 1-му кавалерійскому корпусу. Въ такомъ случаѣ и Платовъ направилъ бы принца Гессенскаго къ Уварову, а не прямо къ Кутузову, съ предложеніемъ помянутаго движенія. Но какъ говорится, не тутъ-то было. Почтенный авторъ, описавъ подробно, съ наименованіемъ всѣхъ полковъ, составлявшихъ корпусъ Уварова, и частные ихъ подвиги во время этой демонстраціи, ни слова не упоминая о казакахъ, вдругъ, со второй строчки снизу 207-й стр., начинаемъ любимымъ, и столь часто повторяемымъ въ исторіи словомъ: «*Между тѣмъ*», Платовъ, съ нѣсколькими казачьими полками (?), перешедшій черезъ Колочу одновременно съ Уваровымъ, найдя выше Беззубова удобное мѣсто для перехода черезъ Войну, перевелъ на другую сторону этой рѣчки казаковъ, которые разсыпались въ кустахъ между непріятельскими колоннами, и зашли имъ въ тылъ. Пѣхота вице-короля, занимавшая выходъ съ плотины, опасаясь быть отброшенною въ болото, отошла отъ рѣчки, что способствовало *лейб-казачьему полку* промчаться черезъ плотину въ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты. Пользуясь суматохою, которую произвело это неожиданное нападеніе *наши казаки* (т. е. лейбъ-казаки) отступили обратно черезъ плотину. *Между тѣмъ*, полки Уварова, получивъ отъ Барклая-де-Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Колочи, отошли, вмѣстѣ съ казаками Платова, къ *Горкамъ*, около четырехъ часовъ пополудни».

Этотъ параграфъ вызываетъ необходимость поясненія: 1) какимъ образомъ такъ внезапно является здѣсь Платовъ, неполучившій приказанія на это движеніе, хотя имъ и *предложенное*, и съ своими, казаками, совершаетъ подвиги?—они разсыпаются между непріятельскими колоннами, заходятъ въ тылъ и заставляютъ пѣхоту вице-короля, опасающуюся быть отброшенною въ болото, оставить выходъ на плотину, и отойти отъ рѣчки; 2) это самое способствуетъ *лейбъ-казакамъ* промчатся чрезъ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты и т. д. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что *лейбъ казаки* не находились у Платова, а у Уварова; а тутъ такъ выражено, какъ бы полкъ этотъ былъ вмѣстѣ съ

Платовымъ, котораго подвигъ описывается, а объ Уваровѣ нѣтъ и рѣчи? 3) когда, *«между тѣмъ»*. полки Уварова получили отъ Барклая-де-Толли преказаніе возвратится на правую сторону Колочи, *отошли вмѣстѣ съ казаками Платова къ Горкамъ.* Что же это? Платовъ съ своими казаками является вездѣ, какъ бы созвѣздіемъ Уварова? Онъ не получаетъ ни приказанія идти, ни отойти, а играетъ тутъ роль спутника! Исторія обязана была разъяснить это загадочное положеніе и Платова и Уварова. Тѣмъ болѣе еще это требовало разъясненія, что изъ подробнаго рапорта Уварова Барклаю-де-Толли (стр. 560) нѣтъ и слова о дѣйстіяхъ казаковъ Платова, а говорится только о полкахъ, составлявшихъ 1-й кавалерійскій корпусъ, и о приказаніяхъ, полученныхъ Уваровымъ на счетъ движенія впередъ и потомъ отступленія,—Въ чрезвычайно же краткомъ рапортѣ Платова Кутузову (приложеній стр. 588-я)сказано: «Въ бывшемъ 26-го числа прошлаго августа мѣсяца. при селеніи Бородинѣ, съ непріятелемъ генеральномъ сраженіи, находился, по *приказанію* вашей свѣтлости, съ казачьими полками, на правомъ флангѣ нашей арміи и каково происходило дѣйствіе противу непріятельскаго лѣваго фланга, вашей свѣтлости, по личному присутствію вашему, извѣстно.»

Все это нисколько не разъясняетъ обстоятельствъ дѣла. Если Платовъ, на *предложенное имъ* движеніе, такъ пространно разсказанное, имѣлъ какое-либо повелѣніе отъ Кутузова дѣйствовать, то объ этомъ слѣдовало упомянуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о посылкѣ имъ къ Кутузову принца Гесенскаго; но тамъ объ этомъ ни слова, а только объ одномъ Уваровѣ, у котораго Платовъ никакъ не могъ находится подъ начальствомъ, что ясно видно изъ донесенія Уварова, равно какъ и Платова, коего рапортъ отзывается какъ бы неудовольствіемъ. Что же? неужели каждый изъ нихъ, на одномъ и томъ же пунктѣ, дѣйствовалъ независимо одинъ отъ другаго? Но повелѣнія, какъ къ наступленію, такъ и отступленію, посылались къ младшему, и атаманъ Донскаго войска, старшій въ чинѣ, на котораго часто возлагались отдѣльныя экспедиціи, и послѣ битвы подъ Бородинымъ ему поручено было начальствованіе аріергардомъ всей арміи *), здѣсь служитъ только созвѣздіемъ, спутникомъ Уварова!! Нѣтъ! Это не такъ: должно быть что-либо иное, болѣе согласное съ смысломъ!

Въ примѣчаніяхъ же, къ XXIII-й главѣ № 4-й, упоминается о другомъ рапортѣ Платова Кутузову, въ которомъ исчисляются полки, принимавшіе участіе въ этомъ поискѣ и, между прочимъ,

*) Почтенный авторъ впалъ въ ошибку, сказавъ, что 27-е августа было *послѣднимъ* днемъ командованія Платовымъ аріергардомъ, тогда какъ назначеніе Милорадовича на его мѣсто послѣдовало въ ночи съ 28-го на 29-е число. Причинъ тому здѣсь не привожу.

присовокуплено, что подполковникъ Харитоновъ «на всѣхъ ударахъ былъ впереди». А это даетъ понимать, что рапортъ долженъ включать въ себѣ нѣкоторые подробности. Жаль, что г. м. Богдановичъ не привелъ онаго цѣликомъ, и даже въ цитатѣ не выставилъ ни №, ни числа. Очень можетъ быть, что изъ этого донесенія можно было бы получить какое-либо уясненіе. Историкъ, по священной обязанности своей, долженъ представлять публикѣ матеріялы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ самъ онъ, какъ не участникъ въ дѣлѣ, не въ силахъ опредѣлить въ точности тотъ или другой эпизодъ. Къ несчастію же, почтенный авторъ, въ описаніи нашей Отечественной войны, увлекается вообще указаніями иноземныхъ нѣмцевъ; такъ и въ этомъ случаѣ, онъ ссылается въ помянутомъ же приложеніи на Клаузевица и Шрекенштейна *), присовокупляя: «Нападеніе Уварова на лѣвое крыло арміи изложено подробно въ сочиненіи Клаузевица, бывшаго оберъ-квартермейстеромъ въ 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ **)

*) По видимому, г. м. Богдановичъ не имѣлъ подъ рукою Записокъ поручика генеральнаго штаба (И Ѳ.) Богдановича, находившагося въ продолженіе всего 1812 года при Платовѣ, и имѣвшаго подробныя записки, начиная съ посольства въ Китай графа Головникина, при которомъ онъ находился вмѣстѣ съ поручикомъ Ивановымъ (въ 1812 г. капитанъ и оберъ-квартирмейстеръ), до окончанія войны въ 1814 году. Въ послѣдніе два года (1813 и 1814) онъ находился при г. а. Чернышевѣ (къ корпусѣ г. а. барона Винценгероде), съ которымъ впослѣдствіи ѣздилъ на Донъ для устройства казаковъ и умеръ сенаторомъ. Что сдѣлалось съ его любопытными записками, мнѣ неизвѣстно; конечно, онѣ остались въ его семействѣ и Богъ знаетъ, сохранились ли! Записокъ бывшаго адъютантомъ Платова (М.М.) Кузнецова, недавно умершаго генералъ-лейтенантомъ и походнымъ атаманомъ въ Варшавѣ, человѣка просвѣщеннаго. Не разъ случалось мнѣ говорить съ нимъ объ этомъ поискѣ, въ особенности въ 1828 году, когда онъ съ своимъ полкомъ находился, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, со мною на аванпостахъ при Шумлѣ, живя рядомъ въ палаткахъ. По возвращеніи моемъ изъ-за границы, въ 1851, въ Варшавѣ, онъ тотчасъ посѣтилъ меня въ два вечера мы перебрали все былое, и само собою разумѣется, что Бородино стояло на первомъ планѣ , и все, что онъ разсказывалъ, при нѣкоторыхъ лицахъ, въ дополненіе или объясненіе своихъ записокъ, еще болѣе утвердило меня во многихъ моихъ заключеніяхъ. Наконецъ, третье лице, бывшее участникомъ въ этомъ поискѣ, и такъ же имѣвшее записки, не разъ бывшія у меня и у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ рукахъ, здѣсь въ С. Петербургѣ, это г. л. (В. Д.) Иловайскаго, подъ Бородинымъ уже генералъ-маіора, и 3-го ноября 1860 года умершаго въ Москвѣ, изъ которой онъ изгналъ запоздалыхъ Французовъ 11-го октября 1812 года. Въ продолженіе пребыванія его здѣсь (съ 1844—1847), не проходило дня, чтобы современники 1812 года не собирались иногда, по нѣскольку человѣкъ, для вспоминаній и поясненій того, что казалось кому изъ нихъ темнымъ. Въ этихъ-то, и нѣкоторыхъ другихъ запискахъ г. м. Богдановичъ нашелъ бы многое, несравненно правильнѣе, изложеннымъ, чѣмъ у Клаузевицовъ и имъ подобныхъ литераторовъ, гонящихся за фразами и выставляющихъ себя на первомъ планѣ.

**) Замѣчательно, что Клаузевицъ, въ исторіи Отечественной войны уподобляется превращеніями своими индѣйскому божеству Вишну. Такъ не доходя Смоленска, г. м. Богдановичъ представляетъ его *начальникомъ штаба* 2-го кавалерійскаго корпуса графа Палена: здѣсь чрезъ нѣсколько дней, онъ уже только *оберъ-квартирмейстеръ* 1-го корпуса, и въ одно время уже

Мнѣнію этого-то Клаузевица *(находившагося при 1-мъ корпусѣ)*. Уваровъ не послѣдовалъ, чтобы прежде разстроить артиллеріею часть непріятельской пѣхоты и потомъ уже атаковать. Отъ этого три атаки лейбъ-гусаръ были безуспѣшны. Конечно, это есть въ сочиненіи Клаузевица.

Относительно же того, что при отступленіи Уварова и Платова, они перешли Колочу, *и отошли къ Горкамъ около 4-хъ часовъ пополудни*, слѣдовало бы показать мѣсто, гдѣ они совершали переправу чрезъ Колочу чтобы отойти къ *Горкамъ*. Относительно же времени, здѣсь встрѣчается разнорѣчіе: Бутурлинъ говоритъ (т. I, стр. 281) что: «г. а. Уваровъ отступилъ къ селу Новому, при коемъ и стоялъ до ночи, пока не получилъ отъ главнокомандующаго приказанія возвратиться за рѣчку Колочу». Слѣдовательно онъ тутъ же, въ Новомъ, конечно и перешелъ эту рѣчку, но уже никакъ не около *четырехъ часовъ пополудни*, а еще менѣе направился на Горки. Михайловскій-Данилевскій вовсе не упоминаетъ о пунктахъ переправы чрезъ Колочу, какъ туда, такъ и обратно. Во всякомъ случаѣ эти показанія предшествовавшихъ историковъ, должно было оговорить, и буде повѣствуемое ими неправильно, опровергнуть на тотъ конецъ, чтобы истина была опредѣлена, пусть, хотя бы только и приблизительно. Но не въ этомъ дѣло, а вотъ что здѣсь стоитъ на первомъ планѣ:

Бутурлинъ (т. I, стр. 277), говоря о распоряженіяхъ Кутузова, приказавшаго Милорадовичу потянуться влѣво (съ праваго крыла) съ 4-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ корпусами къ центру, присовокупляетъ: «Кромѣ сего *приказано было генералу Платову* съ его казаками и г. а. Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, дабы, перешедъ рѣку Колочу въ бродъ, ниже села Бородина, атаковали лѣвый флангъ вице-короля итальянскаго... (стр. 280). Г. а. Уваровъ, исполняя данное ему приказаніе, перешелъ рѣчку Колочу при селѣ Маломъ, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и нѣсколькими казачьими полками (конечно, Платова), *съ помощію коихъ* принудилъ легкую кавалерійскую дивизію Орнано поспѣшно отступить за ручей Войну и т. д.»

Михайловскій-Данилевскій, который въ описываемый моментъ находился при Кутузовѣ, говоритъ еще опредѣлительнѣе, насчетъ движеній Уварова и Платова. Вотъ что читается въ немъ: (т. II, стр. 225) когда Кутузовъ былъ при Горкахъ и желая лучше обозрѣть мѣстность, въѣхалъ на курганъ, на которомъ находи-

не этимъ послѣднимъ, а только *находящимся при 1-мъ корпусѣ*. Жаль, что неизвѣстна катастрофа, которая его низвергала, какъ говорится, изъ поповъ во дьяконы, а потомъ и въ дьячки!

лась батарея въ три орудія, что «слѣдствіемъ этого обозрѣнія были два приказанія, отданныя Кутузовымъ: 1) Милорадовичу съ стоявшимъ на правомъ крылѣ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, графа Остермана, и 2-мъ кавалерійскимъ, Корфа, сблизиться къ центру; 2) *Платову съ казаками* и Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, переправиться въ бродъ черезъ Колочу, выше Бородина *) и атаковать лѣвое крыло непріятеля. Симъ движеніемъ князь Кутузовъ надѣялся развлечь вниманіе Наполеона и оттянуть часть силъ его отъ нашего лѣваго крыла». И далѣе описываетъ дѣйствія помянутыхъ двухъ генераловъ, на которыя смотрѣлъ съ Горской батареи Кутузовъ и когда увидѣлъ, что цѣль достигнута, послалъ повелѣніе возвратиться и т. д.

Тутъ выходитъ уже совсѣмъ не то, что говоритъ г. м. Богдановичъ. Здѣсь мысль—сдѣлать движеніе нашимъ правымъ флангомъ на лѣвый непріятельскій, была *слѣдствіемъ личнаго обозрѣнія Кутузовымъ хода дѣла,* а о предложеніи Платова чрезъ принца Гессенскаго и объ *исходатайствованіи Толя* ни слова; между тѣмъ это обстоятельство чрезвычайно важное, ибо имѣло сильное вліяніе на исходъ Бородинскаго дня. Зачѣмъ же отнимать славу этой мысли у того, кому она принадлежитъ по праву? Чтобы опредѣлить съ историческою точностію кто правъ и кто виноватъ, почтенному автору *своей исторіи*, слѣдовало фактами опровергнуть повѣствованіе Бутурлина и Данилевскаго, но онъ почелъ за лучшее въ этомъ эпизодѣ даже и вовсе не упоминать о нихъ, и пустить въ ходъ указаніе Клаузевица!

Еще одно замѣчаніе: въ текстѣ показано въ отрядѣ Платова четырнадцать казачьихъ полковъ и двѣ конныя батареи (слѣдовало бы роты, но за симъ въ этомъ сочиненіи гоняться нельзя), а на планѣ позиціи и сраженія, означено только *девять казачьихъ полковъ*, съ нѣсколькими орудіями. Почему же остальные пять полковъ казачьихъ, не показаны на планѣ, расположенными отъ Москвы рѣки по низовью Колочи для наблюденія, какъ это сказано при описаніи позиціи, тогда какъ пѣхотные полки, для того же назначенія, тутъ размѣщенные, на планѣ показаны? Точно такъ же, вездѣ говорится, что въ отрядѣ г. м. Карпова, на старой смоленской дорогѣ были шесть казачьихъ полковъ, а на планѣ означены только пять.

Г. м. Богдановичъ проходитъ молчаніемъ, бралъ ли Платовъ съ собою, на поискъ, донскую артиллерію, или только часть оной, мѣстность тому препятствовать не могла, ибо съ Уваровымъ находилась же конная артиллерія, а донская того времени, была несравненно легче въ дѣйствіи. Во всякомъ случаѣ какъ можно было не упомянуть о 24-хъ орудіяхъ, тогда какъ въ другихъ

*) Видимая опечатка, должно быть *ниже Бородина.*

мѣстахъ этой исторіи, говорится даже и о двухъ орудіяхъ съ именемъ начальника оныхъ, подпоручика, или поручика въ случаяхъ ничего незначащихъ?! Единообразный размѣръ въ повѣствованіи, въ особенности о военныхъ дѣйствіяхъ, отстраняя путаницу, отклоняетъ и упрекъ въ пристрастіи, хотя бы нарушеніе этого правила было сдѣлано и безъ умысла.

Изъ девяти казачьихъ полковъ (за откомандированіемъ пяти, какъ замѣчено выше), стоящихъ съ Платовымъ на позиціи, г. м. Богдановичъ называетъ (примѣч. къ XXIII-й главѣ № 4-й) только семь и *часть* атаманскаго, принимавшихъ участіе въ поискѣ, и ни слова не говоритъ, что сдѣлалось съ однимъ *цѣлымъ* казачьимъ полкомъ и большею частью Атаманскаго; были ли они оставлены на позиціи, можетъ быть, для прикрытія артиллеріи—если она оставалась на мѣстѣ; а притомъ отъ кого было и прикрывать ее? Тѣмъ болѣе еще, что впереди, по пути Платова за Колочу, находились, для наблюденія за нею, пять полковъ, независимо егерскихъ. Или, наконецъ, цѣлый полкъ и большая половина Атаманскаго получили другое назначеніе, а то иначе; они вмѣстѣ—съ однимъ полкомъ изъ отряда Карпова, какъ бы исчезла изъ исторіи.

Всѣ эти недостатки, недоговоры, противорѣчія, темныя мѣста и т. п., оставляютъ военнаго читателя, особенно любознательнаго, въ недоумѣніи. Для другихъ же, какое дѣло до этихъ частностей, не они дѣлаютъ оцѣнку сочиненію. Однако же, Исторія Отечественной Войны 1812 года», составляетъ предметъ, который можетъ заинтересовать и не однихъ военныхъ; а потому точность необходима для изображенія тогдашнихъ подвиговъ всѣхъ сословій нашего отечества. Съ другой же стороны можно ли по всей справедливости требовать, какъ уже замѣчено, чтобы громадный трудъ этотъ не включалъ въ себѣ всевозможныхъ недостатковъ, когда на составленіе онаго употреблено только *три года*!

О вліяніи, которое имѣло на общій ходъ Бородинской битвы, движеніе Платова и Уварова, Бутурлинъ говоритъ очень коротко, сознавая при томъ, что оно заставило Наполеона потерять много времени. Окуневъ пишетъ (стр. 194, 195, относительно къ боковому движенію генерала Уварова, что: «Сіе движеніе конницы не имѣло всего ожиданнаго отъ него успѣха при его предпріятіи, не произвело по крайней мѣрѣ, нѣкоторую нерѣшимость въ наступательномъ дѣйствіи непріятельскаго центра, коею *русскіе воспользовались* для приведенія въ порядокъ утомленныхъ войскъ». Окуневъ присовокупляетъ, что онъ: «Знаетъ сіе отъ генерала, начальствовавшаго одною изъ пѣхотныхъ дивизій, весьма дѣятельно участвовавшаго въ сей славной битвѣ.» Онъ увѣрялъ меня, что весьма было примѣтно въ наступательномъ движеніи Наполеона ослабле-

ніе, которому въ первую минуту не знали истинной причины; но впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что сіе ослабленіе центра произошло отъ опасенія, возбужденнаго боковымъ движеніемъ Уварова». Жомини одинаково свидѣтельствуетъ *), что Кутузовъ выигралъ время симъ движеніемъ и, что Наполеонъ, получивши о семъ извѣстіе, пріостановилъ сдѣланное распоряженіе для возобновленія атаки на нашъ центръ и *опасался за свой путь сообщенія* и т. д. Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 27) говоритъ, что: «Дѣйствія Платова и Уварова, имѣли на участь сраженія вліяніе чрезвычайно важное, вполнѣ оправдавшее ожиданіе князя Кутузова. Лѣвый флангъ нашъ былъ оттѣсненъ, укрѣпленія впереди Семеновскаго, взяты, Наполенъ уже отдалъ повелѣніе молодой гвардіи двинуться для подкрѣпленія кавалерійскихъ корпусовъ, возобновлявшихъ съ бѣшенствомъ одну атаку за другою, наконецъ, онъ въ тоже время приказалъ вице-королю атаковать курганную батарею, и вдругъ измѣнился видъ дѣла. Гвардіи велѣно остановиться и вице-королю не идти въ атаку на батарею Раевскаго. Этого мало. Вице-король и самъ Наполеонъ, завидя кавалерію Платова и Уварова, и произведенную тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу, понеслись къ берегамъ Войны, желая удостовѣриться въ силахъ, какія князь Кутузовъ отрядилъ для обхода ихъ и нападенія. Тѣмъ, кто находился въ Бородинскомъ сраженіи, конечно, памятна та минута, когда по всей линіи непріятеля уменьшилось упорство атакъ, огонь видимо сталъ слабѣе, и намъ какъ тогда, кто-то справедливо замѣтилъ, *можно было свободнѣе вздохнуть*. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона возможности воспользоваться побѣдою, уже склонявшеюся на его сторону. Столь счастливый оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ маневра князя Кутузова,—маневра, до сихъ поръ неоцѣненнаго достойнымъ образомъ» **).

Г. м. Богдановичъ, съ своей стороны дѣлаетъ слѣдующій выводъ (т. II, стр. 208). «Вообще-же нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи, произведенное безъ *содѣйствія пѣхоты*, которое по свойствамъ мѣстности въ окрестностяхъ Бородина, (?) было необходимо, не имѣло *рѣшительныхъ послѣдствій*, но принесло намъ большую пользу, *заставя Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ;* въ продолженіе которыхъ *мы успѣли усилить* нашъ центръ войсками съ праваго крыла и изъ резерва занять промежутокъ образовавшійся между батареею Раевскаго и Семеновскимъ. Здѣсь ссылки на Шамбре и на Тьера *)!

*) Vie pol. et milit. de Napoleon. T. 11 p. 226 Edit de Bruxelles 1842.

**) Г. м. Богдановичъ, какъ видѣли выше, приписываетъ первую мысль онаго, Платову, что при тщательномъ обзорѣ матеріяловъ, должно объясниться.

***) Приложеніе къ XXIII главѣ, № 6-й.

Я недоумѣваю, какимъ образомъ могло составиться подобное разсужденіе! Движеніе Уварова (замѣтьте, о Платовѣ опять ни слова) *не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій!* и тотчасъ вслѣдъ, за тѣмъ, что это движеніе *заставило Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ*; что въ это время мы *успѣли усилить нашъ центръ войскомъ съ праваго фланга и изъ резерва и занять промежутокъ, образовавшійся между батареею Раевскаго и Семеновскимъ.* Это бездѣлица по мнѣнію г. м. Богдановича! да какія бы могли быть послѣдствія, если бы мы не имѣли времени сдѣлать всѣ эти распоряженія?—Пусть почтенный авторъ прочитаетъ только написанное имъ же, что когда, послѣ потерянныхъ Наполеономъ двухъ часовъ времени, давшихъ намъ возможность сдѣлать помянутыя передвиженія, непріятель напалъ на центральную батарею и *занятый* уже нами промежутокъ между оною и Семеновскимъ, то какія усилія мы должны были употребить противу натиска многочисленной—непріятельской конницы и колоннъ его пѣхоты, чтобы устоять, но и то не на всѣхъ пунктахъ? Что-же было бы, повторяю, если бы мы не имѣли возможности *воспользоваться* этими *двумя часами?*... Конечно, тогда были-бы *рѣшительными послѣдствія* и для насъ, и для непріятеля, но совершенно однѣ другимъ противоположны. Остается только удивляться, какъ могло помянутое разсужденіе быть написано, и заимствованное только изъ двухъ французскихъ повѣствователей, изъ коихъ одинъ, точно такъ же, какъ и нашъ почтенный исторіографъ, не былъ въ дѣлѣ, слѣдовательно они оба компилировали и на попавшую подъ глаза тему—фантазировали.

Вслѣдъ за послѣдними словами, читается слѣдующее: «Князь Кутузовъ *полагалъ*, что при этомъ нападеніи наша кавалерія могла-бы одержать болѣе рѣшительные успѣхи». Это опять откуда почерпнуто?—Ни здѣсь, ни до самаго конца параграфа цитаты нѣтъ, а она видимо была необходима, ибо свидѣтельствуетъ *мнѣніе Кутузова*. Если-бы почтенный авторъ находился тутъ на лицо самъ, то авторитетъ его былъ-бы несомнителенъ—все равно, слышалъ-ли бы онъ самъ отъ Кутузова, что онъ надѣялся на большіе успѣхи, или тогда-же сказали о томъ другіе; но, какъ ни того, ни другаго не было, слѣдовательно, повторяю, и цитата была необходима; иначе, по мнѣнію самаго-же исторіографа, заявленному въ 1-мъ № «Военнаго Сборника» за 1858 годъ, пришлось-бы вѣрить всему тому, что разсказываетъ Мюнхгаузенъ въ своемъ твореніи, извѣстномъ у насъ въ переводѣ «не любо, не слушай; и т. д.». Г. м. Богдановичъ продолжаетъ, «изъ донесенія Уварова видно, что ему было приказано *отвлечь* непріятеля отъ покушенія на вторую армію, но что въ послѣдствіи онъ полу-

чилъ отъ Барклая и отъ самаго Кутузова *повелѣнія* *) возвратиться на позицію. Выше видно было, что Уваровъ вполнѣ оправдалъ свое назначеніе — *отвлекъ* вниманіе непріятеля отъ второй арміи, заставилъ его потерять около двухъ часовъ времени, что, въ самомъ концѣ августа, по краткости дня, весьма важно. Слѣдовательно, по сознаніямъ Кутузова въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія коннаго отряда на изрѣзанной мѣстности онъ и послалъ приказанія, или *повелѣніе* возвратиться, а можетъ быть онъ это сдѣлалъ и съ другой цѣлію, ниже изложенною.

За симъ слѣдуетъ собственное критическое разсужденіе почтеннаго автора: «Дѣйствія нашего отряда могли-бы имѣть *болѣе* важныя послѣдствія (а какія, не сказано) *только тогда*, когда онъ былъ-бы въ значительныхъ силахъ и состоялъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, или *еслибъ* Уваровъ получилъ *опредѣлительную инструкцію* (!), въ которой было-бы *ясно выражено*, что отрядъ его назначается для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятеля и что эту атаку слѣдовало повести даже и въ такомъ случаѣ, если-бы нашъ отрядъ подвергался *совершенному пораженію*».

Относительно состава отряда Уварова въ значительныхъ силахъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, замѣчу, что г. м. Богдановичъ самъ-же описалъ мѣстность противу нашего праваго фланга, по которой значительный отрядъ въ составѣ всѣхъ родовъ войскъ, не иначе могъ двигаться, какъ чрезвычайно медленно, а это дало-бы время и возможность непріятелю притянуть къ защитѣ необходимое число войскъ, что по близочти его массъ и удобству мѣстности ему очень было-бы легко сдѣлать **). И разъ отбивши нашъ натискъ, весь отрядъ подвергался истребленію при отступленіи чрезъ нѣсколько рѣчекъ съ крутыми и обрывистыми берегами, оврагами и другими значительными физическими препятствіями. А при томъ откуда-бы взялась у насъ пѣхота, которая должна была въ такомъ отрядѣ быть въ силѣ? Здѣсь нуженъ былъ отважный кавалерійскій налетъ легкой конницы, и въ особенности казаковъ; тутъ дѣло шло не объ упорныхъ схваткахъ, а о быстротѣ, а можетъ быть для таго, чтобы усмотрѣть, какое вліяніе это произведетъ на непріятеля чтобы въ послѣдствіи воспользоваться симъ о чемъ скажется далѣе.

Что-же касается до того, что если-бы Уваровъ получилъ *опредѣлительную инструкцію* съ яснымъ выраженіемъ, что отрядъ его назначается *для рѣшительнаго удара въ тылъ не-*

*) Значитъ *письменное*, ибо иначе, сказано было бы *приказаніе*, а если письменное, то не въ немъ ли находится сѣтованіе Кутузова, что наша кавалерія могла бы одержать болѣе *рѣшительные успѣхи?* Повелѣніе это необходимо было-бы приложить.

**) Частію онъ и исполнилъ это противу конницы Уварова.

пріятеля, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ отрядъ этотъ подвергался *совершенному пораженію*—то, признаюсь, я не совсѣмъ понимаю смыслъ этихъ словъ! Для генерала, уполномоченнаго на такой подвигъ, всякая *опредѣлительная инструкція* только бы стѣснила его въ распоряженіяхъ, ибо заблаговременное опредѣленіе дѣйствій зависитъ не отъ тѣхъ, которые составляютъ *инструкцію*. Въ подобныхъ случаяхъ *опредѣлительность опредѣляется* моментами дѣйствій, и потому совершенно зависитъ отъ исполнителя; и наконецъ, какую-бы пріобрѣли пользу, если-бы начальникъ отряда, при видимой на мѣстѣ невозможности имѣть какой-либо успѣхъ—руководствовался-бы—*ясно выраженной и опредѣлительной инструкціей*, написанной за нѣсколько верстъ отъ мѣста дѣйствія, и подвергъ-бы ввѣренный ему отрядъ—*совершенному пораженію?* Какая-бы была въ томъ польза? повторяю. А вотъ какая: непріятель успѣхомъ симъ воодушевился бы, а въ нашихъ рядахъ послѣдовало бы уныніе—первый шагъ къ потерѣ духа, который составляетъ главнѣйшіе качества воина. Такъ, если-бы въ этой *ясно выраженной опредѣлительной инструкціи* сказано было, что для успѣха въ главныхъ предначертаніяхъ, Уваровъ не долженъ останавливаться въ дѣйствіяхъ своихъ и тогда даже, когда-бы—подвергалъ отрядъ свой значительной потери людей, или что-либо подобное, но уже никакъ *совершенному пораженію*. Конный отрядъ, послѣ многихъ безуспѣшныхъ атакъ, не подвергается еще столь сильному, и такъ опредѣлительному выраженію *совершеннаго пораженія!*

Сознаюсь, повторяю, мнѣ никогда не случалось слышать о подобныхъ предписаніяхъ подъ названіемъ *инструкцій*, да еще *опредѣлительныхъ ясно выраженныхъ!* Между-же тѣмъ, по роду моей службы мнѣ случалось, съ 1808 по 1830 годъ, переписывать съ диктовки подобныя распоряженія лицъ, очень *понимающихъ дѣло*. Все, что относилось до боевыхъ распоряженій по войскамъ, называлось *диспозиція*, *дополненіе къ оной*, *предписаніе*, *приказаніе*, пожалуй, и *секретное*, даже пусть *наставленіе*, *разъясненіе* въ случаѣ нужды, но все-таки не *инструція*, которая, по принятому правилу, дается только обревизирователямъ какого-либо департамента, провіантской или коммисаріатской коммисіи, партіоннымъ офицерамъ и т. п. По крайней мѣрѣ, въ мое время, въ военной бюрократіи это было такъ принято. Столь же странно было-бы слышать, что получившій порученіе обревизовать департаментъ, коммисію и т. п., или дипломатъ, для руководства въ своихъ сношеніяхъ и оба, вмѣсто прямаго слова, въ подобныхъ случаяхъ *инструкція*, были-бы снабжены *диспозиціею!* Сколько странно слушать, что генералъ, долженствующій тотчасъ атаковать непріятеля, получаетъ *ин-*

струкцію! Я нахожу въ этихъ двухъ случаяхъ ту же оригинальность, что когда-бы кто въ руководствѣ обязанностей написалъ: «имѣть наблюденіе, *чтобъ было достаточно дровъ для пищеваренія*», вмѣсто –для *варенія пищи;* не то-ли же самое, что *инструкція* и *диспозиція?* Всѣ эти названія имѣютъ свое специяльное значеніе въ военной *терминологіи*.

Относительно-же содержанія помянутой *опредѣлительной инструкціи*, повелѣвающей, не смотря ни начто, атаковать непріятеля, если-бы даже пришось и потерпѣть *совершенное поряжение*, то и этого выраженія, безъ особенныхъ къ тому добавленій, въ продолженіе всей моей боевой службы, не приходилось нигдѣ встрѣчать, да и послѣ, до самаго появленія настоящей книги, гдѣ-либо и читать. Впрочемъ, у почтеннаго автора встрѣчается много подобныхъ *нововведеній*, какъ напримѣръ, по мимо названій полковъ никогда въ русской арміи несуществовавшихъ и т. п., но *лѣвое* называть *правымъ* а *правое лѣвымъ*; дѣйствовать по *столпившимся обозамъ*... Это ново по крайней мѣрѣ для меня. *Толпа обозовъ*! Въ мое время сказали-бы: по *стянувшимся*, по *скопившимся обозамъ* и т. п., но ни въ какомъ случаѣ по *столпившимся*! *Толпа обозовъ*. Какъ-то странно. Впрочемъ, пословица говоритъ: *Вѣкъ живи—вѣкъ учись*. Но пора обратиться опять къ Платову и Уварову.

Впечатлѣніе, произведенное на непріятеля движеніемъ нашего праваго фланга, должно быть тщательно разсмотрѣно и перебрано все то, что пищутъ иноземцы-свидѣтели и слышавшіе тогда-же о безпорядкѣ, происшедшемъ, на этомъ флангѣ, о чемъ вскользь упоминаетъ и самъ г. м. Богдановичъ. Суматоха, на возвышеніи отъ Бородина по направленію къ Колоцкому монастырю, была ясно видна отъ Горокъ, и съ какою поспѣшностію многія палатки были сняты!

Что касается собственно моего мнѣнія, основаннаго на многихъ заключеніяхъ и разсужденіяхъ, въ то же время и въ послѣдствіи, лицъ, свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, изъ коихъ, нѣкоторыя и участвовали въ этомъ поискѣ, то я вполнѣ убѣжденъ, что, даже послѣ того, что Уваровъ не успѣлъ сломить каре, и когда Платовъ произвелъ описываемый безпорядокъ въ непріятельской пѣхотѣ, около Беззубова, первый отошелъ-бы, какъ онъ это и сдѣлалъ, обратно чрезъ Колочу, на прежнюю свою позицію, а Платовъ скрытно принялъ бы вправо чрезъ Логиново, если нельзя этого сдѣлать около Беззубова, и перенесся бы на путь приведшій Наполеона къ Бородину, то произвелъ бы въ тылу его арміи сильную тревогу. Колоцкій монастырь, заваливаемый ранеными въ продолженіе цѣлаго дня; снаряды, обозы военные, и въособенности частные, и маркитанты, на этомъ пространствѣ, услышавъ выстрѣлы и крики ура и другіе, хотя бы при ложныхъ

атакахъ, распространили бы ужасъ *) до самыхъ рядовъ арміи, утомленной жостокою, въ продолженіе цѣлаго дня битвою, терпящей издавна голодъ; съ конницею, которая изнурена и разстроена была до высочайшей степени. Поискъ части казаковъ, по направленію на Гжатскъ, также заваленный больными, какъ и на всемъ протяженіи отъ Колоцкаго монастыря; отсталые и мародеры — всегда въ большомъ количествѣ находившіеся въ то время на дальныя разстоянія въ тылу тогдашнихъ французскихъ армій, все это неминуемо должно было произвести смятеніе. Нѣсколько же выстрѣловъ изъ донской артиллеріи могло имѣть неисчислимыя послѣдствія, — въ особенности же принявъ въ соображеніе, что между французами, тревога въ тылу, дѣлаетъ на нихъ особенное впечатлѣніе. Если же присоединить еще къ сему удачный набѣгъ (въ успѣхѣ котораго нельзя было-бы и сомнѣваться), на Колоцкій манастырь **), истребленіе находившихся тутъ госпитательныхъ фуръ и медицинскихъ потребностей и лицъ; перехватъ спарядовъ и части продовольствія, шедшихъ изъ Смоленска и находившихся въ то время около Гжатска и, едва-ли частію не по сю сторону, подъ слабымъ прикрытіемъ, которое отъ внезапнаго и никакъ неожиданнаго нападенія, не могло-бы охранить длинной вереницы зарядныхъ ящиковъ, фуръ и повозокъ, и должно было-бы разъсѣяться и предоставить все въ добычу.

Платовъ могъ, оставивъ на мѣстѣ, даже отъ 1,200 до 2,000 человѣкъ, имѣть съ собою еще отъ трехъ до трехъ съ половиною тысячъ казаковъ, при которыхъ могла находиться и часть донской артиллеріи. Ему не предстояло никакой опасности; пространство было въ его распоряженіи; оставшіеся жители преимущественно скрывавшіеся въ окрестныхъ убѣжищахъ, были озлоблены на врага, содѣйствовали-бы казакамъ наблюденіями и указаніями своими. Непріятель не имѣлъ средствъ преслѣдовать Платова и его партіи отдаленно отъ главной массы своихъ войскъ, конница его была-бы вѣрною жертвою.

При такомъ положеніи дѣлъ, Наполеону трудно было-бы на другой день оставить мѣсто битвы и слѣдовать за нашей арміей. Или, отъ долженъ-бы былъ значительно себя осла-

*) Только одно появленіе, и *еще днемъ*, Платова и Уварова было уже поводомъ къ безпорядкамъ и безотчетной паники въ обозахъ. Лучшіе иноземныя историки участники, подробно говорятъ, объ опасности которой подвергалась ихъ арміи, еслибы Платовъ продолжалъ дѣйствовать. Объ этомъ въ общихъ замѣчаніяхъ скажу пространно.

**) Говорили въ свое время, и въ послѣдствіи изъ разговоровъ близкихъ къ Платову, можно было заключить, что онъ предлагалъ этотъ налетъ, но что предложеніе не было принято. Положительно-же въ запискахъ (И. Ѳ.) Богдановича, Кузнецова и Иловайскаго сказано, что Платовъ, возвращаясь съ поиска, приказалъ полковымъ комадирамъ замѣчать мѣстность на случай возвращенія ночью.

бить, оставивъ болѣе сильный отрядъ на мѣстѣ, чѣмъ около 8,500 вестфальцевъ съ Жюно, который былъ-бы въ такомъ случаѣ не въ силахъ прикрывать въ Можайскѣ и Колоцкѣ магазины, раненыхъ, больныхъ и обезпечивать пути, или, наконецъ, отказаться идти на Москву. По сказанію г. м. Богдановича, Наполеонъ уже колебался по причинѣ недостатка снарядовъ, послѣ бородинской битвы. Платовъ же, по соображеніямъ главнокомандующаго, всегда имѣлъ возможность, въ данный моментъ присоединиться къ арміи, ибо ограничивался-бы только истребленіемъ врага, отъ Колоцкаго монастыря до Гжатска, ближайшихъ къ арміи непріятельскихъ госпиталей. Съ подобнымъ подготовленіемъ Платовымъ, въ ночь послѣдовавшую за битвой, не мудрено, что предначертаніе атаковать непріятеля, 27-го числа съ разсвѣтомъ, положило-бы конецъ его дальнѣйшему движенію, и можетъ быть, съ важными послѣдствіями.

Поясняя весь этотъ эпизодъ, критику слѣдуетъ принять въ соображеніе и къ обсужденію еще слѣдующее: приказаніе Платову и Уварову, — возвратиться съ поиска на позицію было отдано около третьяго часа пополудни, когда Кутузовъ былъ еще въ твердой рѣшимости, атаковать непріятеля въ шесть часовъ утра слѣдующаго дня. Солнце еще было высоко, и ничто не мѣшало Платову и Уварову — продолжать, по обстоятельствамъ, присутствіемъ своимъ тревожить непріятеля, у котораго произошло уже смятеніе въ обозахъ и т. п. и вѣсть эта тотчасъ разнеслась по всей его арміи, встревоживъ самаго Наполеона: Уваровъ, по приказанію Барклая, отступилъ, и не переходя Колочи, остановился на лѣвомъ ея берегѣ. Но Кутузовъ повторилъ Уварову приказаніе, возвратиться на позицію, что онъ и исполнилъ уже вечеромъ. Переносясь въ ту эпоху, перебирая остающіеся еще свои записки, и приводя себѣ на память все, что было говорено въ то время, и въ послѣдствіи, я невольно прихожу къ тому заключенію, что Кутузовъ, отзывая такъ рано Уварова и въ особенности Платова, обратно на позицію, дѣлалъ это не безсознательно, или безъ разсчета, но съ цѣлію усыпить вниманіе непріятеля съ этой стороны, и заставить его думать, что этимъ ничтожнымъ набѣгомъ кончается и все предпріятіе наше на лѣвое крыло его арміи. Между тѣмъ, усмотрѣвъ нравственное вліяніе, произведенное этимъ поискомъ, нашъ главнокомандующій очень вѣроподобно предоставлялъ себѣ возобновить оный съ большею энергіею, одновременно съ наступленіемъ нашей арміи, въ слѣдующее утро. Но такъ какъ это послѣднее предположеніе отмѣнено около полуночи вечера *), то и поискъ Платова и Уварова, не имѣлъ *тѣхъ ре-*

*) Все, что относится до этого предначертанія Кутузова, въ которомъ онъ стоялъ твердо въ продолженіе около восьми часовъ времени и дѣлались

зультатовъ, которыхъ были въ *правѣ ожидать*, и несомнѣнно, если-бы мысль атаковать непріятеля до разсвѣта, въ слѣдующій день не родилась уже у Кутузова, то онъ не отозвалъ *бы такъ рано* Уварова и въ особенности Платова, который, продолжая угрожать тылу оконечности лѣваго непріятельскаго крыла, понудилъ бы Наполеона обратить еще большее вниманіе. Извѣстно, что внезапное появленіе нашихъ войскъ на этомъ мѣстѣ, заставило вице-короля итальянскаго немедленно притянуть изъ центра къ угрожавшемуся пункту часть пѣхоты, которая, по отступленіи Платова и Уварова, вновь присоединилась къ войскамъ, готовившимся къ нападенію на нашу центральную батарею. Вотъ и еще обстоятельство, которое критикъ не долженъ будетъ пройти молчаніемъ. Продолжай Уваровъ занимать непріятеля отдѣльными атаками, а Платовъ прими еще правѣе Беззубова и переправься на лѣвый берегъ Войны, повернись потомъ круто влѣво, угрожая Колоцкому монастырю и пути въ Гжатскъ, сомнительно, предпринялъ-ли бы Наполеонъ, свою атаку на нашу центральную батарею, безъ войскъ вице-короля, которые неотмѣнно должны были стянуться къ угрожавшемуся пункту, и въ особенности къ Колоцкому монастырю — центральному перевязочному пункту; или долженъ былъ употребить для сего послѣдній свой резервъ— около восьмнадцати тысячъ гвардіи, на что едва-ли бы онъ рѣшился, отказавъ не разъ сдѣлать это въ самые рѣшительные моменты дня.

Словомъ, все, что относится къ этому движенію, должно быть совокупно съ показаніями французскихъ писателей, разобрано критически, лицемъ знакомымъ съ мѣстностію, съ характеромъ и свойствами войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ и притомъ твердо знающимъ то, за что берется, иначе же все останется самопроизвольнымъ наборомъ словъ, перемѣшанныхъ фразами, однѣ другимъ противорѣчащими, но отнюдь не наукой. Такъ не пишутся и порядочныя повѣсти и похожденія, а еще менѣе книги подъ громкимъ названіемъ *Исторія*. Это послѣдняя требуетъ другихъ условій, которыя не для всѣхъ легко доступны. Чинъ, званіе и случайность, имѣютъ свое почетное мѣсто въ служебной іерархіи, но при подобныхъ занятіяхъ, и то и другое недостаточно. Одна критика, и критика самая строгая *), обнажаетъ истину. *Гдѣ нѣтъ критики, тамъ всякая похвала—злая насмѣшка.*

нужныя къ тому предварительныя распоряженія, и о внезапномъ измѣненіи этого намѣренія, а равно и представлявшіеся шансы въ этомъ предпріятіи, будутъ разсмотрѣны въ особой статьѣ.

*) Мы встрѣчаемъ оную нынѣ, во многихъ періодическихъ изданіяхъ, не стѣсняющихся указывать на промахи при разработкѣ отечественной исторіи. Откровенное высказываніе истины, не должно стѣснять критика, въ указаніяхъ безсмысленности авторовъ, иначе, часто ихъ оффиціальное значеніе на степеняхъ ученыхъ званій останется авторитетомъ.

Умалчиваю о другихъ эпизодахъ Бородинской битвы, вызывающихъ критику, часто по несогласію между собою при обсужденіи одного и того-же обстоятельства; все это требуетъ разсмотрѣнія и сближенія разногласій и взглядовъ многочисленныхъ повѣствователей. Трудъ, по моему мнѣнію, превышающій силы одного человѣка, какъ это уже замѣчено мною въ другомъ мѣстѣ. Изъ общихъ-же взглядовъ на эту битву въ критическомъ отношеніи, по моему мнѣнію, болѣе удовлетворительные, суть: Жомини, Окунева, Целе и Шапюи, которые, за всѣмъ тѣмъ, одинаково требуютъ вмѣстѣ съ другими критическаго сближенія. Г. Окуневъ, приступая къ длинному критическому разбору этой битвы, начинаетъ слѣдующими словами: и *) «Когда презрѣніе жизни, ознаменовалось въ чертахъ разительнѣйшихъ, нежели въ битвѣ Бородинской? Сіи славные греки, положившіе животъ въ тѣснинахъ термопильскихъ, или сія горсть храбрыхъ, погребшаяся подъ развалинами Мисолунги; чѣмъ могутъ превзойти въ величіи самопреданія и непоколебимаго мужества сіи двѣ огромныя арміи, остановившіяся на полѣ сраженія, дабы побѣдить или умереть? Уже кровь восьмидесяти тысячъ героевъ омыла сію долину, священную для храбрыхъ всѣхъ народовъ; но мужество не ослабѣло; нравственное опьяненіе, претворившееся въ кровавую жажду, еще не насытилось. Казалось, что оба сіи колосса хотѣли погребстись подъ собственными развалинами, и представили бы, наконецъ, безъ сомнѣнія, объятой ужасомъ Европѣ, единственный примѣръ двухъ армій, истребившихъ одна другую въ спорѣ за побѣду, ежели бы полководцы, сами устрашенные горами тѣлъ, повсюду поражавшими взоры ихъ, не остановили битвы. Сколько дѣяній блистательныхъ погибло въ семъ хаосѣ крови и убійства! Сіи мученики любви къ отечеству расплатились съ родинами своими; они выкупили ихъ цѣною собственной крови, и оставили пережившимъ ихъ святой долгъ столько чтить память ихъ, сколько заслуживаетъ того великодушіе, съ которымъ всѣ они обрекли себя на смерть».

Вслѣдъ за симъ онъ приступаетъ къ подробному критическому анализу этого сраженія, исчисляя ошибки, происшедшія, какъ въ расположеніи нѣкоторыхъ частей войскъ, такъ и движеній, замѣчая между прочимъ, «почти всѣ сіи ошибки исправлены храбростію войскъ». Этими нѣсколькими словами, онъ вѣрно изображаетъ характеръ битвы.—Въ другомъ мѣстѣ скажется о значеніи сочиненій Окунева.

Г. м. Богдановичъ, конечно имѣлъ свой особенный взглядъ на труды предшествовавшихъ ему нашихъ соотечественниковъ. Бутурлинъ и Данилевскій, хотя и порядочно отдѣланные въ кон-

*) Я сохранилъ въ подлинникѣ руской переводъ стр. 181

цѣ третьяго тома, но удостоились быть иногда цитированными; а случается и то, что мнѣнія ихъ введены безъ цитата.—Но ни Ахшарумовъ, ни Окуневъ, не заслужили этой чести.—Полковникъ Ахшарумовъ, по мнѣнію г. м. Богдановича», *недостаточно былъ приготовленъ къ занятію по военной исторіи*, не воспользовался данными ему средствами и написалъ книгу, *заслуживающую* вниманіе *только потому*, что она была первымъ русскимъ сочиненіемъ «о войнѣ 1812»! Д. П. Ахшарумовъ, всю войну находился адъютантомъ Коновницына. По окончаніи борьбы, когда Коновницинъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, онъ поручилъ *) Ахшарумову описать помянутую войну, и для удобства назначили его дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ корпусъ графа Воронцова, оставшійся во Франціи. Я былъ очень близкимъ свидѣтелемъ добросовѣстныхъ его занятій, о чемъ подробно излагается въ общихъ замѣчаніяхъ.

Объ Окуневѣ вотъ, между прочимъ, что говоритъ г. м. Богдановичъ; «Авторъ, принявъ на себя обязанности профессора, научаетъ читателей своихъ **), представляя въ видѣ безусловныхъ правилъ выводы, имъ сдѣланные на основаніи теоріи генерала Жомини» (но гдѣ-же эти безусловныя правила?). «Нельзя не замѣтить, что послѣдователи Жомини, позабывъ, что важнѣйшею его заслугою было освобожденіе любознательныхъ людей отъ стѣснявшихъ ихъ одностороннихъ теорій, подчиняясь началамъ которыя самъ онъ не признавалъ безусловными. Отъ этого произошелъ тотъ *узкій критическій взглядъ на военныя дѣйствія*, которымъ отличились: Маккъ, Вейротеръ, Пфуль и *подобные педанты* (ergo.....) *Такая ученость, стѣсняющая свободу мышленія, вредна не менѣе невѣжества.*»

Значитъ, что всѣ, отзывавшіеся о сочиненіяхъ П. Окунева, въ особенности о войнѣ 1812 года, не понимали военнаго дѣла въ той высокой степени, которую занимаетъ почтенный авторъ *своей исторіи*.

На сей разъ ограничиваюсь только вышеприведенными примѣчаніями на исторію «Отечественной войны 1812 года». Желательно, чтобы при озложеніи послѣдующихъ за 1812 годомъ

*) Г. м. Богдановичъ говоритъ *исходатайствовалъ*. Но это слово *неумѣстно*. Надо знать, что такое былъ Коновницынъ: онъ ни въ какомъ случаѣ не *ходатайствовалъ*-бы въ этомъ отношеніи о человѣкѣ, если-бы онъ не обладалъ необходимыми къ тому условіями. Ахшарумова же онъ могъ оцѣнить и по теоретическимъ познаніямъ и по опытности, какъ своего спутника—во всѣхъ опасностяхъ — а потому я принимаю слово *исходатайствовалъ* въ полномъ смыслѣ всего того, что почтенный історіографъ сказалъ въ своемъ сочиненіи о Коновницынѣ и объ Ахшарумовѣ, — о первомъ, какъ о военномъ министрѣ, а о второмъ, какъ исторіографѣ войны, 1812 года, за *анахронизмъ*.

**) Какъ это онъ смѣлъ! Не правда-ли? Какая дерзость.

войнъ, для описанія коихъ, какъ увѣряютъ, г. м. Богдановичъ собираетъ уже матеріалы, онъ былъ болѣе точенъ и менѣе противорѣчилъ самому себѣ, тѣмъ болѣе, что для исторіи войны 1813 и 1814 годовъ найдется болѣе читателей-участниковъ, нежели для исторіи войны отечественной, и эти участники подвергнутъ трудъ его строжайшему разбору.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ, НА СТАТЬЮ

Г. Л. БОГДАНОВИЧА,

помѣщенную въ Русск. Инвалидѣ 1866 г., № 5, подъ заглавіемъ

ХАРАКТЕРИСТИКА

«ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА АРАКЧЕЕВА».

(НАПЕЧАТАНА ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ 1866 Г., ВЫПУСКЪ 7-Й).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ *).

Въ «*Русскомъ Инвалидѣ* № 5, 1866 г.) помѣщена статья г. Богдановича «*Характеристика дѣятельности графа Аракчеева*». Почтенный авторъ, извѣстный нашъ военный историографъ, конечно недостаточно ознакомленный съ избраннымъ имъ предметомъ, вошелъ въ нѣкоторыя погрѣшности и обычную неопредѣлительность, начиная даже съ имени графа Аракчеева, котораго, вмѣсто Алексѣя, онъ называетъ «Александромъ» Не въ этомъ однако же суть.

Почтенный професоръ начинаетъ вопросомъ себѣ: чему обязанъ «былъ онъ (Аракчеевъ) почетнымъ мѣстомъ довѣреннаго лица при одномъ изъ величайшихъ монарховъ?» И, вслѣдъ за симъ присовокупляетъ: «Нельзя сказать, что безъ лести преданный, «какъ называлъ себя самъ Аракчеевъ, достигъ столь высокой «степени — лестью, ласкательствомъ. Императоръ Александръ «отъ самой юности, зналъ цѣну этой фальшивой монеты..... На-«конецъ, не былъ ли счастливый временщикъ обязанъ быстрымъ «возвышеніемъ *дарованіямъ* своимъ? Не выступалъ ли онъ изъ «ряда людей, какъ говорится, годныхъ только для домашняго «обихода **). Не былъ ли онъ человѣкомъ государственнымъ во «всемъ значеніи этого слова? Чтобы отвѣчать на такіе вопросы, «необходимо изслѣдовать его общественную дѣятельность и для «этого всего лучше разсмотрѣть ея послѣдствія... Если бросимъ «взглядъ съ этой точки зрѣнія на все сдѣланное Аракчеевымъ, «то придемъ къ довольно *скудному итогу*». И вотъ изъ чего почтенный авторъ складываетъ этотъ *скудный итогъ*.

«Конечно, говоритъ онъ, *мы обязаны признать за нимъ* «заслугу преобразованія нашей артиллеріи и успѣховъ ея въ 1812, 1813 и 1814 годахъ». Бездѣлица! Но здѣсь авторъ при-«совокупляетъ въ скобкахъ: «(не забывая однакоже *содѣйствія*

*) Печатаемъ эти замѣчанія по тому же единственно побужденію, какъ и въ прошломъ году (см. статьи того же автора на стр. 1061 — 1072 и 1077 — 1090 Р. Арх. 1865. изд. 2-го), т. е. по исторической важности вапросовъ и показаній. *П. Б.*

**) Замѣчательное выраженіе!

«тому отличныхъ артиллеристовъ: Яшвиля, Кутайсова, Ермолова, «Сухозанета, Никитина)».

Что это такое!? Какимъ образомъ, на какихъ основаніяхъ, почтенный історіографъ дѣлаетъ эти пять лицъ участниками въ *преобразованіи артиллеріи?...* Присутствовалъ ли кто изъ нихъ въ военной коллегіи, въ артиллерійской экспедиціи, въ комитетахъ? былъ ли въ близкихъ совѣщательныхъ преніяхъ съ Аракчеевымъ по дѣлу о *преобразованіи артиллеріи?* Названныя лица были не *преобразователями*, а въ опредѣляемую эпоху славными дѣятелями съ давно уже преобразованной артиллеріей. Но и здѣсь, что за произвольная номенклатура! Какимъ образомъ въ 1812 году, вмѣстѣ съ Яшвилемъ, Ермоловымъ и Кутайсовымъ, занимавшими уже высшія мѣста, сопоставлены ротные командиры; а въ строгомъ смыслѣ: почему поставленъ Кутайсовъ прежде Ермолова, а Сухозанетъ прежде Никитина, начавшаго войну 1812 года уже полковникомъ, а не подполковникомъ какъ Сухозанетъ? Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ названъ Никитинъ. слѣдовало бы сказать покрайней мѣрѣ «и *другихъ*», а если этого нѣтъ, то, почему они одни удостоились быть избранными? Въ то время артиллерія наша была богата славными боевыми ротными артиллерійскими командирами: Костенецкій, Шульманъ, Мерлинъ, Глуховъ, Козенъ, Винсперъ, Дитериксы, Гулевичъ, Веселицкій и множество другихъ, изъ коихъ, въ обозначенную авторомъ *), эпоху нѣкоторые были уже генералами и начальниками артиллеріи въ корпусахъ.—Наконецъ, называя ротныхъ командировъ конной артиллеріи Сухозанета и Никитина, ни въ какомъ уже случаѣ нельзя было обойти имя Арнольди, тоже полковника и командира, также конной роты, и нельзя пропустить его именно потому, что совершенный имъ подвигъ въ Денневицкомъ сраженіи не многимъ выпадаетъ въ удѣлъ **). Надо думать, что приведенныя почтеннымъ авторомъ имена первыя попались на память; но какъ бы то ни было, положительно есть только то, что не они и не тѣ, которыхъ назвалъ и я, *содѣйствовали* Аракчееву въ *преобразованіи артиллеріи*; они были, какъ я уже и замѣтилъ, славными дѣятелями въ полѣ, съ *преобразованной* уже артиллеріей.

Коснувшись предмета преобразованія артиллеріи, вмѣсто на-

*) Въ Шведскую войну 1808—1809 годовъ славились артиллерійскія роты Аргуна, Пребстинга, Судакова и пр , также часть гвардейской артиллеріи, подъ начальствомъ полковниковъ Третьякова и Мацлева.

**) Въ этомъ сраженіи наслѣдный принцъ шведскій (Бернадотъ), видя какъ артиллеристы шести орудій конной роты и Арнольди, пошли въ атаку и взяли двѣ пушки, снялъ шляпу и, поклонившись канонирамъ, сказалъ: «Много я испыталъ чудесъ въ войнѣ, но не видалъ артиллеріи, берущей «орудія у пѣхоты! И, возвысивъ голосъ, прибавилъ: «у пѣхоты—француз-«ской!!»

званныхъ лицъ правильнѣй было бы назвать И. Г. Гогеля, съ давняго времени пользовавшагося довѣріемъ въ знаніи дѣла и особеннымъ расположеніемъ Аракчеева. Въ 1806 году, еще въ чинѣ полковника, Гогель былъ уже назначенъ главно-присутствующимъ во временномъ артиллерійскомъ комитетѣ. Артиллерія обязана ему многими нововведеніями и усовершенствованіями. Но предоставимъ самому автору рѣшить, почему вмѣсто того, чтобы назвать лицъ, дѣйствительно содѣйствовавшихъ Аракчееву въ подвигѣ помянутаго преобразованія артиллеріи, назвалъ онъ боевыхъ дѣятелей, не участвовавшихъ въ томъ? Мнѣ кажетсъ этимъ предметомъ почтенный авторъ долженъ бы быть близко знакомъ, будучи нѣкогда артиллеристомъ.

За вышеприведенными словами причисляется къ *скудному* «*итогу* дѣятельности Аракчеева *другая бездѣлица:* «Еще болѣе «достойна уваженія постоянная заботливость Аракчеева о сохране-«ніи въ войскахъ дисциплины и порядка, тѣмъ болѣе, что онъ «самъ всегда могъ служить примѣромъ строгаго исполненія «возлагаемыхъ на него обязанностей». Не правда ли, какая *бездѣлица*, складывается въ *скудный итогъ*!

Вслѣдъ же за послѣдними словами читаемъ: «Отдадимъ также «справедливость энергическимъ мѣрамъ, имъ принятымъ въ «Финляндскомъ походѣ 1809 года».

Къ этой *бездѣлицѣ* почтенный авторъ дѣлаетъ оговорку, подобно какъ и о преобразованіи артиллеріи, и водъ эта оговорка. «Замѣтимъ, *однакоже*, что для приведенія ихъ въ дѣйствіе, необходимы были Барклаи, Багратіоны и Кульневы».

Это уже совершенное незнаніе событій этой войны! Впрочемъ, не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что дѣйствительно до сихъ поръ мы не имѣемъ удовлетворительнаго описанія этой войны *), театръ которой такъ близокъ къ нашей столицѣ. Тѣмъ болѣе казалось бы подробное описаніе ея необходимо, что оно было бы и поучительно: потому что, если бы намъ когда либо пришлось опять тамъ дѣйствовать, то это совершалось бы едвали не вполнѣ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, что и полвѣка тому назадъ: та же малая война, тѣ же затрудненія подвозовъ (исключая береговыхъ пунктовъ, если море будетъ въ нашей власти); тѣ же пути сообщенія, горы, лѣса, тѣснины, узкія дороги, безчисленныя озера, болота и т. п. У насъ есть два очерка этой войны: Сухтелена,

*) Все однако же не до такой степени, чтобы, говоря о ней, сказать подобную фразу. Но конечно и здѣсь надо быть справедливымъ и не слишкомъ укорять почтеннаго автора въ этомъ промахѣ; когда онъ былъ професоромъ военной каѳедры, то Шведская война 1808—1809 годовъ не преподавалась, или, какъ говорится, не читалась? то ему и не было необходимости знать ее по казенной надобности; этимъ и можно объяснить, почему въ одномъ изъ сочиненій своихъ, онъ приписываетъ Кваркенъ— князю Багратіону, котораго ни самъ онъ, ни его войска не видали.

генштейна и Багговута—г. л. князя Багратіона для дѣйствія чрезъ Аландъ; на мѣсто князя Голицына, для перехода чрезъ Кваркенъ—г. л. Барклая-де-Толли; а для дѣйствій чрезъ Торнео —г. а. графа П. А. Шувалова, на мѣсто г. л. Тучкова 1-го. Вмѣстѣ съ симъ отправленъ на мѣсто къ главнокомандующему военный министръ графъ Аракчеевъ, для устраненія причинъ, которыя могли бы вновь быть преставлены о невозможности привести въ исполненіе помянутый планъ и настоянія въ неотмѣнномъ и скорѣйшемъ исполненіи его, по случаю скораго наступленія весны. Не говоря уже о главнокомандующемъ Кнорингѣ, не находившемъ возможности такого дѣйствія, самъ графъ Аракчеевъ встрѣтилъ тоже самое и у вновь назначенныхъ начальниковъ пунктовъ, исключая князя Багратіона, который далъ чрезвычайно лаконическій отвѣтъ, сказавъ: «прикажутъ, такъ пойдемъ!» *). Графъ Шуваловъ, принявшій начальство отъ г. л. Тучкова надъ Улеаборгскимъ корпусомъ, представлялъ разныя препятствія, но болѣе всѣхъ противился Барклай-де-Толли.

Принявъ корпусъ въ Вазѣ, онъ, Барклай-де-Толли, представлялъ о невозможности перехода чрезъ Кваркенъ: «По неимѣнію «провіанта; по недостаточной числительности войскъ къ немед«ленному предпріятію; по неимѣнію полнаго комплекта боевыхъ «патроновъ; по неимѣнію надежнаго офицера квартирмейстерской «части и картъ; что управляющій провіантскою частію въ кор«пусѣ боленъ» и т. д. Заключая донесеніе свое, что, по слуху, «непріятель собираетъ силы свои близь Умео: «слѣдственно, гово«рилъ онъ, съ 5000-ми человѣкъ, *мнѣ идти туда нельзя*».

На донесеніе графа Шувалова, излагавшаго причины, препятствующія предпринять назначенное ему движеніе, графъ Аракчеевъ отвѣчалъ поясненіемъ неосновательности оныхъ довольно подробно, подтвердивъ неотложное исполненіе Высочайшей воли и, чрезъ нѣсколько дней, блистательный успѣхъ увѣнчалъ предпріятіе. Относительно же *препятствій*, выраженныхъ Барклаемъ де-Толли, писавшимъ (22 февраля) рѣшительно, что ему «идти туда (чрезъ «Кваркенъ) нельзя», графъ Аракчеевъ, чрезъ четыре дня (26 и 28 февраля) опровергъ ихъ и, чрезъ нѣсколько дней, безпримѣрный подвигъ—переходъ черезъ Кваркенъ—состоялся. Замѣчательны

*) Отвѣтъ этотъ отнюдь не доказываетъ, чтобы было сознаніе въ дѣйствительности тѣхъ причинъ, которыя представлялъ Кнорингъ. Къ сему слѣдуетъ еще замѣтить, что часть войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать чрезъ Аландъ, состояла изъ двадцати или около того тысячъ человѣкъ, слѣдовательно вчетверо болѣе противъ силъ, предназначенныхъ Барклаю де Толли и почти втрое болѣе войскъ графа Шукалова. Сверхъ-того, во всякой неудачѣ, князь могъ, какъ говорится, умывать руки, ибо при его колоннѣ долженъ былъ находиться гр. Аракчеевъ, Кнорингъ и графъ П. К. Сухтеленъ.

между прочемъ слова Аракчеева въ предписанiи Барклаю на вышеприведенные рапорты: «... Поставя вамъ сiе на видъ, прошу «васъ скорѣе приступить къ исполненiю воли Государя Императора, о чемъ и ожидаю вашего донесенiя, чего непремѣнно отъ «меня требуетъ Его Величество». Далѣе сказано «насчетъ объ«ясненiя вашего, что вами очень мало получено наставленiй отъ «главнокомандующаго, то генералъ, съ вашими достоинствами, въ «оныхъ и нужды не имѣетъ. Сообщу вамъ только что Государь «Императоръ, къ 16-му марта, прибудетъ въ Борго, то я увѣ«ренъ, что вы постараетесь доставить къ нему Шведскiе трофеи». Повелѣнiе это писано было 28 февраля, слѣдовательно Барклай де-Толли не могъ получить онаго прежде 3 марта и, помимо всѣхъ представлявшихся имъ причинъ невозможности перехода чрезъ Кваркенъ—10 марта онъ былъ уже въ Умео. Вотъ сила энергiи графа Аракчеева! Онъ зналъ двигателя людей; зналъ, что особенныхъ препятствiй нѣтъ, а тѣ которыя представлялись ему, онъ умѣлъ отклонить, и это не могло быть сдѣлано иначе, какъ при глубокомъ знанiи дѣла, средствъ и т. п... Предписанiе его оканчивается слѣдующими знаменательными словами «на сей «разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, «ибо министровъ — много, а переходъ черезъ Кваркенъ Провидѣнiе предоставляетъ одному Барклаю де-Толли».

Нужны ли тутъ комментарiи?.. Содѣйствовали ли Барклаи, Багратiоны, Кульневы приведенiю энергическихъ мѣръ Аракчеева въ исполненiе? Напротивъ, его энергическiя мѣры заставили ихъ дѣйствовать вопреки воображавшихся препятствiй, какъ видно было изъ вышеприведеннаго краткаго очерка. Приводимъ здѣсь слова Михайловскаго-Данилевскаго въ описанiи Финлядской войны, чего, конечно, почтенный авторъ статьи не читалъ, ибо иначе онъ бы не написалъ своихъ отзывовъ.

«Такимъ образомъ всѣ три генерала *), на коихъ возложенъ «былъ переходъ черезъ Ботнику, старались подъ разными пред«логами, отклонить отъ себя исполненiе отважнаго подвига. Каж«дый отчаявался въ успѣхѣ, донося о неодолимыхъ имъ препят«ствiяхъ. Кнорингъ просилъ объ отставкѣ; Барклай-де-Толли пи«салъ, что рѣшительно идти нельзя; графъ Шуваловъ говорилъ, «что люди пропадутъ съ голода. Выставленныя ими затрудненiя «были устранены графомъ Аракчеевымъ, слѣдовательно ему при«надлежитъ (я прибавлю положительно — ему одному **), слава

*) Кнорингъ, Барклай-де-Толли и графъ Шуваловъ. Князь Багратiонъ былъ въ колоннѣ главнокомандующаго.

**) Я участвовалъ въ походѣ, какъ поручикъ генеральнаго штаба и находился при особѣ графа Шувалова, живши всегда съ его секретаремъ Я. И. Рѣнишаловымъ. Всѣ переписки мнѣ очень знакомы и проч. Тогда не было еще штабовъ, все дѣлалось въ кабинетѣ начальника.

генштейна и Багговута—г. л. князя Багратіона для дѣйствія чрезъ Аландъ; на мѣсто князя Голицына, для перехода чрезъ Кваркенъ—г. л. Барклая-де-Толли; а для дѣйствій чрезъ Торнео —г. а. графа П. А. Шувалова, на мѣсто г. л. Тучкова 1-го. Вмѣстѣ съ симъ отправленъ на мѣсто къ главнокомандующему военный министръ графъ Аракчеевъ, для устраненія причинъ, которыя могли бы вновь быть преставлены о невозможности привести въ исполненіе помянутый планъ и настоянія въ неотмѣнномъ и скорѣйшемъ исполненіи его, по случаю скораго наступленія весны. Не говоря уже о главнокомандующемъ Кнорингѣ, не находившемъ возможности такого дѣйствія, самъ графъ Аракчеевъ встрѣтилъ тоже самое и у вновь назначенныхъ начальниковъ пунктовъ, исключая князя Багратіона, который далъ чрезвычайно лаконическій отвѣтъ, сказавъ: «прикажутъ, такъ пойдемъ!» *). Графъ Шуваловъ, принявшій начальство отъ г. л. Тучкова надъ Улеаборгскимъ корпусомъ, представлялъ разныя препятствія, но болѣе всѣхъ противился Барклай-де-Толли.

Принявъ корпусъ въ Вазѣ, онъ, Барклай-де-Толли, представлялъ о невозможности перехода чрезъ Кваркенъ: «По неимѣнію «провіанта; по недостаточной числительности войскъ къ немед-«ленному предпріятію; по неимѣнію полнаго комплекта боевыхъ «патроновъ; по неимѣнію надежнаго офицера квартирмейстерской «части и картъ; что управляющій провіантскою частію въ кор-«пусѣ боленъ» и т. д. Заключая донесеніе свое, что, по слуху, «непріятель собираетъ силы свои близъ Умео: «слѣдственно, гово-«рилъ онъ, съ 5000-ми человѣкъ, *мнѣ идти туда нельзя*».

На донесеніе графа Шувалова, излагавшаго причины, препятствующія предпринять назначенное ему движеніе, графъ Аракчеевъ отвѣчалъ поясненіемъ неосновательности оныхъ довольно подробно, подтвердивъ неотложное исполненіе Высочайшей воли и, чрезъ нѣсколько дней, блистательный успѣхъ увѣнчалъ предпріятіе. Относительно же *препятствій*, выраженныхъ Барклаемъ де-Толли, писавшимъ (22 февраля) рѣшительно, что ему «идти туда (чрезъ «Кваркенъ) нельзя», графъ Аракчеевъ, чрезъ четыре дня (26 и 28 февраля) опровергъ ихъ и, чрезъ нѣсколько дней, безпримѣрный подвигъ—переходъ черезъ Кваркенъ—состоялся. Замѣчательны

*) Отвѣтъ этотъ отнюдь не доказываетъ, чтобы было сознаніе въ дѣйствительности тѣхъ причинъ, которыя представлялъ Кнорингъ. Къ сему слѣдуетъ еще замѣтить, что часть войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать чрезъ Аландъ, состояла изъ двадцати или около того тысячъ человѣкъ, слѣдовательно вчетверо болѣе противъ силъ, предназначенныхъ Барклаю де Толли и почти втрое болѣе войскъ графа Шукалова. Сверхъ-того, во всякой неудачѣ, князь могъ, какъ говорится, умывать руки, ибо при его колоннѣ долженъ былъ находиться гр. Аракчеевъ, Кнорингъ и графъ П. К. Сухтеленъ.

между прочемъ слова Аракчеева въ предписаніи Барклаю на вышеприведенные рапорты: «... Поставя вамъ сіе на видъ, прошу «васъ скорѣе приступить къ исполненію воли Государя Императора, о чемъ и ожидаю вашего донесенія, чего непремѣнно отъ «меня требуетъ Его Величество». Далѣе сказано «насчетъ объясненія вашего, что вами очень мало получено наставленій отъ «главнокомандующаго, то генералъ, съ вашими достоинствами, въ «оныхъ и нужды не имѣетъ. Сообщу вамъ только что Государь «Императоръ, къ 16-му марта, прибудетъ въ Борго, то я увѣ«ренъ, что вы постараетесь доставить къ нему Шведскіе трофеи». Повелѣніе это писано было 28 февраля, слѣдовательно Барклай де-Толли не могъ получить онаго прежде 3 марта и, помимо всѣхъ представлявшихся имъ причинъ невозможности перехода чрезъ Кваркенъ—10 марта онъ былъ уже въ Умео. Вотъ сила энергіи графа Аракчеева! Онъ зналъ двигателя людей; зналъ, что особенныхъ препятствій нѣтъ, а тѣ которыя представлялись ему, онъ умѣлъ отклонить, и это не могло быть сдѣлано иначе, какъ при глубокомъ знаніи дѣла, средствъ и т. п... Предписаніе его оканчивается слѣдующими знаменательными словами «на сей «разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, «ибо министровъ — много, а переходъ черезъ Кваркенъ Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю де-Толли».

Нужны ли тутъ комментаріи?.. Содѣйствовали ли Барклаи, Багратіоны, Кульневы приведенію энергическихъ мѣръ Аракчеева въ исполненіе? Напротивъ, его энергическія мѣры заставили ихъ дѣйствовать вопреки воображавшихся препятствій, какъ видно было изъ вышеприведеннаго краткаго очерка. Приводимъ здѣсь слова Михайловскаго-Данилевскаго въ описаніи Финлядской войны, чего, конечно, почтенный авторъ статьи не читалъ, ибо иначе онъ бы не написалъ своихъ отзывовъ.

«Такимъ образомъ всѣ три генерала *), на коихъ возложенъ «былъ переходъ черезъ Ботнику, старались подъ разными пред«логами, отклонить отъ себя исполненіе отважнаго подвига. Каж«дый отчаявался въ успѣхѣ, донося о неодолимыхъ имъ препят«ствіяхъ. Кнорингъ просилъ объ отставкѣ; Барклай-де-Толли пи«салъ, что рѣшительно идти нельзя; графъ Шуваловъ говорилъ, «что люди пропадутъ съ голода. Выставленныя ими затрудненія «были устранены графомъ Аракчеевымъ, слѣдовательно ему при«надлежитъ (я прибавлю положительно — ему одному **), слава

*) Кнорингъ, Барклай-де-Толли и графъ Шуваловъ. Князь Багратіонъ былъ въ колоннѣ главнокомандующаго.

**) Я участвовалъ въ походѣ, какъ поручикъ генеральнаго штаба и находился при особѣ графа Шувалова, живши всегда съ его секретаремъ Я. И. Рѣнишаловымъ. Всѣ переписки мнѣ очень знакомы и проч. Тогда не было еще штабовъ, все дѣлалось въ кабинетѣ начальника.

«приведенія въ дѣйствіе великой мысли Александра о перенесеніи «Русскихъ знаменъ на Шведскій берегъ. Безъ его понужденій и «принятыхъ мѣръ—переходъ бы не состоялся».

Похоже ли все это на то, что̀ говоритъ почтенный авторъ?.. Зачѣмъ безпрестанныя: *«но»*, *«однакожъ»*, и т. п. съ видимою цѣлью ослабить заслугу? Вотъ что слѣдуетъ еще замѣтить. Понятно, что надо было упомянуть Барклая-де-Толли и князя Багратіона, какъ главныхъ предводителей на двухъ пунктахъ перехода; но почему не упомянается графъ Шуваловъ, которому предназначенъ былъ третій, самый сѣверный пунктъ, движеніе чрезъ Торнео противъ единственной тогда Шведской арміи—въ семь тысячъ человѣкъ, которая лицемъ къ лицу стояла противъ насъ, защищая Торнео? Искусными движеніями своими по заливу, графъ Шуваловъ, принудилъ весь этотъ корпусъ, съ нѣсколькими генералами, положить оружіе. Назвавъ Барклая и Багратіона, приличнѣе было бы назвать и графа Шувалова, а не ставить въ уровень двумъ первымъ—Кульнева. Это былъ одинъ изъ авангардныхъ начальниковъ, извѣстный своею храбростію и находился въ этомъ званіи въ одной изъ коллонъ, занявшихъ Аландскіе острова и ближе къ переходу чрезъ Аландъ-гафъ; ему выпалъ жребій идти съ частью своихъ войскъ на Шведскій берегъ въ Грисельгамъ; а предшествовалъ ему извѣстный Денисъ Давыдовъ. И здѣсь видно изъ донесеній Аракчеева, что это по настоянію только его и было совершенно. Во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли и княземъ Багратіономъ—имя Кульнева неумѣстно; повторяю, онъ былъ герой своего времени, но въ распорядительности не могъ стоять въ уровень съ помянутыми лицами *).

Авторъ продолжаетъ слагать *скудный итогъ*, и говоритъ: «Наконецъ, чтобы угодить панегиристамъ Аракчеева, мы даже «готовы вмѣстѣ съ ними восхвалять въ немъ *отрицательное* *) «достоинство — безкорыстіе. Но вотъ и все». Сущая бездѣлица въ *скудномъ итогѣ!* За послѣдними словами авторъ восклицаетъ: «Что сталось съ основанными имъ военными поселеніями? Къ че«му послужала преграда, поставленная его себялюбивымъ усердіемъ «между Монархомъ и подданными?»

Но это такъ темно, что трудно и понять, что̀ почтенный

*) Извѣстно, что въ 1810 году, при атакѣ Турецкаго лагеря при Батинѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, ему неудававшихся, среди сраженія, онъ объявилъ графу Каменскому о невозможности одолѣть укрѣпленія, за что и былъ арестованъ. Генералъ Сабанѣевъ, заступивъ тотчасъ его мѣсто, немедленно одолѣлъ всѣ препятствія, и лагерь, со всѣми укрѣпленіями, былъ взятъ.

**) Въ оригиналѣ—курсивомъ. Здѣсь слѣдовало бы сказать о замѣчательномъ духовномъ завѣщаніи графа, возвратившимъ на отечественную пользу все, что получалъ отъ Монарховъ въ награду...

авторъ хочетъ сказать этимъ? Поселенія были основаны по волѣ Монарха. Аракчеевъ, какъ и во всемъ, былъ энергическимъ исполнителемъ оной. Какая поставлена была себялюбивымъ усердіемъ Аракчеева между Монархомъ и подданными? Взвѣсилъ ли достаточно почтенный авторъ это выраженіе? Было бы желательно —что нѣтъ; ибо, въ какомъ же свѣтѣ ставитъ онъ Императора Александра, не усмотрѣвшаго воздвигаемыхъ ему преградъ съ народомъ? Пойдемъ далѣе.

«Безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ фактовъ изумительной карьеры Аракчеева удостовѣряетъ въ томъ, что онъ этими успѣхами всего болѣе *былъ обязанъ своей дѣятельности* (къ сожалѣнію неплодотворной *) и необыкновенному умѣнью выказать себя усерднымъ исполнителемъ воли Императора Александра, снисканному еще тогда, когда Онъ былъ Великимъ Княземъ.— Аракчеевъ изучилъ его характеръ и спачала проявлялъ человѣколюбіе, *чуждое его каменному сердцу*. Въ томъ числѣ изъ «многихъ примѣровъ укажемъ на слѣдующіе». За симъ авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, но вѣрный своей программѣ— уничтожать, или ослаблять все то, что можетъ быть хорошаго въ избранномъ имъ героѣ, присовокупляетъ **): «Въ послѣдую«щей дѣятельности графа Аракчеева уже не встрѣчается такой «филантропіи, и всѣ, находившіеся подъ игомъ его, страдали не «смѣя и жаловаться». Полно, такъ ли? Вѣдь здѣсь почтенный исторіографъ изображаетъ мудраго Государя нашего, какъ бы покинувшимъ бразды правленія, отдавъ оныя въ руки Аракчеева; правда (по засвидѣтельствованію исторіографа), человѣка умнаго, усерднаго, оказавшаго значительныя услуги; но нельзя и не согласиться, чтобы и Императоръ Александръ I-й не былъ изъ мудрѣйшихъ Монарховъ, а главное, пропитанный любовью къ народу, котораго Онъ не могъ бы предать въ руки Аракчеева, какъ здѣсь говорится.

Почтенный авторъ продолжаетъ и, въ доказательство, что никто не смѣлъ на него жаловаться, говоритъ: «Только лишь «графъ Бугсгевденъ, человѣкъ довольно строптиваго характера, «*тяжко оскорбленный* Аракчеевымъ, послалъ ему письмо, «*оставшееся* памятникомъ того, какимъ образомъ онъ обращался «съ первыми сановниками имперіи».

Не ужели г. авторъ, въ настоящее время, находитъ это письмо

*) Образованіе артиллеріи; введеніе дисциплины въ войскахъ; безкорыстіе; энергическія мѣры въ войну 1809 года и т. п. — не отрицаются и самимъ авторомъ, и все это — «*неплодотворно*!»

**) То же самое видно и въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года», относительно Кутузова, Ростопчина, Багратіона, Милорадовича. То же находимъ и въ Исторіи войнъ 1813 и 1814 годовъ; такъ онъ поступаетъ и съ Аракчеевымъ.

дѣльнымъ? Многіе, въ то даже время, ни оправдывали его содержанія *). Говоря объ этомъ письмѣ и, если только оно было прочитано почтеннымъ авторомъ, ему не трудно было бы вникнуть въ содержаніе онаго. Главнокомандующій доноситъ Государю объ успѣхѣ предпріятія войскъ, причемъ между прочимъ было взято (кажется, преимущественно у мызы Віасъ) обозначенное имъ количество пороха и т. п. Артиллерійское же вѣдомство показало принятымъ этотъ порохъ въ количествѣ несравненно меньшемъ. Въ то время не было еще учрежденія большой дѣйствующей арміи, слѣдовательно и штабовъ, а потому военный министръ и не могъ отнестись иначе; какъ прямо къ главнокомандующему. Надо же было разъяснить дѣло, тѣмъ болѣе, что, при перемѣнахъ въ артиллеріи, введеніи въ оной правильной отчетности и т. п., требовалось и повѣрки оказавшагося разногласія и т. д. Въ настоящее время, когда сношенія разныхъ вѣдомствъ приняли болѣе опредѣленный ходъ, то, можетъ быть: военному министру и не пришлось бы о такомъ обстоятельствѣ писать прямо къ главнокомандующему, но если бы и случилось это, то, конечно, никого бы не удивило.—Графъ Буксгевденъ былъ самолюбивъ, строптивъ, и можетъ быть, лично недовольный за многія сообщенія ему высочайшей воли военнымъ министромъ относительно военныхъ дѣйствій, излилъ на него всю желчь свою. Нельзя отвергать конечно, что многое, сказанное въ письмѣ, было очень дѣльно; но оно не касалось предмета, а было только краснорѣчивое разсужденіе о значеніяхъ главнокомандующаго и военнаго министра. Во всякомъ случаѣ письмо это не доказываетъ ничего того, что по видимому авторъ статьи поставилъ себѣ задачей и именно—стушевывать съ дѣятельности Аракчеева все то, что можетъ заявлять о принесенной имъ пользѣ, выставить его человѣкомъ съ жесткимъ сердцемъ: это очень и могло быть, но для сего нужны доказательства положительныя, а не противорѣчащія одни другимъ, какъ это дѣлается въ статьѣ.

Послѣ того, какъ авторъ упомянулъ о сказанномъ письмѣ главнокомандующаго, онъ продолжаетъ: «по умиротвореніи Европы «Александромъ I-й: когда неблагодарность людей и *пресыщеніе величіемъ «и славой, заставили Его искать уединенія и спокойствія*, «графъ Аракчеевъ, сдѣлавшись *почти* единственнымъ докладчи«комъ по всѣмъ дѣламъ у Государя, не зналъ предѣла своему «высокомѣрію и вполнѣ проявилъ черственность души своей. Все

*) Письмо было переведено, для отправки къ Аракчееву, находившимся при главнокомандующемъ, генеральнаго штаба маіоромъ Гавердовскомъ (убитымъ при Бородинѣ, въ чинѣ полковника). Я очень хорошо помню, что, когда письмо это сдѣлалось извѣстно, то многія находили его надѣльнымъ, что думалъ и самъ переводившій, смягчивъ еще многое. Оно напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1858 г. Кн. I — я.

«изнывало подъ такимъ гнетомъ его произвола» и т. д. Авторъ приводитъ систему управленія его дѣлами домашними и военныхъ поселеній и описываетъ жестокость оной. Въ исчисленіи этомъ проскользнула слѣдующая фраза: «графъ Аракчеевъ не разбиралъ «средствъ, *стремясь къ достиженію цѣли—увеличить военную «силу Россіи и содержать войска ихъ собственными способами*». Цѣль великая, государственная, дышащая любовью къ отечеству. Пусть достиженіе ея было омрачено мѣрами жестокими, рѣшительными, но могло ли бы это быть достигнуто въ тотъ вѣкъ кротостію? Конечно нѣтъ. Учрежденіе это отжило свой вѣкъ, и оно уничтожилось; между-тѣмъ вспомнимъ, какую громадную пользу принесли южныя поселенія во время Турецкой войны 1828—1829 годовъ одними уже запасами своими, доставлявшимися въ армію и т. д. и т. д.

Но здѣсь я оставляю все это въ сторонѣ, а замѣчу, еще разъ, въ какомъ же свѣтѣ оказывается заботливость Благословеннаго нашего Монарха, какъ бы махнувшаго рукой на цѣль благосостоянія государства? Согласно ли это будетъ съ истиной, когда заглянемъ въ Исторію и найдемъ въ ней, что съ 1815 года (эпоху, опредѣляемую господиномъ исторіографомъ, что Государь отдалился отъ дѣлъ), до кончины своей, чрезъ десять лѣтъ, заботливость Императора и внутри государства и внѣ онаго, направлена была на упроченіе благосостоянія и славы отечества *).

Желательно, чтобы отрывокъ, на которой набрасываются здѣсь нѣсколько замѣчаній, не попалъ въ Исторію Императора Александра I-го.

Вѣдь найдутся многіе, недостатотно ознакомленные съ исторіею дѣятельности графа Аракчеева, которыхъ не разувѣришь, чтобы все сказанное г. профессоромъ не было неоспоримой истиной; даже и болѣе просвѣщенные поколеблятся въ истинѣ того, что знали прежде.

Въ другомъ авторѣ можно бы было отнести многое, въ особенности ошибку въ имени Аракчеева, въ опискѣ или къ неусмотрѣнной опечаткѣ; но исторіографу Императора Александра I-го, взявшемуся писать о лицѣ, не знать его имени, это какъ то чудно! Автору, съ такимъ авторитетомъ, ничего простить нельзя ни одной запятой: онъ уполномоченный исторіографъ величайшей эпохи на-

*) Мысль объ освобожденіи крестьянъ не въ это ли самое время начала развиваться постепенными мѣрами новыхъ законоположеній и пр.?

шей исторіи, слѣдовательно, нетолько что невѣрность, но малѣйшая небрежность принимаетъ большіе размѣры. Честь нашей военной литературы требуетъ замѣчаній тамъ, гдѣ грѣшатъ противъ исторіи дорогихъ намъ событій, а такихъ много и очень много во всѣхъ твореніяхъ почтеннаго профессора-исторіографа, и есть промахи громадные!

Апрѣль 1866 г. С.-Петербургъ.
